

Алексей Сухих

ЖИЗНЬ НИ ЗА ЧТО

Книга
первая

Алексей Сухих

Жизнь ни за что. Книга первая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18149835

ISBN 9785447468187

Аннотация

Непростая судьба главного героя, его друзей и страны проведёт читателя от 1953 г. до начала XXI века и расскажет, как жили люди в первой стране социализма, которая не была страшной, не была злодейской, как её малюют демократы всех мастей последние 30 лет. Расскажет о победах и бедах, о бездарных вождях, о предательстве последнего генсека, приведшем к развалу СССР и невообразимым страданиям сотен миллионов людей, жизнь и труд которых в одночасье превратились в ничто.

Содержание

От автора	6
Введение в действительную историю	9
Часть первая. Истоки	37
I	37
II	59
III	76
IV	104
V	113
VI	152
VII	185
VIII	222
IX	255
Конец ознакомительного фрагмента.	277

Жизнь ни за что

Книга первая

Алексей Сухих

© Алексей Сухих, 2016

Фотография на обложке авторская Алексей Сухих

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Алексей Сухих

Моим друзьям, всем трудовым поколениям

*создавшим богатство, могущество и славу советского
союза посвящается*

От автора

Первое. Устав видеть и слышать гадости, совершаемые людьми современными и жившими в прошлых тысячелетиях, и отражённых в истории, автор обратился к Богу:

«Скажи, ВСЕДЕРЖИТЕЛЬ, почему ты не ограничиваешь человека в низких чертах его характера – пьянстве, разврате, преступлениях всякого рода, в том числе развязывание войн между народами и государствами?»

Бог ответил мгновенно:

«Если я лишу человека права на самоограничение, я лишу его права быть личностью».

Ответ убрал сомнения у автора, но опечалил. Необузданность страстей и желаний проявились уже в первой семье прародителей Адама и Евы, в которой брат убил брата. А вся дальнейшая история жизни человеческой только подтверждала о неподготовленности людей для перехода к жизни по законам царства божия. И было грустно и печально понимать, что к идеям самоограничения человечество может прийти только через величайшие страдания планетарного масштаба.

Второе. Роман не является биографией автора. В главном герое Леониде Сугробине переплелись судьбы друзей, товарищей и знакомых из поколения тридцатых, сороковых, пятидесятых годов двадцатого столетия живших и работавших

в суровые и гордые годы сражений, побед и свершений. Однако автор не отрицает того, что некоторые события в судьбе Л. Сугробина соответствуют жизненному пути автора,

Третье. Все исторические события и характеристики личностей, вошедших в историю текущего момента, отражены в романе от взгляда снизу, от народа. И эта оценка не во многом соответствует официальной оценке событий и личностей, также как и изложению событий в текущих школьных учебниках, регулярно переписываемых под ежеминутную политическую направленность правящих политических сил.

Четвёртое. Предлагаемое произведение создано в память «потерянных» поколений, родившихся в 30-х, 40-х и частично 50-х годах XX века и уже ушедших из жизни. И в поддержку ещё живущих трудными старческими днями, униженных в окончании жизненного пути за то, что они строили новое общество. Они не прожили «жизнь ни за что». Своей жизнью, и своим трудом они создали могучую державу, в которой жили без страха за своё будущее и показали миру, на что способен освобождённый народ. А для нынешних поколений книга объективно показывает, что социализм как общественная система был ни страшным, ни злодейским, каким его малюют борцы за народовластие и демократию последние тридцать лет. И что борьба за реальную свободу ещё впереди.

Алексей Сухих

Введение в действительную историю

Действительная история XX века будет написана в будущем объективными потомками. Но та история будет взглядом из далека. Современника, чрезвычайно запутанного и переполненного действительно судьбоносными событиями прошедшего века, напичкали противоречивой информацией, в которой непросто разобраться, если этот современник событий не прочувствовал их на себе и не пропустил их через своё сердце. Автор.

«Абсолютное ничто – это сверхразум со сверхвозможностями и он способен из себя создавать первоначальные планы. С физической точки зрения всё в этом мире исчезает, но этот уровень остаётся всегда. С него всё начинается и им же всё кончается... Мир высшей реальности – мир планов, законов, отношений между элементами материи и они более устойчивы, чем сама материя. В развитии теории появился некий уровень реальности, синонимом которого в религии является БОГ. Эта реальность обладает всеми признаками божества. Я не знаю, как это божество устроено, но оно реально существует».

Г.И.ШИПОВ, директор центра физики вакуума,
Академик РАЕН.

На рубеже веков отделяющих второе тысячелетие от третьего по принятому христианскими народами и странами новому летоисчислению и принявшему за точку отсчёта день и год рождения Христа, наука этих же христианских государств признала существование БОГА, как творца всего существующего. И для бесчисленных образованных и думающих людей сразу стало жить проще и реальнее. У них отпал извечный вопрос: «Зачем я существую?» И стало понятным и объяснимым создание материального мира ранее непонятное и необъяснимое. Понятным стало появление на земле Гермеса Трисмегиста, Будды, Христа, Магомета.

Когда из земной жизни уходят простые люди, пусть даже лауреаты Нобелевских премий, обычные короли, президенты и премьер-министры, в мире ничего не происходит, кроме нескольких минут светской хроники, сочувствий семье и прочее самое обыкновенное, даже если это принцесса Диана. Но когда из жизни уходят вершители мира, мир содрогается и живёт в предчувствии новых потрясений и изменений судеб и жизней... Так оно и происходит. Коммунистический материализм и полный атеизм не объяснял многих явлений. Не объяснял он и появление «вершителей». С признанием наличия вселенского разума как творца, появление вершителей мира объясняется просто. Они не просто люди, рождённые земной женщиной. Они посланцы.

Таким вершителем был Иосиф Сталин. Не этому времени его судить, не нашим поколениям, которые были в одно

время с ним, были соратниками, противниками, попутчиками, слушали и выполняли его указания или боролись против него. Одни боролись вместе с ним и побеждали, другие боролись против него, терпели поражение и погибали... И не тем судить, кто кладёт сейчас на Иосифа Сталина кучи дерьма. Не тем, которые всегда продавали Россию. Не тем, которые предавали и продавали кто за серебряники, кто по велению своей гнилой души, возвращённой в России, но никогда ей не принадлежавшей. Кого вели тайные силы на власть, и кто пришёл в России к власти в 1917-ом? Одни масоны одной национальности: Ленин, Троцкий, Каменев, Зиновьев, Дзержинский и прочие «Мартовы» (По переписи 1887 года в Российской империи проживало 5200000 евреев; по переписи 1970 года в Советском Союзе проживало 2151000 евреев. По переписи 2002 года евреев было 230000 человек. По переписи 2010 года всего 157000. Куда, сермяги, подевались? Спрятались за отсутствие графы о национальности в постсоветском паспорте. Графы, которой все национальности гордились.)

Известно многим и давно, что к власти над миром рвётся «избранная» нация. Но Творец за предательство и мученическую смерть сына своего лишил эту нацию своего покровительства и рассеял по миру, лишив их земли обетованной¹, и права руководства миром, на которое они претендовали. И руководят этой нацией теперь враги рода человеческого.

¹ История приписывает это деяние императору Адриану.

Они борются с Творцом, через вождей, скрывшихся от своего народа под завесы сверх тайного образования, никому и никогда не открывающего их имена и местонахождения... Им всегда были известны *тайны древнейших манускриптов* и они знают, что не победят, но поколения за поколением борются и даже одерживают временные победы на отдельных направлениях. Особый фронт борьбы представляла Русь с момента возникновения, и её светлая православная религия. И под видом борьбы за светлое будущее, ими сначала миру был открыт второй великий, после Иисуса Христа, еврей Карл Маркс, создавший правдоподобную утопию всемирного равенства, братства и благоденствия. И кинули идеи Маркса на благодатную российскую почву, где к тому времени почему-то родился гениальнейший Ленин и другие, весьма способные господа, которые были введены в тайные организации тайных вождей и прошли соответствующую подготовку. Объединившись в сообществе масонов, они создали в Российской империи партию коммунистов. И вскоре, выполняя планы им предначертанные, эти господа захватили власть и ввергли Российское государство в уничтожающую нацию гражданскую войну и привлекли для уничтожения весь остальной мир. И нынешние «борцы – антисталинисты», вовсе не осуждают их, а изыскивают всевозможные способы, чтобы вычеркнуть Сталина, победившего их всех вместе взятых и по сути отнявшего у них их «законную» победу. Вычеркнуть его из истории и высветить себя как по-

терпевших от деспота ратовавших за народное счастье чистых людей, а не создателей планов разрушения и ликвидации России как чего-нибудь стоящего государства... Ведь их цель была не создание рая на российской земле, не создание социального мира и всеобщего благоденствия, а уничтожения России как могущественного самостоятельного государства, которое шло своим путём и не очень-то благоволило к «избранным». А попросту стояла костью в горле на их пути к владению миром. Деятельность масонских лож и членство в масонских ложах российских подданных всеми государями императорами в России было запрещено и преследовалось царскими правительствами. Государыни знали об их существовании в мире и хорошо понимали всю коварность и опасность распространения открытого масонства в своём государстве. И вот в октябре семнадцатого года XX века небольшая, в общем-то, группа активных, решительных и организованных людей, используя раздробленность общества, нерешительность временного правительства в проведении давно назревших реформ и доведшего массы рабочих, крестьян, солдат, матросов и прочие слои общества до полного отвращения к себе, а также огромного вливания германских масонских денег, организовала революционный дворцовый переворот. А правильнее сказать, подобрала брошенную и никем не поддерживаемую власть. Взяв в свои руки центральные учреждения по управлению страной, большевики сразу же решили все вопросы. Сформировав в два

часа правительство, Ленин и Троцкий уже в ночь переворота объявили телеграфом по всей стране, что власть перешла в руки советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. А дальше пошли демагогические декреты о передаче заводов рабочим, земли крестьянам и... грабь, убивай, захватывай. Полиция была распущена, тюрьмы открыты, войска самораспускались. Страна была развалена в несколько дней. Наступил дикий хаос и неисчислимы беды честного законопослушного народа, который убивали, насиловали, грабили, выгоняли за рубеж. Разрушали православную церковь.² Женщину объявили общественной собственностью и кинули псу под хвост всю православную мораль. Так под руководством талантливейших Ленина и Троцкого, опираясь на мощнейшую организационную и финансовую помощь сионистко – масонских всемирных организаций, была организована и проведена первая операция по уничтожению России.

² Москва. Кремль. 1 мая 1918 года. Исх. №13666/2 Председателю ВЧК т. Держинскому: В соответствии с решением ВЦИК и Совнаркома н Кремль еобходимо как можно быстрее кончить с попами и религией. Попов подлежит арестовывать как контрреволюционеров и саботажников, расстреливать беспощадно и повсеместно и как можно больше. Церкви надлежат закрытию. Помещения храмов опечатывать и превращать в склады. Председатель ВЦИК Калинин. Председатель Совнаркома Ленин. Вслед за ударом по церкви масонское правительство Ленина – Троцкого ударило по основам православной семьи, объявив женщину общественной собственностью. А принадлежность её одному мужчине, мужу, объявили не соответствующей нормой нового мира. Это была первая сексуальная революция в России. (Прим. автора)

Но русский народ не сдался и, оправившись от первых сокрушительных ударов, организовал «белое» движение на борьбу с навалившейся на страну заразой. Захватившие же власть, совсем не собирались уступать её белому движению, которое преследовало цели восстановления государства Российского как независимого и самобытного, не зависящего ни от кого-либо в своей внутренней и внешней политике. Много наломали дров обе стороны за годы уничтожающей нацию гражданской войны. Но наша гражданская война – урок всем режимам. Царизм своим пренебрежением к народным массам, нежеланием решать земельный вопрос и демократизировать общественные взаимоотношения и труд пролетариата, был побеждён простыми незатейливыми обещаниями о создании всеобщего равенства и братства в светлом будущем. Белое движение ничего для будущего, кроме возвращения царя-батюшки, не предложило. К тому же руководители белого движения приняли «бескорыстную» помощь стран Антанты их прямой интервенцией, которая по замыслу «тайных» должна была вызвать неудержимую ненависть русского народа к белым, готовых продать Русь за свою победу. И белое движение, честное в среде от корнетов до полковников, было разгромлено. А на территории Российской империи укрепилось безбожное образование из двухсот наций и народностей, контролировавшее внутреннее положение железной рукой ВЧК.

Масоны торжествовали. Старой России нет, новая в их

руках. Новая Россия отлучена от бога, раздроблена на национальные образования, лишена национальной идеи. Ещё немного добавить, и она станет оплотом всей веками вынашиваемой мечты о господстве «избранных».

Но главный в этой «заварушке» В.И. Ленин, проявлял двойственность: с одной стороны он железной рукой и гениальной мыслью продвигал и осуществлял намеченные планы; с другой стороны четвертая часть его крови была русской и заставляла любить самобытную Россию, вырастившую его, и он любил Россию. И ему казалось, что раз власть взята, остальное всё легко и просто. И можно пренебречь взятыми обязательствами. И он провёл на У1 конгрессе Коминтерна, состоявшемся с 5 ноября по 5 декабря 1922 года, резолюцию о несовместимости масонства и членства в Российской коммунистической партии. Колебания Ленина были замечены ещё ранее. И после гениального переворота в 17-м году он уже был не очень и нужен господам Троцким, Каменевым, Зиновьевым, Свердловым... и их тайным покровителям. В 18-м году его было почти порешили простым выстрелом из пистолета. Тогда он выжил и провёл победоносную гражданскую войну, гениально ввёл НЭП и сохранил государство. Но, выполняя генеральную линию на разрушение Российской империи, он создал самостоятельные советские республики, объединив их в СССР, справедливо полагая, что национализм и без него сделает своё разрушительное дело. Перед этим он отпустил Финляндию с территорией

до окраин Петрограда. А затем отпустил и Прибалтику без всяких причин, похерив двадцатилетние ратные труды Петра 1. (А Россия заплатила за выход на берега Балтики и проведение петровских реформ четвертью своего населения, которого-то и было в России к двадцатилетию Петра всего-то двенадцать-тринадцать миллионов. Суров был царь к своему «азиатскому» народу.) И при этом Ленин продолжал быть вождём масонской революции. Но резолюция Коминтерна – это было уже слишком для верных масонов. И к 23-му году Ленин был доведён искусным врачеванием до состояния полного маразматика, а в январе 24-го благополучно отошёл под рыдания ничего не понимающего пролетариата.³

1924 год. Итог. Главный масон В. И. Ленин убран соратниками, понявшими его раздвоенность между борьбой за мировое господство и любовью к России. Но смерть Ленина уже ничего не значила. К 24—му году страна победила на всех фронтах гражданской войны. Белое движение потерпело полное поражение. Перед российским масонским руководством открывались невиданные перспективы. Они продолжили уничтожение православия. Перед этим церковь была разграблена, священнослужители наполовину перебиты. На новом этапе началось уничтожение оставшихся храмов, обителей и физическое уничтожение не добытых священников. Власть на местах передавалась в руки самых ничтож-

³ Академик В. Данилов. «Русь ведическая в прошлом и будущем». (Евангелие от ариев)

ных прослоек народа, т.е. абсолютным люмпенам – неграмотным, не самодеятельным, тем, которые не могли самостоятельно делать ничего, кроме пакостей. Но они быстро усвоили ту же демагогию, что и вожди, потому что умели подчиняться не задумываясь. Пали и разбивались колокола, в монастырях устраивали колонии для заключённых. Женщина, как общественная собственность, перестала быть женой и матерью⁴ Моральные устои страны успешно разрушались. Шахты и рудники передавались иностранному капиталу на условиях кабальных концессий. Ну, как не повод для торжеств.

Но господа «масоны» ошиблись в своём высокомерии в оценке событий, когда посчитали И.В.Сталина, гениальнейшего из всей руководящей камарильи, малоспособным. И не приняли, единственного в руководстве страны не масона и не еврея, за фигуру. А он был посланником сил, противоборствующих врагу человеческому. Он не должен был

⁴ Иосифу. Сталину пришлось потратить несколько лет, чтобы устранить этот цинизм, устроенный правительством Ленина с 1918 года при активном участии любимицы Ленина Инессы Арманд, которая ради свободной любви бросила мужа и детей. Инесса покинула Россию и, познакомившись с эмигрантами – большевиками, примкнула к ним. Влюблённый в неё Ленин после захвата власти выполнял все её советы по женскому вопросу. Параллельно по этому вопросу активно работала уже на правительственных постах Александра Коллонтай. Дело с разворотом доходило до того, что в партийных и комсомольских ячейках после собраний или политзанятий устраивались сеансы коллективного секса. Это было первое внедрение на территорию России принципов и методов сексуальной революции, предназначенной для разрушения государства без применения оружия.

позволить взять власть в государстве, наследующем Российскую империю, посланникам его тайных и неизвестных миру руководителей. И И.В.Сталин, разобравшись к концу жизни Ленина в целях мирового сионизма, решил все вопросы спокойно, как если бы эти же вопросы решались вождями сионизма со своими противниками. (Сионисты никому ничего не прощают) К тридцатым годам господство сионистов-масонов в центральных органах компартии и правительства России было подорвано. На XV съезде партии Сталин добился принятия резолюции, подтверждающей решение Коминтерна о несовместимости членства в партии и членства в масонских организациях. И добил оставшихся товарищей – масонов. Враги называют эту борьбу Сталина репрессиями тридцатых. А на самом деле Сталин не отдал Россию врагу. (Трагическая смерть Троцкого совершенно не трогает православных людей в России. Ведь именно Троцкий развязал компанию по уничтожению основ православия и физического истребления православных священников. А.С.) И создал империю ещё более могущественную. Россия была спасена, и Сталину можно было уходить. Но те, кто мысли и дела знают наперед, знали, что уже подготовлен Гитлер и России предстоит новая жесточайшая схватка с врагами. И Сталин остался и стал строить социализм по Марксу – Ленину в одной отдельно взятой стране, так как теоретические программы этих великих личностей были верны.

Годы с 1928 по 1941 это время строительства материальной базы социализма. Об них самый гениальный не скажет короткими строчками. Их никто ещё не пытался осознать объективно. И если будущие историки, возможно конца XXI века, возьмутся за работу по истории этих лет, то работа не будет посильна единицам. Потребуется немалая группа, объединённых одной целью или прямое поручение будущего президента академии наук или первого лица государства. Нищая разрушенная страна с разгромленной церковью, потерявшая национальную и государственную идею за какие-то двенадцать лет станет индустриальной и обретёт для растущих поколений национальную идею – построение свободного справедливого социального общества. Что двигало народами этой страны. Думается, что не только кнут и пряник. А что-то более возвышенное двигало сотнями миллионов самых простых людей, как любят унижать своих сограждан буржуазные политики этим словом «простой». Весь этот период невообразим по своему величию подвигов и трагедий. И приближалась жестокая война. Сталин предвидел войну. Он понимал, что его схватка с авантюристами, захватившими в 17-м власть в России, не является окончательной победой. Тайные вожди «избранной» нации выдвинули новую фигуру на борьбу против России полуеврея Шилькгрубера – Гитлера. Им было всё равно, что Гитлер фанатично ненавидит евреев и за время его господства в Европе погибнут миллионы невинных граждан от корня Израиля. Главное

для них было разрушение государства с ненавистным именем Россия. Сталин предвидел войну и, проводившая индустриализацию Россия, призвала народ к всеобщему образованию и выдвинула из его рядов десятки тысяч талантливых учёных, изобретателей, инженеров и обеспечила свою армию сотнями тысяч танков, самолётов, орудий, «Катюш» и прочим вооружением, приведшим страну к победе.

И. В. Сталин безгранично верил в идеи о построении свободного, социально справедливого общества, во многом совпадающего по идеям с христианскими заповедями. И вопреки истинным намерениям захватчиков России, в том числе и Ленина, начал строить социализм как общество всеобщего благоденствия. Он начал строить социализм из полной пустоты с создания планов его построения, как «Абсолютное ничто», по теориям современных учёных, создаёт материальные галактики из абсолютного вакуума. Но как две тысячи лет назад, так и сейчас человеческое сообщество не готово принять постулаты христианства и коммунизма. Жизнь человеческая, определённая творцом в сотни лет, сократилась до нескольких десятков и человеческий разум не может охватить и оценить величие соблюдения заповедей и самоограничения в радостях земных. Сталин верил, что может, и внедрял социализм в разум соотечественников всеми способами.

Идеи социализма и коммунизма не являются противными существу человеческому. И нашли понимание у миллио-

нов и миллионов, которые искренне поверили и продолжают верить в возможность построения такого общества. И общество, ещё не социализм, но похожее по внешним признакам, добилось невиданных успехов по вопросам, которые капитализм не то что решать, а ставить никогда не собирался: нет голодных, нет неграмотных, нет брошенных детей. Бесплатное образование всех уровней и стипендии студентам и аспирантам. Для всех доступная бесплатная медицина: зуб заболел, тебе его дёрнут за милую душу и совершенно бесплатно.

И Сталин построил новое общество таким, каким его видел Ленин, применяя кнут и пряник. Строил, искренне надеясь, что оно будет самым справедливым. Много оставил он врагов для самого себя и построенного им общества.

Но неподсуден он суду человеческому, потому что он не обычный человек. Тем более не бог и не демон. Он был посланником сил, противоборствующих врагу человеческому. Земная жизнь его проста на раннем этапе и величественна в конце. Если бы он был просто человек, то как бы он мог без образования и воспитания создать в себе тот могучий дух и разум, который победил высокообразованную и подготовленную когорту бойцов, специально созданных и посланных на захват России. Как бы он мог предвидеть и победить во всех посланных на страну испытаниях и быть первым среди ключевых держав, управляемых фактически такими же марионетками, которые захватили в 17-м и Россию. И руководители этих держав склонились перед ним, невзи-

рая на свою ненависть к нему. Нет! Сталин не был только человеком. И он был послан теми силами, которые хотели проверить готовность человеческого общества к жизни в подобии царства божия, и был выведен ими как вершитель судеб сотен миллионов существ человеческих? И если сейчас оголтелые особи продолжают лаять на Сталина, то делают это совершенно без понятия его сущности и лай их раздаётся как лай Моськи на Слона. *И не понимают того, что чем больше они хотят унижить Сталина, тем больше возвышают его.* Создатель вселенной вершит глобально и, возможно, для него планета Земля, а тем более отдельный человек, не более как маловидимая точка среди мириадов подобных. И творец, создав планету Земля и людей, должно быть, передал их на попечение в какой-то вселенский департамент, который и посылает время от времени Будду, Христа, просвещает Гермеса Трисмегиста, Мухаммеда. Сейчас на территории Индии проживает посланник Аватор (Сатья Сан Баба), род. 1926г. Аватор творит чудеса и занимается в широких масштабах просветительством и воспитанием людей в духе божьем. Но ни в коем случае за просто так не сделает жизнь людей как в раю. «Люди не готовы жить по божьим заветам. Их надо воспитывать поколение за поколением, чтобы в сознании геном появилась потребность жить по божьим заветам», – главная идея в деятельности Аватора. Сталину эта мысль не была внушена. У него была задача на проведение эксперимента. Получилось пятьдесят на пятьдесят. Но су-

дить его людям не дано. И «героические» вопли, что Сталин дерьмо, ни кому не слышны, кроме самих вопящих.

И та положительная половина действий по созданию социализма сделала своё дело. По результатам фактического опроса населения через телевизионное ток-шоу телекомпании «ВИД» в 2008 году И. В. Сталин занял третье место как человек России за всё время её существования. И даже очень возможно, что результаты подтасовали, убрав его с первого места. И совершенно справедливо замечает историк А.М.Иванов в своей книге «Логика кошмара», что «Россия с вычеркнутым из неё Сталиным, это Россия вычеркнутая из истории».

И мы, российский народ: русские, татары, евреи, мордва и чуваша, башкиры и казахи, чеченцы и осетины, киргизы и узбеки и все остальные народы, жившие в Российской империи, а потом в Советском Союзе и исповедывавшие все религии мира, разве мы не стали единым советским народом. Среди наших народов христиане всех направлений, мусульмане, иудеи, буддисты, сектанты. И все чувствовали себя единой нацией и единым народом, по-братски относящимся друг к другу. И все любили свою страну и гордились своей страной, любили свои города, деревни, аулы, хутора. Любили своих жён и мужей, не обращая внимания на графу паспорта с обозначением национальности, а, наоборот, гордясь ей. Была бы любовь! Любили же вы друг друга мои дорогие соотечественники?! Любили!

Когда Сталин умер, социализм был сделан в СССР только наполовину. К тому же те, кто создал и послал Гитлера, отняли руками нацизма большую половину творческих созидательных сил страны. Те, кто послал Сталина, дали ему человеческий срок жизни и этим дали понять, что отказываются от продолжения эксперимента. Но народ СССР уже пережёсший войны, голод, разруху и принёсший неисчислимые жертвы во имя справедливого общества, не понял этого и содрогнулся. И мир содрогнулся от его смерти. Половина мира радовалась, другая половина искренне скорбила. Ушёл действительный кормчий с великого корабля социализма, идеи которого охватили землю глобально. Коммунисты победили в великом Китае. Восточную Европу кормчий под власть врагов не отпустил: слишком уж многими жизнями заплатил Советский Союз за её освобождение от фашизма, чтобы эти территории ушли во вражеский лагерь. Сражалась за свободу юго восточная Азия, крупнейшие страны которой Вьетнам и Индонезия следовали в фарватере событий в Китае, твёрдо веря в справедливое общество, построенное в СССР. Бурлила Африка от Гибралтара и Суэца до мыса Доброй Надежды. Негры гнали разжиревших европейских колонизаторов и гордились народами Советского Союза, сбросивших со своих плеч эксплуататоров. Бурлила центральная Америка всеми своими банановыми республиками, а Куба освободилась совсем. Идеи социализма нашли благодатную почву

в Чили. Советскому Союзу выпадала роль направляющей, руководящей и, помогающей теоретически и практически, силой. Но кормчий умер. Восторгам врагов не было предела. Они уже разобрались в причинах своего поражения и приняли его как веление свыше. Смерть же Сталина в расцвете сил и мудрости была также сигналом свыше к новому наступлению на Россию (Советский Союз). Враги понимали, что простым смертным Сталина не заменить и было нужно немного терпения и тактического умения.

И чаяния врагов немедленно подтвердил Никита Хрущёв. Этого деятеля не покупать, не разлагать необходимости не было. Личный затаённый враг Сталина по семейным делам (Старший сын Хрущёва лётчик, был сбит над вражеской территорией, захвачен немцами в плен и согласился на сотрудничество с ними. Был выкран сотрудниками СМЕРШа и расстрелян как предатель, несмотря на то, что Никита ползал на коленях перед Берией и Сталиным. Перед этим Сталин простил этому отпрыску партийного босса убийство офицера в элитном санатории для выздоравливающих офицеров в Самаре при «гусарских» играх. И тот был просто отправлен в часть вместо штрафбата или расстрелял за убийство) Невеликого, но хитрого ума, Хрущёв, пробившийся вверх больше послушанием и льстивостью, чем практическими полезными делами, сначала уговорил президиум ЦК расстрелять Берию (бывший председателем Совмина Г. М. Маленков просто предполагал поначалу сделать Бе-

рию второстепенным министром). Потом ему удалось сместить с поста и самого Маленкова, считавшегося и в Союзе и за рубежом наследником Сталина.⁵

А далее, ставший первым, новый вождь ударил социализм и коммунизм под дых, выплеснув в мир так называемый «культ личности» и с ним невероятные неоправданные преследования⁶, которым подверглись народы страны за время становления социалистических устоев, во имя которых были принесены неисчислимы жертвы. (Девяностые годы XX-го века показали, что очень многих настоящих врагов преследования не коснулись). Итог: коммунистические партии Европы, доминирующие во многих странах, выпали в осадок; в Венгрии вспыхнуло антисоветское восстание, почти уже социалистическая Индонезия была затоплена кровью сотен тысяч коммунистов и навсегда изъята из стран, сочувствующих социализму. Проиграна схватка с США и убраны ракеты с Кубы⁷, что показало всему миру слабость Советского Союза. И, наконец, полный разрыв с лучшим другом и мо-

⁵ Бывший первым лицом и считавшийся грамотным хозяйственником, Маленков начал готовить реформы по селу, массовому строительству жилья и др. Но реформацию начал с партийной элиты, уравнивая зарплату секретарей и председателей исполкомов. До этого секретарям доплачивали из партийной кассы месячные добавки, составлявшие пять окладов. Хрущёв воспользовался недовольством партийной элиты, и Маленков вынужден был подать в отставку с поста председателя. Совмина. (Прим. автора)

⁶ Сам Хрущёв «Играл одну из главных ролей в организации массовых репрессий в Москве и на Украине». Энциклопедический словарь, 2000г., код БРЭ.

⁷ Карибский кризис 1962 года.

гучим союзником Китаем, а также с Албанией и Югославией. Без Китая Советский Союз на фоне полного единения Западной Европы и США оказался не великой державой, а ободранной курицей. Во внутренних делах всё хозяйство Хрущёв переделал под себя – хорошо ли, плохо ли, лишь бы не по-сталински. Для начала в 1954 году передал Крым в состав Украины и положил мину замедленного действия под содружество наций, которая взорвалась в 90-х годах прошлого века. Затем освоил целину и посадил страну на продовольственные карточки, а зерно с его времени страна стала покупать в США, поднимая капиталистическую экономику. Начал решать жилищную проблему и совместил в квартирах туалеты с ваннами и едва не совместил потолки с полом. И промышленным строительством панельных пятиэтажек, так называемых «хрущёб» (как их обозвал народ) и, так называемой «народной стройкой», строя руками бесквартирных пролетариев, массу двухэтажных курятников, изуродовал города Союза от Тирасполя в Молдавии до Уэллена на Чукотке на столетия. Обворовал всё население, не возвратив займы по облигациям внутреннего займа. Девальвировал рубль в два с половиной раза при проведении денежной реформы⁸. А также оскорбил всех героев Советского Союза посмертно награждённых и живых, и вместе с героями весь народ, присвоив это звание Гамаль Аб-

⁸ Рубль оценивался по отношению к доллару как 4: 1. После увеличения стоимости внутреннего курса рубля в 10 раз, отношение рубля стало 0,9

дель Насеру, Ахмеду бен Белле, Фиделю Кастро.⁹ Затем пообещал Японии передать ей Курильские острова. И в конце концов, в порыве великого восторга самим собой, объявил, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». То-то всем было весело.

Переделывая всё во всех областях, Хрущёв разрушил боевую авиацию, похерив строительство лучших в мире бомбардировщиков Мясищева, и многие другие по глупому решив, что авиация при наличии баллистических ракет не нужна. И вообще до разрушения страны без внешнего воздействия оставалось совсем немного. И ладно, что нашлось ядро, которое подумало если не о стране, то о своём неустойчивом благополучии при непутёвом вожде и убрало Никиту Хрущёва на пенсию под нескрываемое одобрение народа.¹⁰ По делу бы надо Хрущёва судить по всей строгости за подрыв системы мирового социализма.

Леонид Ильич Брежнев был удобен для всех вверху. Любил охоту, ордена, нефтедоллары вогнал в строительство БАМа. А в качестве лепты на подрыв социализма за рубежом, ввел войска в Чехословакию, а затем в Афганистан, ничему не научившись на опыте США во Вьетнаме. А также пе-

⁹ Лежит в пустыне кверху пузом не коммунист и не эсэр, герой Советског Союза – Гамаль Абдель на всех насер». Народная прибаутка

¹⁰ «Ты Гагарин, ты могуч. Ты летаешь выше туч. Когда выйдешь на орбиту, заberi с собой Никиту. И на радость всего люда, урони его оттуда». Народная прибаутка.

ревёл идеологическое внедрение идей социализма на товарно-денежные поддержки режимов, провозглашавших на словах строительство социализма. При прекращении денежных вливаний и поставок бесплатного оружия, социалисты эти начинали строить общество по тому сценарию, за который им платили. Запад и США торжествовали – денег у них для этих целей было значительно больше. А внутри страны при Брежневле махровыми цветами расцвёл торгово-лицейский комплекс, когда торговля и правоохранительное ведомство напрямую переплелось с криминальным сообществом и начало совместно править экономикой. Всем известно, что у этой мрази чем больше власти, тем меньше человеческого, если толика человеческого была у них при рождении. А с расцветом этого неформального комплекса, получился полный кризис в общем образовании и насмешливое отношение в образованном обществе к попыткам проведения в жизнь лозунгов о том, что человек человеку друг, товарищ и брат. Социализм загнивал, так и не повысив процент своих сторонников после Сталина. И не было вверху тех, кто бы взял на себя ответственность и повёл страну дальше. А от толковых снизу верхи отгородились, не пропуская их во власть и не выслушивая дельных предложений,

После Брежневле, так и не победившего в Афганистане непослушный народ, немного вступился за социализм Юрий Андропов. Попрятались по щелям торговые жулики, отказывались от дворцовых дач директора предприятий, постро-

ившие их на «с экономленные» материалы и труде привлечённых с их предприятий рабочих. Застрелился бывший министр МВД Щёлоков, притихла воровская партийная верхушка. (Ох, как ненавидят Андропова до сих пор все тогдашние, разжиревшие на скромной жизни миллионов обманываемых, эти сволочи, в скором времени ставшие прямыми предателями) Но уж очень система была поражена вирусом бюрократии, лицемерием, вседозволенностью власти и силовых органов. Да и на правление страной, Андропову было отпущено очень мало времени. Сторонники социализма было вздохнули облегчённо, но злой недуг сломал Андропова, а высшие силы отказали, должно быть, в поддержке его жизни, посчитав, что Советский Союз не способен строить жизнь по-божески и вскоре власть перешла в руки окончательного разрушителя – предателя.

Михаил Горбачёв, последний генеральный секретарь КПСС и первый президент СССР, и последний тоже. Родился на селе крестьянином со всем комплексом мелкобуржуазного восприятия мира и полным отсутствием фундаментального марксистского образования при своём партийном становлении. Юрфак марксистов не готовит. Но марксизм, похоже, Горбачёва и не интересовал. Мелкобуржуазная генная наследственность не позволила ему возвыситься над временем и властью. Все идеи марксизма – ленинизма ему заменяла образованная жена Раиса Максимовна, провинциалочка с запросами выше собственного понимания, которую

он слушал и делал всё по её велению. Жена же не видела в идеях коммунизма ничего, кроме возможностей возвышения мужа и правила мужиком так, как будто он не был руководителем огромной и великой державы, а был хозяином небольшой мещанской общины, в которой у неё было тепло, уютно и спокойно. «Райка лапшу варит, а Мишка нам её на уши развешивает», – грустно шутили в народе, когда поняли, что «процесс пошёл...» Процесс пошёл, и страна осталась без водки, вина и продовольствия, без оборонительного оружия, при катастрофическом разрушении народного хозяйства и без какой-либо программы на восстановление страны и идей социализма.

Сначала Горбачёва для плюрализма идей и мнений враги Союза уговорили разрешить открытие в Союзе масонских лож, в которые записались все «европейски и свободно мыслящие болтуны и партийные боссы, думая, что это клубы для бильярда и выпивки» (А. Яковлев – клуб Магистериум, Е. Гайдар – ложа «Взаимодействие», Г. Якунин, А. Чубайс – ложа «Большая Европа», Шеварнадзе – клуб Магистериум. Всех не перечислишь). Горбачёв лично разрешил учредить в Москве, Вильнюсе, Риге, Петербурге, Киеве, Одессе, Нижнем Новгороде, Новосибирске отделения масонской ложи «БНАЙ БРИГ» (Сыны завета). В 1992 году был учрежден масонский русский клуб («Международный русский клуб»). Потом под видом борьбы за здоровье нации враги научили коммунистического вождя уничтожить

вино-водочное производство и запретить населению выпивать. Он остановил заводы и вырубил виноградники. Страна осталась без денег в бюджете. Далее Горбачёва надоумили взять займы и под грабительские проценты предоставили эти займы. Затем одобрили спуск последних золотых запасов. Потом он подписал с Соединёнными Штатами договоры об уничтожении всего лучшего в нашем оборонном комплексе и приступил к уничтожению его. (ракеты среднего радиуса действия, комплекс «ОКА», титановые подводные лодки разрезал на стапелях... и не перечислить всего) Умного и ещё трезвого Б.Н.Ельцина выставил из политбюро и остался без оппонентов. После всего этого Горбачёва научили сказать стране, что всё в СССР плохо и нужно её перестроить. А как перестраивать!? Об этом никто и не собирался ему говорить, потому что окончательной целью всех советчиков было разрушение Советского Союза. И свои последние годы после XXУ11 съезда КПСС, он только и повторял, что процесс пошёл... и видел себя в звании президента и главнокомандующего вооружёнными силами. О чём ещё мог мечтать крестьянский мальчик? Не об укреплении же социализма. Ведь все его настоящие способности были не выше руководителя бригады или отделения в совхозе. Но Раиса видела себя во сне и наяву первой леди от Союза рядом с жёнами президентов США и прочих королев и толкала податливого Мишу к бесславию и проклятию потомками.

Горбачёва взahlёб расхваливали¹¹ на Западе и сказали, что коммунизм и социализм это плохо, нечеловечно. Посмотри из Кремля: страна голодает, вся в долгах, национальные республики бунтуют и требуют свободы. И господин президент огромной страны и мощнейшей по всем параметрам державы так и не понял, что был выдвинут на этот пост этими же силами как, неспособный удержать державу, государь. К тому же, отчаянный трус, каким он показал себя на даче в Крыму за время небольшой потасовки в Москве. А привезённый с крымской дачи в Москву, подписал в состоянии испуга за свою ничтожную жизнь не читая, все бумаги о своём отречении от КПСС и фактически от страны. А страна эта, пусть не особенно спрашивая у народа, всё же законным путём доверила ему власть в надежде на исправление ситуации, допущенной прежними вождями и на выход на новые рубежи благополучия и могущества. Отказался он и от коммунизма, перекрасив себя в ближайшем будущем в социал – демократа. Президент Горбачёв отказался от престола и покинул Кремль бесславно. И его ещё ждёт справедливый суд; если не нынешнего поколения, то его потомков за гибель державы и неисчислимыe страдания людей при её гибели. И как полагается – осиновый кол на его могилу. (Выкопали же в своё время в Англии Кромвеля из могилы и повесили кости на виселицу) Бесславно в скором времени по-

¹¹ Давно известно, что надо быть очень осторожным, когда тебя хвалят враги. (Прим. автора)

кинула этот мир первая и последняя леди Советского Союза.

Советский Союз под восторженные клики всех антиросийских сил разделился на все свои, обозначенные в конституции, национальные самостоятельные республики. Сама же образующая страна Россия была опрокинута навзничь. Ленинский план разрушения Российской империи осуществился.

Трагедия, постигшая народы бывшего Советского народа в девяносто втором году, сравнима разве что с гражданской войной, разразившейся в стране после октября семнадцатого года. Во всех республиках к власти пришли не просто проходимцы, а самые настоящие предатели своих народов и прямые жулики, целью которых было разграбление стран и нажитого народами национального богатства в целях личного и корпоративного обогащения. На всех постах встали перевёртыши, ранее состоявшие в КПСС и предавшие свои партийные клятвы. Поверить этим «правителям – клятвопреступникам» могут только самые наивные. Все отрасли хозяйства встали. Три сотни миллионов мирных трудящихся были выкинуты из жизни, обречены на непонятное существование, на голод, на нищету, на воровство и разбой. Бориса Ельцина, выдвинутого народом как борца за справедливость, сполчили и раскручивали так, как нужно было окружающим его. В массивном количестве страну завали-

ли разрушающей мораль зротикой¹² и дешёвым спиртом. И, не имея возможностей купить еду, народ пил этот разрушающий здоровье напиток, не закусывая. Страна гибла. «Демократические» парламенты во всех самостоятельных республиках принимали антинародные законы. Народу стало понятно, что самый худший из годов разрушенного социализма намного лучше самого лучшего периода победившего капитализма. Но время, когда с народом заигрывали, выводя его на демонстрации протеста, кончилось. Разрозненный, обманутый, обворованный и обездоленный народ под пропагандистскую трескотню правящей камарильи, в которую вошли и остатки компартии, начал вымирать, не дожидаясь суда божьего...

¹² Депутат Государственной Думы Алексей Митрофанов заявлял, что «только один фильм «ЭММАНУЭЛЬ» разрушил моральные устои советского общества больше, чем вся деятельность ЦРУ за десять лет

Часть первая. Истоки

*«Онегин, добрый мой приятель,
Родился на берегах Невы...»
А. С. Пушкин. «Евгений Онегин».*

I

Март 1953 года дышал над страной как зашкаленный астматик надрывно и тревожно. Радио по утрам не звучало бравурными маршами и транслировало минорные мелодии. И на душе мальчишки Лёньки Сугробина было тревожно. Он, торопясь и обжигаясь, глотал со сковородки картошку, жареную на шкварках – обычная его еда в обычные дни и утром, и вечером. Старшие сёстры и брат уже разъехались из родительского дома, и с постаревшими родителями оставался один последышек. В марте Лёньке исполнялось четырнадцать лет. Он вместе со всем классом готовился к вступлению в комсомол. Но тяжёлая болезнь Сталина, проявившаяся внезапно, нарушила взволнованное восторженное ожидание праздника становления комсомольцем и сердечко в груди мальчишки колыхалось то быстро и неровно, то затихало до едва прослушиваемого пульса. И в сознание вривалась мысль, что всё будет хорошо и тут же обрывалась на не опре-

делённость – а вдруг всё будет не так. Лёнька бездумно елозил ложкой по сковородке, ожидая, что музыку прервёт голос диктора с последними сообщениями. Но диктор молчал. Из динамика лилась негромкая мелодия без слов

– Лёнь, чай попей, – мать поставила перед ним чашку крепкого горячего чая и села напротив также как и каждый день, провожая сына а школу. «Вот и поднимается последыш. А уж и не думалось. В какие годы рос», – думала она и тихая радость охватывала её.

Лёнька никогда не задумывался о том, что он последыш, что его малые годы прошли во время жесточайшей войны и последующего лихолетья. Не думал и о том, что когда он родился, матери было уже под сорок. И сейчас перед ним сидела и задумчиво смотрела на него совсем уже пожилая женщина, увядшая под грузом прожитых лет и ни с чем несравнимыми тяготами и переживаниями. Когда она в 1942 году проводила сына и мужа на фронт, а потом тянула и вытянула неизвестно как остальных четверых детей до возвращения мужа с фронта, который уцелел и хотя был списан по инвалидности, но сохранил и руки, и ноги и всё такое. А вот первенца своего не дождалась из жестоких боёв под Ленинградом. И уже, получив похоронку, долгие месяцы надеялась на чудо, которого не произошло. А теперь уже в 1953 году, когда хлеба и картошки было в достатке и каждую весну покупала она с мужем поросёнка (благо жили они в частном доме с сарайчиком и тремя сотками земли) и выращи-

вала его до глубокой осени, чтобы до следующего лета кормить Лёньку картошкой со шкварками и не вспоминать те дни, когда вечером четверо голодных детишек окружали её и молча глядели, и даже маленький Лёнька не плакал. А она не в силах смотреть в их глаза, отворачивалась и, бесслёзно и беззвучно, плакала. А утром поднималась чуть свет и брела в полу оттаявшие поля ближнего колхоза и ковырялась вместе с другими бедолагами в грязи, в надежде найти не выкопанные осенью картошины, из которых, после отмывки гнили, делали кашу и пекли лепёшки, называемые «тошнотиками». И лишь однажды, в момент полнейшей безысходности, накричала на плачущих детей: «Уйдите от меня, а то вот лягу сейчас на стол, и ешьте меня, сколько хотите!» И перепугавшиеся детишки с воем разбежались по углам. А она и сейчас всё ещё стыдилась своей вспышки. И была счастлива, что теперь последышу и сытно, и вкусно.

А Лёнька... Он и думать не думал, какие мысли роятся в голове у матери. Он жил своей мальчишеской жизнью как все его друзья и одноклассники. У всех было это детство почти одинаковое. У машинистов паровозов, у которых были две улицы казённых домов и большие по тем временам заработки, кормились определённо намного лучше. Но все родители машинистами быть не могли. И пацаны, когда играли в футбол (а играли они всё лето) не думали, что и когда ставят им родители на стол. Для них огурец, зелёный лук, кусок ржаного хлеба и вода из родника были лучшей едой

после полудневого сражения на лесной поляне, где во время сражений «улица на улицу» собиралась немалая толпа болельщиков.

Когда футбольные страсти ослабевали, мальчишки бродили по окрестным лесам в поисках ягод, грибов и приключений. Военных и послевоенных бандитов к тому времени всех выловили и чрезвычайных происшествий по этому поводу не происходило. Ещё Лёнька и его друзья любили рыбалить. Рыбная речка была не близко – часа полтора пешедралом. Но кого это могло остановить!? На речке ещё стояли несколько водяных мельниц, которые надёжно справляли свою работу, не требуя электричества, не дошедшего ещё до глубинок. Широкие пруды и глубокие мельничные омуты, где по преданиям всегда водились черти, дополняли пейзаж вокруг полноводной речки, которая то скрывалась в лесных зарослях, то выплёскивалась на безлесную равнину широкими заводями и глубокими омутами на крутых поворотах. Рыбы в речке было предостаточно: окунь и щука, голавль и сорожка, и прочая бель; а на отмелях копошились многотысячные стаи рослых премудрых пескарей. И раки! Вода в речке чистая, прозрачная. И не пуганые раки дорастали до размера омаров. Опытные любители с хорошей снастью, да ещё державшие при себе спиннинг, добывали рыбы за пару дней, сколько хотели. А у пацанов что за снасти: пара лесок – самокруток из швейных ниток с деревянным самодельным поплавком, пара крючков в запасе и удилище, вырубленное

по дороге в берёзовой роще. У каждого пацана через плечо брезенто—кирзовая сумка, называвшаяся почему-то «полевой», куда перед походом укладывалась неизменная горбушка хлеба и зелёный лук, варёная картошка, огурец и снасти. А на обратном пути в этой же сумке лежал улов. Упаси боже! Пусть пацан оставался голодным, но пойманную рыбу никогда не ел, а нёс домой. Помощник семье, добытчик. Война дала этой породе жестокий урок.

На рыбалку ходили ватагой, обычно не менее четырёх ребят. Родители иначе не отпускали. Ходили с ночёвкой на одну ночь. На большее время также не отпускали. И не позднее одиннадцати утра ватага уже была за городом на ходовой тропе, чтобы послеполуденную часть текущего дня и утро следующего посвятить рыбалке, потом отдохнуть, покупаться, позагорать и к вечеру обязательно вернуться домой. А уж кто и что поймал – это уже как повезёт. Обычно от килограмма до двух – трёх, не более и, в основном, сорожек, окунишек. А если кто, не гонясь за престижной рыбой, переключался на пескарей, то нёс в сумке сотни полторы вкуснейших рыбёшек, которых в жареном хрустящем виде Лёнька, давно ставший Леонидом Ивановичем, все равно продолжал считать деликатеснейшей рыбкой. А вот пойманных раков добычей не считали и съедали на реке. Ночёвки обычно проходили без сна у костра над притихшей водой. Испечённый в раскалённой золе и отмытый в холодной речной воде крупный рак доставлял удачливому ловцу наслаждение во время

еды и воспоминание о невозвратимом времени на долгие годы. Уже потом, через десятилетия Леонид Иванович пройдёт вдоль берегов этой речки километров двадцать. Индустриализация и химизация сельского хозяйства делает своё жестокое дело. Вместо светлой прозрачной речки он увидит жалкий ручей с мутноватой водой без признаков водной жизни и даже без камышей.

Когда лето подходило к концу, Лёнька переключался с рыбной ловли на охоту. Друзей охотников было значительно меньше, чем друзей рыбаков. Но двое – трое пацанов компанию всегда поддерживали, поскольку не то что беззаветно любили природу, а были просто детьми природы. На уток охотились в пойме той же рыбьей речки, а на боровую дичь соответственно в бору, который привольно раскинулся на юг и восток от самых окраин городка. Ружьишко у Лёньки было одноствольное двадцатого калибра, которое оставил ему «по наследству» старший брат, когда уехал на учёбу в Ленинград. Он уже заканчивал своё обучение и распределился в Горький. Ружьецо, как понимал Лёнька, не подходило для настоящего охотника и годилось только для мальчишки, каким и был его брат, когда это ружьё получил в подарок от отца. Но Лёнька был невероятно горд и когда шёл с ружьём по улицам, и вдвойне горд, когда удавалось возвращаться с пристёгнутой к поясу добычей. С боевыми припасами у мальчишек было плоховато. Дробь они делали сами, раскатывая на сковородках нарезанный кубиками сви-

нец, а порох собирали по крупинкам у взрослых охотников, перетерпывая порой немалые унижения. И снаряжая патроны, отмеривая порох казённой меркой, пацаны всегда думали о бесценности патрона и о том, что мазать нельзя. Не уверен, не стреляй!

На охоту Лёньку всегда сопровождала его собака Джульба. Как и все дети, он очень хотел иметь собаку. Дostatка не было в доме, и мечта казалась несбыточной. Но однажды осенью уже в морозные дни, когда ему шёл десятый год, отец принёс домой крохотный комочек живого собачьего существа, чистейших кровей дворняжку, махонькую самочку, собачью дочку. Но как Лёнька её полюбил, и как она полюбила Лёньку. Нет, она не спала с ним в одной постели. Она была дворняга и жизнь ей была определена во дворе, где она и жила до взрослости вместе с поросёнком и каталась на нём верхом. Когда собака подросла, Лёнька всегда брал её в лес. На рыбалку она ходить не любила. Там надо было сидеть тихо, ждать чего-то. А её натура требовала действия. В лесу было, так как надо. Подрос Лёнька, подросла и окрепла Джульба. Она была дворняга, но любила погоняться за зайцами, находила и пугала косачей в густой траве и ей не трудно было сплавать за подбитой уткой. И она никогда не терялась и, пропадая на час, другой, всегда возвращалась к хозяину и получала в награду лакомый кусочек сахара. Когда наступала зима, и выпадал глубокий снег, Лёнька ходил в лес на лыжах и собаку не брал. Джульба повизгивала, но слуша-

лась и, проводив хозяина до перекрёстка, возвращалась домой. Зимой в лесу было таинственней, чем летом. На свежем снегу веером и тропками рассыпались во все стороны птичьи и зверьковые следы. А нахалы зайцы по ночам устраивали бесшабашные гулянки и уже на опушке леса вытаптывали такие тропы, что можно было снимать лыжи и идти по тропе, выглядывая по следам, куда сиганул последний пробежавший по тропе зайчишка. Тетерева в ясную погоду десятками усаживались на отдельно стоящую могучую берёзу подкормиться почками и чернели как вороньё. Но взять их было непросто. Обычно просчитав маршрут отлёта, один из охотников заходил с нужной стороны и спугивал стаю в сторону спрятавшихся в кустах остальных охотников. Стрелять приходилось влёт. И далеко не каждый молодой охотник добивался успеха. Но это были радостные дни. С середины февраля до мая охота запрещалась. И природа и люди ждали весны.

Когда не было ни рыбалки, ни охоты, Лёнька бродил по лесам и в одиночку. На лыжах он забирался по трассе для вывозки леса километров на десять – двенадцать и там отдыхал, дожидаясь санного поезда. Российский мужик с хитрецой в отсутствии нужного количества тяговой техники придумал санный поезд: через лес от железной дороги до вырубаемых массивов проложили трассу на десятки километров, выровняв её по горизонтали. Летом рубили лес и складировали на делянках. А с наступлением холодов выделявали

по всей трассе две ледяные канавки под специальные, широкие тракторные сани, составляли санный поезд на несколько сот кубометров леса и одним мощным трактором тянули этот поезд без всяких помех. Лёнька цеплялся к задним саням и ехал на лыжах или совсем забирался на брёвна и так возвращался домой. Летом в местах, где для выравнивания трассы были прорезаны бугры широкими траншеями, склоны траншей покрывались буйными зарослями малинника, и гроздьями алела крупная малина. Пацаны обдирали её до последней ягодки. Очень уж сладка была ягода на бугорках под солнцепёком...

Так и бродили мысли у мальчишки, пока он глотал горячий чай под добрым взглядом матери: от предстоящих испытаний на политическую зрелость и задуманного лесного похода на ближайшее воскресенье до далёкой Москвы, где диктор никак не желал рассказывать о самочувствии вождя. На крыльце послышались тяжёлые шаги. Потом открылась дверь, и в комнату дунуло холодным воздухом. Снимая рукавицы, вошёл Лёнькин отец, Иван Макарович. Отец положил рукавицы на полку, снял полушубок, повесил его и подмигнул Лёньке —

– Снегоборьбой занимался, с вечера задуло, целую косу намело, – потом повернулся к матери. – Нaley и мне чайку, погреюсь.

Мать принесла чашку с чаем. Отец отхлебнул пару глотков, чашку поставил

– Ну, что там про Сталина передают?

– Ничего не говорят, – ответил Лёнька. – Молчат. Не умер бы только. В школе у нас все притихли, даже мелюзга по коридорам не носится и учителя почти шёпотом уроки ведут.

– Ну, там врачи, профессора, поднимут, – сказал отец. – Ты не больно задумывайся. Твоё дело учиться и вслед за сёстрами и братом в институт поступить надо.

– Ладно, пошёл, – сказал Лёнька. – Спасибо, мама, наелся.

Потом он вышел из-за стола, неторопливо накиннул пальтишко, взял школьную сумку и выскользнул за дверь. В доме было слышно, как хлопнула калитка.

– Спаси, сохрани, господи, – сказала мать и перекрестилась. Отец повернулся и отрывного сорвал с настенного календаря листок вчерашнего дня. Новый день нарисовался круглой пятёркой.

Школа была в километре от Лёнькиного дома, но на прямом пути к ней находилась многопутевая отстойно – сортировочная станция. Лёнька не любил ходить по путям, где составы трогались неожиданно, и всегда надо было оглядываться по всем сторонам. И потому шёл на переходной мост, хотя это и удлинняло дорогу в два раза. Школа его была лучшим зданием городка. В нём всего – то было три средних школы. Но эту строила железная дорога перед войной и вложила в неё всё лучшее, что могла дать Советская власть де-

тям. Она была белокаменной в три высоких этажа и широкими окнами в классных комнатах, выходящими на южную сторону, в какой бы части здания эти классы не находились. Были в школе и актовый и спортивный залы, и специальные кабинеты физики и химии. И оборудована была на все сто! Был даже радиоузел, через который ежедневно транслировалась школьная радиогазета. На территории школы была спортивная площадка, где и в футбол можно было поиграть и тенистый сквер в гектар, где на скамейках посиживали парами и целовались старшеклассники. И сад – огород для ботаников и биологов.

Многочисленные кружки и спортивные секции обогащали школьников знаниями и умением по интересам. Лёнька строил авиамодели и играл в шахматы, неоднократно защищая честь школы. В этой школе учились все дети Ивана Макаровича, который до войны работал на железной дороге. И самый старший, который был призван из десятого класса на фронт, и Лёнькины сёстры, и другой старший, ленинградец, который неоднократно говаривал, что такую школу и в самом Питере поищешь, прежде чем найдёшь. И когда преподаватель физики, фронтовик Николай Максимович, говорил, что партия большевиков и Советское правительство делает всё возможное и невозможное, чтобы народы Советского Союза были образованные и цивилизованные, чтобы дети рабочих и крестьян заняли все высоты в труде и науке, Лёнька и все остальные школяры верили ему без-

оговорочно. Вокруг было дело, а не слова. Лёнькины родители, которые окончили только церковно-приходские школы, и не могли помочь детям в учёбе, имели прекрасные души и наставляли детей, говоря, что раз новая власть дала вам возможность учиться, то мы всей жизнью своей поможем своим детям получить образование, только вы сами старайтесь. И дети старались. Сёстры уже получили высшее образование, брат заканчивал. И оставался только Лёнька. И он знал, всё зависит от него. И четвёрки в его дневнике были редкими палочками среди округлых пятёрок. И другие дети рабочих и крестьян старались. И старания вознаграждались. Половина выпускников школы ежегодно поступала кто в гражданские, кто в военные вузы в самых различных городах, не пропуская и учебные заведения обеих столиц.

Вот в эту школу и бежал пятого марта 1953 года семиклассник Лёнька Сугробин. Бежал в школу четырнадцатилетний мальчик обеспокоенный болезнью вождя, вступлением в комсомол и подготовкой к экзаменам, которые в седьмом классе, как в выпускном для неполной средней школы, должны были состояться по одиннадцати предметам. Но экзамены были небольшой тревогой. К ним все привыкли: уже в четвёртом классе было четыре экзамена за начальную школу. А вот Сталин?! Как же он так мог заболеть?! Как без него?

Три урока прошли, как и во все последние дни – негромко, не шумно. В начале четвёртого урока включилось школь-

ное радио и голос директора объявил построение всей смены на общую линейку. Классная руководительница, учительница географии, чей урок и был прерван объявлением, подняла учеников и «Седьмой – А» проследовал в широкий коридор первого этажа, где всегда состоялись общешкольные построения. Несколько минут шеренги стояли молча и ждали. Потом в голове строя появились директор и парторг. Парторг Николай Максимович, учитель физики, боевой офицер, на занятия ходил в гимнастёрке с орденами Красного знамени и Красной звезды. Ученики его любили, потому что физику он иллюстрировал примерами из практической жизни. И многие школьную теорию успешно применяли в обиходе, и оттого физика становилась ещё интереснее. Сейчас он был бледен и, как показалось Лёньке, растерян. Прошла ещё минута. Наконец Николай Максимович западающим голосом произнёс:

– Дорогие ребята! Большая беда случилась. Сегодня умер наш вождь и учитель, наш великий руководитель и вдохновитель всех побед советского народа Иосиф Виссарионович Сталин.

Слова давались Николаю Васильевичу с большим трудом. Он всхлипнул. Две или три девчонки ударились в рёв. Остальные стояли молча, многие шмыгали носами и даже гордые десятиклассники тёрли глаза. Лёнькина классная стояла у окна напротив своего класса и, достав платочек, всхлипывала.

– Дорогие ребята! – взял слово директор. – Сегодня занятий больше не будет. Нет сил никаких, и разум ещё ничего не приемлет. Идите домой. И безнадежно махнув рукой, директор взял под руку парторга, и они пошли в директорский кабинет, сгорбившись и став ниже ростом.

Ни с кем общаться Лёньке не хотелось, и он сразу вернулся домой. Отец читал газету и дымил толстой самокруткой.

– Умер вождь-то!?! – толь спросил, толь сказал он, когда сын появился в комнате.

– Умер, – буркнул Дёнька. – Как вот теперь?

– Не дрейфь! Было бы кем править, а правители найдутся, – сказал отец и выпустил клуб дыма, заполнивший половину комнаты.

Лёнька проглотил слюну и промолчал. Иван Макарович воевал три года за Россию с немцами в первую империалистическую, потом воевал в гражданскую в Красной армии на разных фронтах и уволился только в 1921 году уже из первой конной, сумев уцелеть после её рейда в панскую Польшу. Его направляли на курсы красных командиров, но он устал от войны. И хотя ему не пришлось больше учиться, а только ещё повоевать в Великую отечественную, ум его был ясен, а огромный жизненный опыт, после личного участия во всех великих катаклизмах великого века, формулировал его слова чётко и справедливо. Лёнька редко разговаривал с отцом о прошлом. Зная основные вехи его жизни, его родных и родных матери, он понимал, что все они приняли но-

вую власть как свою. И «последыш» родился самых «красных» кровей. Старший брат отца в суровые двадцатые годы был начальником уездной милиции, два брата матери были председателями колхозов, младший брат отца стал кадровым военным и в оккупированном Берлине был какой-то шишкой при коменданте. Но отец у Лёньки видал, испытал и знал о своей эпохе больше многих. Знал то, о чём не пишут в книгах и тем более в учебниках. Знал и больше молчал, чем говорил. А сейчас сказал, что правители найдутся, и Лёнька не вякнул, хоть сердце его обливалось кровью от печали по великому Сталину. И он не понимал, как это страна будет жить без Сталина. Он вздохнул, бросил сумку с учебниками под стол и достал с полки книжку рассказов любимого им Джека Лондона.

Через несколько дней тело умершего вождя положили в мавзолей рядом с телом Ленина. На мавзолее изменили надпись. В момент установления гроба в мавзолее великая страна на пять минут замерла: остановились поезда, корабли, автомобили, остановились пешеходы. Лёнька в этот день в школу не пошёл. Он стоял у дома и слушал, как пять минут над станцией железной дороги гудели на все лады десятки паровозов, гудели остановившиеся автомобили, ревели заводские гудки. Было торжественно и мрачно.

Спустя месяц всех четырнадцатилетних в райкоме принимали в комсомол. Секретарь райкома, уже взрослый сложив-

шийся мужчина, сказал:

– Ребята! Запомните, в какое время вы вступаете. В 1924 году, когда умер Ленин, партия объявила ленинский призыв в партию и приняла сотни тысяч рабочих и крестьян, чем частично и восполнила невосполнимую потерю. Сейчас комсомол объявил сталинский призыв, и вы птенцы сталинского призыва. Успехов вам в строительстве коммунизма.

Ребята искренне верили в Сталина и его дело и были согласны с секретарём. Неизвестным чувством каждый понимал, что ушёл из жизни совсем непростой человек. Они не смотрели через розовые стёкла учебников на свою жизнь и жизнь окружающего мира. Они видели ужасающую бедность деревни, посёлков, своего городка и понимали, что так везде. Сугробин весело смеялся над грустной частушкой:

С неба звёздочка упала прямо мне в калошину!
Три колхозницы плясали за одну картошину...

Но понимал, что стране, в которой сельское хозяйство было выжжено войной от Мурманска до Каспия, а две трети мужиков домой не вернулись с войны, было просто негде взять продовольствие в достатке. Спасение было в том, что население на 80% жило на селе или в частных домиках в городах и рабочих посёлка. За счёт приусадебных участков и содержанием при себе скотины и птицы и выжило тогда население страны.

Доходили до Лёньки и антисталинские стихи:

Товарищ Сталин, Вы большой учёный.
В языкознание самый корифей.
А я простой советский заключённый,
Не коммунист и даже не еврей.

То дождь, то снег, то мошкара над нами
А мы в тайге, с утра и до утра.
Вы здесь из искры раздували пламя!
Спасибо Вам! Я греюсь у костра.

Сегодня хоронили двух марксистов.
Тела их крыли алым кумачом.
Один из них был правым уклонистом,
Другой, как оказалось, не причём.

Когда в Кремле в своей партийной кепке
Вы на страну кидаете свой взгляд.
Мы рубим лес по-сталински, а щепки?
А щепки во все стороны летят.¹³

– Ну и что, – сказал Юра Коротков, выслушав стихи. –
Очень хорошо написано. Но раз поэт попался, то сам и ви-
новат. Совсем не виноватых не бывает.

Подростки гордились своей страной, победительницей
свирепого фашизма. Каждый бывший фронтовик был для

¹³ Стихи Алешковского.

них героем, достойным подражания. И бедность, и трудности их не пугали. Они были патриотами своей страны и верили, что подрастут и построят всё как надо. И песня из патриотического кинофильма о юных нахимовцах, который в новые времена обложили бы ненавистью с «восемнадцати разных сторон»¹⁴ была программной для них.

Простор голубой. Земля за кормой.
Реет гордо на мачте флаг отчизны родной.
Вперёд мы идём. И с пути не свернём,
Потому что мы Сталина имя в сердцах своих несём!

И смерть Сталина была для них самым глубоким человеческим горем.

Две аксиомы школьника Леонида Сугробина:

Поп Гапон не провокатор;

Лаврентий Берия не английский шпион.

Время не останавливается. На место Сталина председателем Совмина был назначен Маленков. И малыши на уроках часами учились выговаривать сложное имя Георгия Максимилиановича Маленкова. Место Сталина в партии было так значимо, что одного человека взамен поставить было невозможно и руководство партией было возложено на президиум ЦК и секретарей ЦК. Одним из секретарей избрали Хрущёва. Его имя выговаривать было легко – Никита Сергеевич.

¹⁴ «Дрянь адмиральская, пан и барон шли в восемнадцати разных сторон» – строчка из песни.

Было проведено очередное весеннее снижение цен. И народ успокоился. Власть есть, работа есть, жизнь есть. Ничего не изменилось. Но это было не так

1953 год. В руководстве страны и партии был обнаружен английский шпион Лаврентий Павлович Берия, первый заместитель председателя Совмина заведовавший внутренней и внешней безопасностью государства и член политбюро КПСС. Берию «обнаружили», арестовали и быстренько убили без суда в подвалах штаба Московского военного округа. И Лёнька задумался первый раз: зачем одному из руководителей мощнейшего государства быть чьим-то шпионом... Но промолчал, когда на комсомольском собрании обсуждался этот вопрос. Заговорил с отцом, но Иван Макарович не стал рассуждать и ушёл от разговора на эту тему, сказав только, что в тридцатые годы уже всякое бывало.

1953 год. В августе на полигоне под Семипалатинском был выполнен взрыв первой советской термоядерной бомбы. Руководил подготовкой бомбы как и всеми работами по созданию ядерного оружия, начиная от добычи урана, организации НИИ, КБ и массы прочих объектов Л. Берия.

1953 год. Закончилась трёхлетняя война в Корее между севером и югом. Северу помогал Китай и СССР, югу помогали США и их союзники. Война в Корее была полигоном, где СССР и США мерялись силами в преддверии войны глобальной, которая всем обывателям казалась неизбежной. Создание водородной бомбы в СССР охладило американских по-

литиков, и предполагаемая война на уничтожении Советского Союза не состоялась. А в Корее противники согласились на ничью.

1953 год. Арестован, осуждён за растраты и заключён во Владимирский централ генерал-лейтенант авиации Василий Сталин, сын Иосифа. Это была прямая месть Хрущёва умершему кормчему.

1954, март. Вышло постановление ЦК КПСС об освоении целинных и залежных земель.

1955 год. Подготавливая себя к единоличной власти, Хрущёв подковёрными играми принуждает Г.М.Маленкова, самую крупную фигуру того периода, уйти с поста председателя Совета Министров. Г. Маленков назначается на мало-значущую должность министра электростанций. С 8 февраля 1955 года премьером назначается Н. А. Булганин, кадровый военный.

И весной 1954 года по велению Никиты Сергеевича, который организовал за это время для себя должность первого секретаря, помчались эшелоны на восток с молодым народом и техникой осваивать под посев пшеницы степные просторы Казахстана и Алтая. А Лёньку и других школьников послали сеять кукурузу квадратно-гнездовым способом в ручную в пригородном совхозе. Что там делали на востоке – было далеко и непонятно. Но, навозившись с кукурузой в весенней грязи, Лёнька не выдержал и на классном собра-

нии заявил, что согласно изучаемым в школе наукам, кукуруза выше воронежских широт по-нормальному не растёт. Его пожурили, но кукуруза и в районе, и в области не только не выросла, но и во многих местах даже не взошла. Но в стране занимал верховные позиции новый вождь – «Наш Никита Сергеевич». А раз вождь велел сеять кукурузу руками школьников, которые отбирали по три – пять кукурузных зёрнышек и укладывали их в ямки, значит так и надо. Вождь не ошибается. Народ обозвал его «кукурузником», но исполнял приказания, так как был приучен подчиняться вождю, хотя ещё не понимал, что место и человек совсем не одно и то же и вождь вождю рознь. И не лез народ «в бутылку», разве что ворчал за выпивкой в кругу семьи или близких знакомых. И Лёнька только к тридцати годам разобрался, что такое целина, когда побывал там два раза. И разобрался так же в том, в какую пропасть кинул Хрущёв сельское хозяйство освоением этой целины.

Жизнь в деревне после разрушительной войны едва теплилась без мужика и вообще без всего. Деревню срочно надо было спасать. Но Хрущёв выдумал освоение новых земель как панацею от всех продовольственных бед. А целинные земли в зоне неуверенного земледелия оказались «чёрной дырой»¹⁵, куда посыпались триллионы бюджетных денег и человеческих трудовых ресурсов без какой-либо значимой

¹⁵ Астрономическое обозначение мест во вселенной, куда всё входит и поглощается без выхода.

отдачи. Страна осталась без хлеба, а стационарная традиционная деревня с вековой историей осталась без крестьянина. Деловой мужик покинул брошенную властями землю и ушёл.

А ведь даже половины денег, вложенных в целину до 60-го года хватило бы на оснащению деревни машинно-тракторной техникой, на электрификацию деревни, на постройку по-современному оснащённых ферм по всем направлениям, дорог, цехов для ремонта техники, больниц, школ и жилья. И не ушёл бы мужик. А страна получила бы и мясо, и молоко, и масло. Но этого не произошло. И хотя до девяностого года освоенные целинные земли как-то обрабатывались, сельское хозяйство угасало. А с приходом капитализма оказалось, что на заброшенной российской земле выгоднее ничего не делать, и продовольствие ввозить из-за рубежа. И восемьдесят процентов пахотных земель заросло кустарником. Но это произошло потом.

А Лёнька? Лёнька верил, что всё исправиться руками его поколения и выполнял наказ родителей. Он учился.

II

По традиции предучебный сбор проводился в школе 30 августа. День был солнечный, тёплый. Когда Леонид Сугробин, молодой человек шестнадцати с половиной лет, десятиклассник, подошёл к школе, площадка перед парадным входом искрилась разноцветьем ярких летних одеяний, ослепительными улыбками на загорелых лицах, звонким смехом неукротимой и непобедимой молодости. За два с половиной месяца летних каникул все подросли, окрепли, а десятиклассники превратились в настоящих взрослых людей. И из мальчишек и девчонок, стали рослыми, сильными юношами и пленительными девушками с загадочным блеском в глазах. Молодые люди были в тщательно отутюженных брюках и до блеска начищенных ботинках. Девушки в туфельках на каблучках и взрослыми причёсками на головках. Все стояли группками по пять – шесть человек, и вели дипломатические беседы, с интересом и некоторой ревностью оглядывая друг друга. Леонид в это лето ни с кем не встретился и не рыбачил. Ему очень были нужны часы и фотоаппарат. В скромном семейном бюджете деньги на эти цели не планировались. И он упросил отца взять его на работу в строительную бригаду. Отец частенько бригадирил в «диких» бригадах, собиравшихся из таких же, как он трудоспособных инвалидов, которым закон не разрешал работать

на предприятиях. Обычно эти бригады работали на частника. Но в этом году по плану вождя область полностью охватили кукурузными посадками, а промышленные предприятия обязали создать к концу лета в колхозах хранилища под так называемую «зелёную кукурузную массу», которой предполагалось вдоволь кормить коров и надоить вдоволь молока. Рабочих для такого дела не хватало и власти в это лето «диких» не преследовали. А плотников набирали потому, что в «средних» верхах, очевидно, понимали временность кукурузной кампании и хранилища запроектировали также временные из дерева. Так Леонид сразу после экзаменов оказался в селе в двадцати пяти километрах по прямой линии от города, и пробыл он там два месяца безвыездно. На побывку домой рассчитывать не приходилось. Ни дорог шоссе-ных, ни транспорта в то время не было. Да и бригада работала без выходных от зари до зари. И только раз в неделю позволяла себе послеобеденную баньку.

Деньги за просто так не давались. Первые дни Лёнька «света не видел». И часто вечером засыпал за ужином с ложкой в руках. Старики смеялись, но поблажки не давали, даже если хозяйка, где они были на постое, заступалась за него и просила пожалеть.

– Не неженка, – говорил дед Матвей (он был старше всех, и звали его дедом) – отец его не переставая целый день топором стучит. Пусть и он стучит.

Сам дед, высокий, жилистый, с густой копной совершенно

седых до белизны волос, махал топором, наверное, и больше и больше других. И Леонид старался держаться поближе к нему, перенимая его экономные движения и точность удара. После нескольких дней изнурительной, через «не могу» работы, он хотел плюнуть и на часы, и на фотоаппарат и уйти. Но сумел перетерпеть изнеможение и вскоре, почерневший и про дубевший от солнца и солёного пота, вваливал вместе со всеми. За обеденным столом съедал всё до крошки утром, днём и вечером. Засыпал, как только закрывал глаза и просыпался мгновенно, когда хозяйка, заходя на сеновал, где у мужиков была спальня, объявляла о готовом завтраке. И когда спустя два месяца силосная траншея, утопленная по крышу в земле, засыпанная сверху глиной и закрытая дополнительно добротным слоем дерна, сдавалась подрядчику и заказчику, Леонид стоял на равных вместе со всеми мужиками, и был горд за свою работу. А по сдаче был банкет, т.е. выпивка без ограничений под добротное жаркое из свинины и прочие крестьянские закуски. Лёньке, как и всем, налили полный стакан водки. Председатель колхоза, крупная женщина средних лет, подняла стакан и сказала без хитростей: «Спасибо, мужики, выручили». И выпила. Дед Матвей поднял свой стакан и повернулся к сидевшему рядом Леониду

– Ну, сын, работал ты крепко Успехов тебе и удач. Мы ведь скоро вымрем и я рад, что ещё один молодой мужик топор в руках держать научился. Вся Россия топором построена. А сейчас и выпить не грех.

Дед Матвей легонько коснулся его стакана и тремя глубокими глотками влил в себя стакан водки. Вокруг мужики выпивали и шумно закусывали. Ленька покрутил головой, поднял стакан и выпил как все, не торопясь и не останавливаясь. Отличное жаркое с молодым картофелем, густой омлет называемый «селянкой», свежие и малосольные огурцы, зелёный лук, жареные грибы не давали мужикам пьянеть достаточно долго. Потом кто-то завёл песню про «удалого «Хаз-булата», его поддержали. Гулянка под молодыми липами пошла к завершению. Леонид вышел из-за стола и прошёл за околицу. Деревня стояла на крутом берегу небольшой речки. За речкой на горизонте скрывалось багровое солнце. Лёгкий ветерок ворошил выгоревшие добела волосы. На душе было спокойно и хорошо. До конца каникул оставалась неделя.

Леонид подошёл к своим одноклассникам. Он был в белой рубашке в вертикальную светло-зелёную полоску, светлых серых брюках, ослепительно сверкающих первозданной белизной полотняных полуботинках, принявших на себя по такому случаю полкоробки зубного порошка. Светлая рубашка с коротким рукавом оттеняла медный загар на руках и на лице. На плече небрежно висел на кожаном узком ремешке фотоаппарат «Зоркий», а на левой руке сверкали золотом красивые часы с центральной секундной стрелкой.

Смотрите-ка, какой фраер к нам пришёл, – громко, почти крикнув, сказал Юрка Коротков, постоянный Лёнькин сосед

по парте в течении шести лет. Они пересидели почти на всех партах, но в девятом окончательно закрепились на последней в первом ряду от окна и отдавать завоёванное не собирались. Коротков был старше на два года, но они дружили на равных. Леонид поздоровался за руку со всеми ребятами и приветливо улыбнулся девушкам. А Коротков уже распорядился:

– Все встаём на ступеньки! Десятый «а», все, все, все! Сугробин делает кадр десятиклассников. Лёнька, чтобы фирменная вывеска вошла и наши знаменитые дубовые двери.

Леонид подождал, когда все встали, прихорошились, как хотелось, и сделал снимок с двумя дублями. Юрка снова закричал:

– Стойте, не расходитесь. Сейчас и фотографа с вами сделаю. Лёнька, давай в середину к девчонкам. И фотик давай. – И, взяв фотоаппарат, подождал, когда Леонид втиснется, и сделал ещё снимок с дублями, приговаривая, что история не повторяется и без дублей ничего делать нельзя.

Прозвенел звонок. Все десятиклассники прошли в школу, не суется, степенно. Школьные помещения блистали чистотой и яркими красками свежего ремонта. Десятый «а» разместился в своём фирменном классе, каждый на своём отвоёванном в предыдущие годы месте. Вошла учительница химии. Все встали

– Здравствуйте, ребята! Садитесь, – сказала химичка. – С сегодняшнего дня классным руководителем у вас буду я.

– А Тамара Николаевна? – недружно и недоумённо проговорила половина класса.

– Тамара Николаевна вас географии обучила полностью, занятий в десятых классах у неё нет, и ей дали снова младшеньких.

– Так что у неё своих выпускников никогда и не будет? – выкрикнул Коротков.

– Ну, я не знаю. Так педсовет решил, – ответила химичка и спросила, – Какие будут вопросы?

– Картошку убирать отправят? – спросил Санька Ширяев, высокий блондин, сосед Лёньки по жительству, друг и товарищ по увлечениям фотографией.

– Об этом разговора не было, – ответила новая классная.

– Не понимаю, – толкнул Коротков Лёньку, – почему Тамару не оставили. Какая ерунда, что предмета нет. Ей ведь обидно – вырастила оболтусов в приличных людей, а выпустить не дают.

Леонид тоже не понимал, почему у них отняли классную, которая начала с ними работать сразу после окончания института с пятого класса и с которой они сдружились, становясь к десятому классу почти ровесниками и с которой без конфликтов находили общее по всем вопросам. Но он помнил прошлогоднюю выволочку за кукурузный вопрос и буркнул: «Вождам виднее». Тамару, конечно, жалко. Но ведь кукуруза не выросла, а выволочку не сняли. И в эту весну кукурузу снова посадили, а она снова не выросла. Он хранили-

ще под неё строил, и деньги заработал, а кукуруза постановления правительства не выполняла и не росла.

Леонид резко продвинулся в понимании жизни с тех дней, когда его принимали в комсомол. Он старательно учился. Советская средняя школа, построенная по принципам российской дореволюционной гимназии, давала обширные знания по всем областям вплоть до шестидесятых годов, в которых начались первые потуги модернизации. Плохо было только с изучением иностранных языков, но это, возможно, была специальная установка, так как за границу советским людям ездить не планировалось. Леонид много читал: всю классику российскую, советскую и европейскую, приключенческую, историческую. Всё впитывал как губка и был согласен с М. Горьким, что «чтение есть лучшее учение». Чтение сформировало Лёньку как романтика. Он мечтал о путешествиях, о приключениях, о прекрасных женщинах, которые должны были встретиться ему на этих путях. Но знания и мечты не отрывали его от реальности. Его шестнадцатилетний ум начинал анализировать факты и события действительности и ровное полотно непогрешимости системы, непоколебимое при жизни Сталина, начинало иногда морщиться и покрываться пузырями. Сначала затронуло убийство «английского шпиона» Лаврентия Берия, бессменного члена Политбюро, которому не было нужды быть чьим-то шпионом. И беспардонное враньё корбило даже четырна-

дцатилетних пацанов. Потом бестолковые массовые засе­вы кукурузы до полярного круга. Потом оказалось, что в стране нет хлеба. И страну без всякой подготовки бросили на освоение целинных земель от Оренбурга до Барнаула. Сотни тысяч добровольцев коммунистов, комсомольцев и прочих, политически не объединённых и очень молодых были брошены уже с февраля 1954 года в ледяные, занесённые снегом просторы. Десятки эшелонов с будущими целинниками проходили через Лёнькин городок. Поезда останавливались на полчаса для смены локомотивов и проверки колёсных букс. И Леонид неоднократно наблюдал, как из вагонов вываливались десятки полу трезвых комсомольцев (а может политически не охваченных) и сломя голову неслись к привокзальным магазинам, которые за несколько минут выполняли недельный план по продаже водки. Из окон, набиравших скорость поездов, летели под откос пустые бутылки. А вражеские голоса через радиостанцию «Освобождение» подзадоривали: «Едем мы друзья, в дальние края. *Будем невесёлыми* и ты, и я...» Не все коммунисты и комсомольцы ехали добровольно. Менять Москву...

Параллельно с людскими эшелонами проходили эшелоны с техникой. Тракторы, автомобили, комбайны, прочие машины. Некоторые взрослые, не скрываясь, говорили, что если бы такую технику кинуть в здешнее село, то и новые земли не надо осваивать, здесь бы хлеб вырастили. Но такие разговоры шли между собой, а пацанам говорили, чтобы они

их не слушали. Но Леонид сам с седьмого класса выезжал на сельхозработы, и видел всю нищету и необеспеченность села в своём районе и понимал, что так везде. Радио и газеты с фанфарами прославляли целинную эпопею. «Вождям виднее», – закрывал он полемику с самим собой и принимался за учебники.

В промежутке забот по заброске людей и техники в целинные районы, на одной из сессий Верховного совета СССР, Хрущёв провернул передачу полуострова Крым в состав Украинской ССР. Депутаты, получавшие славу на местах за то, что они депутаты, и разные льготы за то, что они голосуют, не задавая вопросов, проголосовали. И не задумались, что «розовощёкий украинец» (как характеризовали его на западе) вынашивает в глубине души голубую мечту о создании Великой Украины. Учительница географии, классный руководитель Тамара Николаевна, подтвердила на уроке, что Крым не имеет сухопутных границ с РСФСР. И вопрос закрылся.

В доме у Лёньки был самый незатейливый и самый дешёвый радиоприёмник «Рекорд». Его подарил старший брат по окончании Лёнькой седьмого класса. «Уже большой стаёшь, образовывайся», – сказал он при этом. У приёмника подключался проигрыватель грампластинок и был диапазон коротких волн, которые, несмотря на мощный заслон специальных радиопомех, пробивались иногда чистым звуком с информацией из враждебных Советскому Союзу радио-

станций. Шла интенсивная холодная война. Мощнее других были радиостанции «Голос Америки» и «Освобождение», так как пробивались чаще других. Леонид покручивал в зимние вечера ручки настройки. Обычно давали примитивную лобовую пропаганду, и он её мало слушал. Его больше интересовали последние известия и оценка их другой стороной. Но бывали очень точные оценки событий в Союзе. Иногда с изрядной издёвкой. Очень запомнились ему слова одного обозревателя, который заявил, что «советские граждане и не знали бы о заботе партии и правительства, если бы им об этом постоянно не напоминали...» Это было настолько верно схвачено, что задумывавшимся становилось смешно. И шаловливые школьники на политчасах и уроках истории не пропускали возможность процитировать эти ежедневно звучащие по радио и газетах по надобности и без надобности слова «благодаря заботе партии и правительства...». И получали одобрительные слова преподавателей, принимавших слова своих воспитанников не морщась. И было непонятно, почему умные взрослые, да и верховные вожди не понимают, что роняют себя в глазах населения, которое хотя и справило в 1955 году десятилетие Победы, но жило совсем не так, как в кино про кубанских казаков и им подобных. Но такие штучки «вражьих голосов» только смешили. Их лобовые атаки были намного примитивнее советской пропаганды и вызывали усмешки. И нисколько не колебали уверенности в правильности своей великой страны. И Леонид с дру-

зьями был твёрдо уверен, что всё идёт правильно, как то, что «Эверест – высочайшая горная вершина, а Советская армия – сильнейшая в мире...»

Довольные, что сельхозработ в сентябре не предвидится, десятиклассники покинули школу и, перебросившись немногими словами, рассеялись. Леонид Сугробин, Юрий Коротков, Саня Ширяев и Николай Смирнов с Виталием Фокиным из 10-в, с которыми Лёнька был дружен, пошли вместе по дорожке в центр.

– Может по пивку, – агрессивно и решительно кинул клич Коротков.

– Не проходит, – ответил Виталий. – Мы с Николаем и Леонидом в милицию за паспортами. Вот получим...

– Так вы ещё и беспаспортные, – шутливо презиравюще протянул Юрий. – Малышня. Пойдём, Саня, мы с тобой.

Коротков и Ширяев отвалили. Леонид с друзьями отправились в милицию. В милиции быстро не бывает, да и подошли они к самому перерыву. Пришлось ждать. Но к трём часам все трое стояли на крыльце паспортного отдела и разглядывали блестящие и хрустящие страницами документы, определяющие их статус как граждан Советского Союза.

– Это я-то гражданин, – засмеялся Колька и сунул паспорт в карман. – Не пойти ли, граждане, мячи погонять, пока светло и лето не кончилось.

– Ну, уж нет! – ответил Витька и ещё раз перелистал паспорт. – Гражданами, да ещё Советского Союза, просто так

не становятся. Дело, как я понимаю, совершенно запахло керосином. Юрка за десятиклассников предлагал по пивку, а за граждан!? У кого что в карманах?

– Не надо по карманам, – остановил Леонид друзей. – У меня после покупки этих безделушек, – показал он на часы и аппарат, – кое-что осталось. Две бутылки портвейна за мной. – И вытащил из кармана широкую бумажку в пятьдесят рублей.

– Богатенький ты у нас, – съязвил Виталий. – Может, ограбил кого? А! И «лейка» на плече, и часы позолоченные последней модели. И ещё вином угощает.

– Ладно, ты! – толкнул его Леонид. – Вкалывал всё лето как последний раб Римской империи. Да и деньги последние.

– Тогда в «ДОН», – решительно заявил Виталий. – Я вчера видел, там бочки выгружали.

«ДОН» было условное название заведения общепита железнодорожного ОРСа напротив вокзала, в котором и кормили, и угощали. Там больше угощались, чем кормились. И название своё он получил от постоянных посетителей по фамилии начальника ОРСа, и расшифровывался незатейливо: «Дорофеев обманывает народ». Когда ребята вошли в зал, буфетчица с помощью двух добровольных помощников вкручивала кран в новую бочку.

Мальчики сели в кабинку у окна, осмотрели друг друга и остались довольны. У подошедшей официантки и мыслей не было, что они молоды.

Классы десятиклассников в теперешнем составе сформировались окончательно при переходе в восьмой класс. Половина была ровесниками Леонида, пошедшая в школу с семи лет, вторая половина состояла из задержавшихся с поступлением и лихих неуспевающих в младших классах, которые оставлялись на второй год. Но затем решили, что учёные всё же свет. И пару лет назад в восьмых классах возраст ребят был от четырнадцати до шестнадцати. И были рослые ребята до ста восьмидесяти, и малыши, хотя и активно растущие. Но на физкультуре на построении в линейку: сначала мальчики по росту, за ними девочки по росту, линейка представляла повторяющуюся математическую функцию. Лёнька стоял тогда в нижней части функции и переживал. Старшие уже поглядывали на девочек вполне осознанно, а младшие ещё подёргивали их за косички. Но в учебных успехах младшие задавали тон, и это сравнивало неровности. Но это было два года назад. А сейчас Леонид, самый младший, пил на равных вместе с ними вино, не отличаясь от них ни ростом, ни видом и вполне осознанно посматривал на проходящих за окном девушек.

– А портвейн нисколько не хуже футбола, – гоготал -Колька. – Так же весело.

– У взрослых должны быть свои развлечения, – заявил Витька. Он всегда был выразителем мнений в этой кампании и делал заключения. – Что мы как мальчишки! Футбол, рыбалка, лесные приключения. Много вы видели взрослых

ребят, которые так живут. Вот сейчас допьём, поболтаемся по улицам и в горсад на танцы. Сегодня пятница, оркестр играть будет. Кстати, и Коротков в оркестре сидит, значит, там будет. Правда, Лёнь? Ты со своими золотыми часами и камерой всех девчонок завлечёшь. Тебе уже пора девушкой обзавестись. Маринка по тебе вся исстрадалась.

– Да ладно тебе, – смущённо протянул Леонид.

Витька немного хитрил. Ему очень нравилась хорошенькая Маринка Весёлкина из Лёнькиного класса, а она его вниманием не одаряла и была очень мила в общении с Леонидом. И Витька подкалывался не раз по этому поводу. Время было любить.

Любовь пропитывала воздух, которым они дышали. Да и как могло быть по другому, если тебе шестнадцать лет, так и всему миру тоже шестнадцать. В восьмых, девярых и десятых классах в школе крутилась повальная любовь. И если десятиклассники всегда были отделены от остальных школьников своим статусом, то у младших постоянно горели лица от переглядываний, записок и шушуканий в кружках на переменах. И после уроков школьники чаще расходились парами, а не кучками. И Николай, и Виктор нашли своих девочек, и вечерами их нелегко было отыскать. Девчонки Лёнькиных друзей были подругами и по-дружески сообщали ему о девчонках, которые были бы согласны с ним познакомиться. Но Лёнька только улыбался в ответ и говорил, что не созрел. Но это была неправда. Любовь переполняла его. Десят-

ки романов о всепоглощающей любви и невероятные приключениях и подвигах всех времён прокручивались его сознанием. И каждый раз он совершал все действия героев сам, и свои подвиги приносил к ногам таких же романтических, прекрасных дам. И отдавал им своё верное сердце. И никак не мог вообразить, что может подойти к понравившейся девочке и просто сказать: «Давай дружить!» Просто так, без всяких подвигов во имя её. И как глубокий романтик жестоко отнимал у девушек их право любить мальчишек просто так, ни за что. И не понимал свою одноклассницу Маринку, которая не скрывала своего внимания к нему. Не понимал, за что и почему? И считал себя совершенно недостойным её. И пребывал, полный любви без любви, не влюбляясь после давнишней детской влюблённости. В третьем классе это было, когда на уроке появилась аккуратно одетая в классическую школьную форму с белым фартучком и кокетливыми кружевными плечиками – крылышками, девочка по имени Ира. Чёрные волосы, высокий чистый лоб, серые ясные глаза и лёгкая постоянная улыбка так привлекли Лёньку, что он целый день сидел, повернув голову в сторону её парты. И Юрка Коротков равнодушно съязвил:

– Чего, Лёнь! Влюбился что ли?

Слово «любовь» было среди мальчишек ругательным. Над пацанами, которых уличали в любви, надсмехались, их презирали и вообще третировали. И потому Лёнька отчаянно занекал. И несколько дней смотрел только в окно, пока подо-

зрения у его соседа не развеялись. Но какой – то уголёк разгорелся и не гас. Ира чем-то отличалась от привычного круга ребятешек. Наверное, потому, что она откуда-то приехала, из неизвестного мира. Так и было. Её отца, офицера, перевели на местный военный объект. До неё Лёнька к девчонкам был равнодушен. Общался со всеми весело, и не было у него сомнений в том, чтобы подойти, дёрнуть за косичку, потом убежать или дать себя догнать и шутливо отбиваться. А тут нет! Только собирался выкинуть обычную шутку и... проходил мимо. Духу не хватало. Незаметно для себя он начал после школы идти за Ирой до её дома, держась в сотне – другой метров позади. И понял, что влюбился. Приходил домой хмурый и задумчивый. Так прошло время до весны. А в мае её отца снова куда-то перевели и Ира уехала. Лёнька стоял недалеко от её дома, пока грузили вещи. Ира суетилась вместе со всеми, но Лёньку не замечала. Потом грузовик ушёл. Подъехал открытый легковой ГАЗик. Семья вышла и разместилась. «Всё!» – сказал себе Лёнька. Машина тронулась и тогда Ира повернулась и с улыбкой помахала ему обеими ручками. Поворот был близко. Шофёр газанул, и машина скрылась в клубах пыли. Лёньке было грустно и радостно.

Он понял, что к нему приходила любовь, и он запомнил её. И когда в седьмых-восьмых классах слово «любовь» из неприличного превратилось в прекрасное и таинственное, то все перевлюблились, и заваливали друг друга запис-

ками. А Лёнька был ровен со всеми девочками, хотя многие из них становились прехорошенькими. Так было и в восьмом и девятом классе. Футбол, охота, рыбалка и книги обо всём и о любви. Жизнь на природе звала к путешествиям и приключениям, романы звали к подвигам...

III

Ну, ещё раз за граждан! – сказал Колька. Все сдвинули стаканы и допили вино за свои паспорта.

– Прощай, детство. – подвёл черту Витька и ребята пошли потолкаться в вечерней уличной суете. В парке они появились, когда смеркалось. Оркестр в это время доиграл задорную «Рио – Риту» и затих. Оркестранты взяли перерыв. Врубилась радиола шлягером сезона. « Я не хочу (ударение на «о») больше ждать, повеерь, что я тебя лублю... Красную розочку, красную розочку я тебе дарь..ю...» На чрезвычайно ломаном русском, сочным чувственным голосом зарубежная певица пела о нетерпении любви. Кто кому дарил красную розочку, было непонятно, но музыка и слова завлекали, а ломаный язык только добавлял очарования. Мальчики стояли посреди аллеи весёлые от не прошедшего кайфа, и рассматривали проходящую публику. На дорожке появились две совсем молоденькие девушки и в вьющихся тёмных волосах одной из них сверкала натуральная красная розочка.

– Лёнька! – дернул Лёньку за руку Витька. – Смотри. Красная розочка! Самая настоящая.

Он произнёс эти слова громко, почти крикнул. Девушки оглянулись на них. У Красной розочки были яркие голубые глаза. Она улыбнулась. И Лёньке показалось, что улыбка направлена только ему. Он замер. Но ещё мгновение и девчуш-

ки скрылись среди гуляющих.

– Лёнька! – повторил Витька. – Это же сама любовь. Пойдём знакомиться.

– Не суетись, – остановил его Колька. – Сейчас наши девчонки подойдут. А тебя, Лень, он сплавляет, чтобы у Маринки надежд не осталось, и она на него обратила бы внимание.

– Всё равно, идём на площадку. А вдруг она нездешняя.

– Я не пойду, – сказал Леонид. – У меня голова нетрезвая. Удачи вам.

Когда он выходил из парка, на площадке снова запустили «...я тебя люблю...» и девушка с красной розочкой в волосах и голубыми глазами показалась ему самой прекрасной из всех, кого знал, о ком мечтал в своих грёзах после прочитанных романов.

Главным развлечением в маленьком городке было кино. Лёнька, его друзья и другие недоросли в незанятые рыбалкой, охотой и прочим в воскресные дни, любили смотреть кино на детских сеансах. Это было дешевле, а фильмы для детей показывали те же самые, что и для взрослых на вечерних сеансах. В то время кинопрокат выпустил на экраны огромное количество зарубежных фильмов без дубляжа с титрами, первый из которых информировал, что фильм взят в качестве трофея из германского кинофонда. Трофеи были произведениями мирового кино и пользовались большим успехом. Начало показу фильмов «взятых в качестве

трофея» положил мгновенно ставшим знаменитым «Тарзан» в четырёх сериях, выпущенный на экран в 1952 году, когда Ленька был совсем пацаном. Но именно тогда он почувствовал боевой звук там—тамов и реальность других миров. На афишах всегда акцентировалось, что фильм трофейный и значит, можно было ждать чего-то необычного и интересного. Большой зал ДК на шестьсот мест заполнялся до отказа шумной публикой, и было приятно от непосредственного восприятия ей событий на экране. Правда, надо было пробиться в густой толпе во время в зал и сесть на приличные места, так как на эти сеансы места в билетах не проставлялись. Пока Леонид числился в «малышне», это ему удавалось не часто. Но для старшеклассника это было сделать не трудно. И уже в первое же воскресенье сентября через день, после получения паспорта, он сидел в лучшем ряду в центре зала, придерживая на всякий случай два места для друзей или знакомых. И глазел по сторонам в их поиске, когда услышал низкий девичий голос:

– Извините. у вас свободные места?

Он поднял глаза на голос. Из прохода на него смотрели голубые глаза «Красной розочки». Всего—то два дня прошло после обмена взглядами в парке. Но она и её подружка, наверное, не помнили этого, и голубые глаза смотрели на него равнодушно – вопросительно с одним только желанием сесть на свободные места в переполненном зале. Были первые дни сентября Лёнькиного десятого школьного года. В марте сле-

дующего года ему исполнялось семнадцать...

– Да, миледи! Эти места для Вас, – сказал он скорее смущённо, чем развязно, как ему хотелось бы сказать, привлекая слово «миледи». Но девушки улыбнулись и быстро побежали проползать через набитый телами ряд на его свободные места. Едва они, облегчённо вздохнув, опустились на кресла, как свет погас и зал отключился на два часа от обыденной жизни. Он сидел чуть дыша. Его прекрасная незнакомка сидела рядом. Фильм назывался «Остров страданий» На экране стремительно раскручивался увлекательный сюжет героической приключенческой жизни капитана Блада. В библиотеках не было романа «Одиссея капитана Блада», который Леонид прочитал значительно позднее. И все события на экране были новыми для неискущённых зрителей и захватывали. Леонид переживал за Блада, она за Арабеллу. В какой-то момент руки их коснулись, и он держался за её пальчики до конца сеанса. Экран погас, включился свет. «Красная розочка» повернулась к Леониду и в её сочных голубых глазах он увидел, что не очень соответствует экранному герою, несмотря на обрётённую на стройке мужественность. Руки их разъединились, но она улыбнулась.

– Я часто смотрю фильмы на этих сеансах, а Вас мы никогда не видели.

– Наверное, я был ещё маленьким, – нашёлся Леонид, и она снова улыбнулась. Они уже шли в толпе к выходу. На улице он проводил девушек до ближайшего перекрёст-

ка, и они успели представиться друг другу. Он сказал, что будет рад занимать места для них в кинозале на этот сеанс. «Красную розочку» звали Людмилой Буянской. И ему снились несвязные сны, что он Руслан и спасает Людмилу от трёх злых колдунов – Черноморов сразу.

А утром был понедельник и на школьной линейке директор объявил, что восьмые, девятые и десятые классы направляются в колхозы на уборку картофеля и выполнения прочих работ, с которыми могут справиться руки и головы его учеников. Всем было приказано разойтись по домам и явиться через три часа собранными и одетыми для длительного нахождения вдали от дома. Когда Лёнька с Санькой Ширяевым снова появились у школы, её окружала толпа разнокалиберной молодой поросли готовой к труду и обороне. Весь их класс стоял кружком в центре которого Юрий Коротков наяривал на аккордеоне мелодию только что проникшей в ихние дали песни «Сиреневый туман». «...над нами проплывает, над тамбуром горит вечерняя звезда. Кондуктор не спешит, кондуктор понимает, что с девушкой я прощаюсь навсегда...» Маринка! Ах, Маринка! Только и сказал Лёнька, когда она подхватила его под руку и затолкнула в круг, став рядом. И мелодия и слова щемили душу десятиклассников. Маринка прижимала Лёнькину руку, а его щемило сорванное свидание на сеансе через неделю и то, что случится ли оно в другой раз, через месяц. «А может навсегда, ты друга потеряешь, ещё один звонок и поезд отойдёт...» Телефо-

нами население обеспечено не было, и в Лёнькином случае была полная реальность разрыва связи с Людмилой.

В сельхозработах на выезде класс вкалывал четвёртый раз, и ничего нового не было. Разве что все уже были взрослыми и могли сделать побольше, чем малышня. Стояли на постое по крестьянским домам по пять – семь человек, там и кормились за счёт колхоза. Меню определяла хозяйка. По вечерам развлекались под Юркин аккордеон. Жизнь в деревне выправлялась понемногу после войны. И если четыре года назад в домах горели только керосиновые лампы, то сейчас в этом селе было электричество в домах и электромоторы на току, на мельнице... Лёнька, окрепший на стройке, ворочал за двоих не уставая и сочинял стихи о прекрасной даме, получившей в его мечтах реальность. «О, витязь, то была Людмила!» Красная розочка стояла у него в глазах, и затемнить её не могла ни одна, окружавшая его на полевых работах, девчонка. Даже красивая Маринка, которая всегда увлекала его танцевать на лужайке под музыку Юркиного аккордеона по вечерам. Через четыре недели ученики вернулись за парты. И в первое же воскресенье по возвращению Леонид сидел в кинозале и ждал. И девушки появились, заулыбались, увидев его. Людмила помахала приветливо ручкой, и через минуту он уже обменивался с ней новостями. Она также была на картошке и, похоже, на Лёнькино несходство с капитаном Бладом давно позабыла. Сказочный капитан Блад мелькнул и исчез. На экран врывалась жизнь тро-

гательным индийским бродягой Раджем Капуром, солдатом Иваном Бровкиным, «Разными судьбами».

Она жила и училась в другом районе и шла на год моложе и потому Леонид, бывая там редко, не встречал её. Но кино, как великий волшебник, познакомило и соединило их. И юные нетронутые сердца откликнулись на взаимный призыв и загорелись. И поседевший Леонид Иванович помнил все часы проведённые вместе с Людмилой. Она не была красавицей, но была такой милой приветливой симпатюшкой, что невольно хотелось улыбнуться ей и сказать ласковые и приятные слова. Даже музыкальный наставник братвы, группирующейся в клубных музыкальных кружках, встретив Лёньку с ней на бульваре, сказал ему потом:

У тебя очень приятная девушка. Взгляд ласковый, а глаза, что небо ранним майским утром.

Музыкальный наставник пустых слов не говорил. Был он уроженец солнечной Краснодарской губернии и до войны жил в г. Краснодаре, где у его родителей был собственный домик и садик при нём. И молодой музыкант жил не тужил, и имя носил музыкальное – Оскар. Пришла война. Из музыкантов сколотили творческие бригады для выступления в частях на передовой и поддержания боевого духа у бойцов. Война дело серьёзное. На войне жизнь очень часто и копейки не стоит. Оскар Яковлевич с винтовкой наперевес в атаки не ходил, и пули не тронули его. Но кроме сохранения жизни война ему ничего хорошего не принесла. Когда наши войска

в 1942 году стремительно отступали, оставляя боевую технику, города и посёлки, и всю территорию северного Кавказа, Дона и нижней Волги, то отцы – командиры не думали о судьбе музыкантов, брошенных, как и население в оставленных территориях на произвол немецких войск. Немцы к попавшим к ним музыкантам из фронтового ансамбля отнеслись лояльно. «Большевикам играли? Теперь нам играйте. Не будем же мы для ресторана из Берлина музыкантов вызывать!?» И сидел советский музыкант Оскар за пианино в офицерском ресторане в Краснодаре и играл вместе с коллегами танго, фокстроты, Мурку и Марусеньку для немецких офицеров, танцующих с советскими девушками. Война для всех война. Что для немцев, что для русских. Что для захваченных в плен музыкантов, что для девушек в оккупированных районах. Всем хотелось жить и не думать о мгновенной смерти. А когда пришла пора драпать немцам, тем было уже не до фокстротов. И встречали музыканты советские войска с непонятной смесью радости и грусти. Грустить было от чего. «Немцам играли! Значит, сотрудничали с оккупантами. Значит предатели». Недолгое разбирательство и скорый суд – десять лет лагерей на искупление своей вины перед Родиной.

Воевавшей Родине был нужен лес, много леса. Оскар вместе с другими «изменниками» попал на лесоповал в лесной район европейской части СССР. Т.е. совсем недалеко от Москвы по географическим российским меркам. Как че-

ловека грамотного, его определили маркером: он замерял обработанные брёвна, распределял по «калибру», качеству, фактуре, определял объём и как сам говорил, что мог бы работать на нормальном лесном предприятии квалифицированным инженером. Но он был музыкант. Срок ему дали в 1944 году и, отбыв все десять лет в одном лагере, он был определён в Лёнькин городок на поселение под гласный надзор милиции ещё на три года. И как музыкант оказался необычайно востребованным. Был ангажирован нарасхват. И работал днём в трёх или четырёх детских садиках, а по вечерам в доме культуры, где сопровождал выступления самодеятельных артистов на пианино, играл в оркестре. Был он скромен, бесконфликтен, денег в полном сборе зарабатывал больше, чем машинисты локомотивов. И в свои сорок пять лет он был самым завидным женихом для оставшихся после войны одиноких женщин, мечтавших ещё найти своё счастье. Но он не хотел никакого семейного северного счастья и грустил о своём юге, своём Краснодаре, где его никто не ждал, а домик умерших родителей советская власть приватизировала в свою пользу и давно уже в нём жили чужие люди. Деньги он почти не тратил и вскоре накопил достаточно, чтобы нанять адвоката. И ввязался в бесконечную тяжбу с государством за возвращение своего домика с садиком. О своей лагерной жизни Оскар практически не распространялся. Власть не хотела, чтобы правда разносилась освобождёнными зеками в народ, и брала с них подписку о неразгла-

шении фактов и правил жизни за колючей проволокой. Бывшим зекам, не соблюдавшим подписку, грозила уголовная ответственность с немалым сроком. Но всё же, когда обида на несправедливость накатывала дегтярной чернью на сознание, он чуток открывался находящемуся с ним собеседнику. Чаще всего это были «музыкальные пацаны» из кружков ДК, которые уже в своём кругу передавали эти истории. Так Лёнька узнал, что из лагеря регулярно пытались бежать. Но обычно бегуны далеко не уходили. Их догоняли, убивали, и трупы вывешивали на воротах на несколько дней для устрашения. И только об одном побеге Оскар не знал конца. Ушла группа боевых офицеров в 60 человек. Их отряд, как обычно, повели на рубку в делянки. Всё было подготовлено у них. Они напали на автоматчиков, охранявших колону, перебили их и ушли с захваченным оружием. Куда ушли, и что было с ними, лагерники никогда не узнали.

Оскар так и не уехал в Краснодар. С возвратом дома, несмотря на немалые деньги, выплаченные адвокату, ничего не получилось. И он жил одиноко в арендуемой комнате в десять метров, отдавая малым детям в садиках и соприкасающимся с ним взрослым, тепло своего доброго сердца. Он провожал Леонида при его первом отъезде в Ленинград, и Леонид всегда навещал его, когда возвращался на побывку. В одно из возвращений он узнал, что Оскара не стало.

А Людмилка?! В ней воплотились все рыцарские мечты

Лёньки о прекрасной даме. И любовь его была рыцарская, любовь поклонения. «Порой слуга, порою милый и вечно раб!» – слагал стихи о своей прекрасной даме Александр Блок. И это были Леонид и Людмила. Он не осмеливался говорить ей про любовь словами и только преклонялся. Приносил ей последние осенние цветы и робко прикасался губами к её пальчикам. Они бродили допоздна долгими субботними вечерами по тенистым, а чуть позже по заиндевевшим улочкам. Или сидели на лавочках, или на, выходящих на улицы, крылечках. И им было так мило быть вместе, что терялось чувство времени. А потом, напуганные приливом нежелания расставаться, отталкивали себя от себя и разбегались, считая минуты до следующей встречи. А по воскресеньям смотрели кино. Они тянулись друг к другу и отталкивались. Несмотря на своё рыцарство, Леонид был строптив и неоднозначен. А Людмила вырастала в настоящую женщину и оба они становились личностями, не желающими растворять своё я без остатка. Иногда она пропускала назначенные встречи. Телефона не было, вход к ней в дом он не имел. Просто, УФ! Но если не удавалась суббота, был киносеанс в воскресенье. И её голубые глаза улыбались ему и он, рыцарь, склонялся к её пальчикам.

– Тебя теперь и не найдёшь, – возмущаясь, говорили Виктор и Николай. – Мы же видим тебя с Красной розочкой. Сам познакомился, а от нас скрываешь. Да втроём и с тремя девушками уже компания. Веселее.

Через несколько дней после возвращения класса с сельхозработ Леонида задержала новая классная руководительница.

– Сугробин, задержись на минутку, – попросила она его, когда он последним выходил со своей задней парты.

– Слушаю Вас, Нина Дмитриевна, – ответил Леонид и остановился у доски.

– Вот что, Сугробин. Вчера на педсовете обсуждался вопрос о возможных медалистах из нынешнего выпуска. Из сотни выпускников подходящими оценили около десяти. И один из них – ты.

– Это приятно, – ответил Леонид и замялся, не зная как продолжать

– Это не только приятно, – Нина Дмитриевна понизила голос. – это гарантированное поступление в ВУЗ. Сам, наверное, слышан, какие конкурсы в этом году были. Многие из наших лучших выпускников срезались.

Леонид слышал и знал из разговоров абитуриентов, что приёмные комиссии всех ВУЗов на все факультеты завалены заявлениями. На столичных и престижных провинциальных факультетах по пятнадцать и выше желающих на место, а на самых завалюшничках по пять – шесть. Это был послевоенный бум желаний образовываться. На всех уровнях физики и лирики отстаивали исключительное право личности на оригинальность и самостоятельность. И страна бурлила, и влажный весенний ветер обещал время каких-то пере-

мен. И школа начинала бурлить. Два года назад в школьный постаревший педколлектив влилось новое поколение преподавателей. И два словесника из новых делали маленькую школьную революцию на своих уроках и в появившемся литературном кружке под их руководством. Леонид склонялся к «физикам». Конкурсы у технарей были выше, чем у других профилей. И предложение быть кандидатом в медалисты было очень и очень неплохим. Он не знал на пятёрку немецкий язык. Преподавательница была откровенно слаба для увлечения своих учеников. Леонид с удовольствием и легко запоминал слова и выражения, легко переводил, но совершенно не знал грамматику и строил переводимые тексты по смысловому значению, что позволяло преподавателю ставить ему твёрдые четвёрки. Читать текст у него также получалось неплохо. Знали ли язык те, кто получал пятёрки, он не был уверен. И услышав предложение, он понял, что кандидата будут тянуть, но всё же сказал:

– У меня, Нина Дмитриевна, с немецким плохо. Мне его на пятёрку не вытянуть.

– Вытянешь. Поможем. Но для этого тебе надо расстаться с «камчаткой». Не годится отличнику сидеть на задней парте с «отпетыми». А ещё лучше, если бы ты сидел вместе с Перовой. Она – первый кандидат.

В школе всегда было совместное обучение и двухместные парты. Но ребята с девочками вместе никогда не садились. Это было какой-то непонятной традицией, но так было. И хо-

тя Леонид ничего не имел против умной и приятной девушки, лицо его явно выразило несогласие. И видя, что он поморщился, Нина Дмитриевна сказала:

– Ну, не обязательно с ней, но в первые ряды непременно.

– Знаете, Нина Дмитриевна, сколько времени я боролся за своё место, доказывал делом, что и на последней парте могут сидеть первые ученики. И убедил в этом Тамару. Я согласен побороться за медаль, но оставьте меня там, где я есть.

– Подумай, Сугробин! – не скрывая своего недовольства, сказала классная, и в глазах у неё блеснул недобрый огонёк. – Как бы не прогадал.

Первая четверть из-за сельхозработ была короткой и прошла для Леонида ровно. В дневнике у него по всем предметам стояли пятёрки, даже по немецкому языку. Но во второй четверти Нина Дмитриевна, поставив ему пятёрку за таблицу Менделеева, вызвала его отвечать на следующем уроке, что было не принято. А уж тем более, что отличник Леонид Сугробин в проверке знаний не нуждался. Нрав у парня был заложен предками. Леонид отказался отвечать, сославшись на нездоровье. Все хихикнули. И в журнале против его фамилии появилась красивая двойка. Это было незаконно. Но искать правду настолько было не принято, что даже в мыслях у Леонида ничего не зашевелилось. В таблице за четверть у него по химии появился «трояк». С тройкой в четверти областные чиновники медаль не утверждали. Он

улыбнулся классной понимающе со своей «камчатки», когда она зачитывала оценки. На медаль махнул рукой и перестал обращать на классную внимание, что раздражало её, но ничуть не Леонида. Он старательно продолжал учиться. Но строптивость ни в какой школе не прощалась, не только в социалистической. На выпускных экзаменах за сочинение ему, лучшему сочинителю школы, поставили «четвёрку», не объяснив и не показав ему допущенные ошибки. А на медали вытянули только трое из сотни выпускников. Сугробин же получил аттестат с четвёрками по русскому письменному и немецкому языку. И получил право поступать в любое высшее учебное заведение Советского Союза. Что он и осуществил, написав на вступительных экзаменах в училище для независимых преподавателей сочинение на «отлично», немецкий на «хорошо» и, набрав двадцать четыре балла, прошёл по конкурсу, не поперхнувшись. Он старательно учился в школе...

С Людмилой его друзья познакомились на новогоднем балу. В ДК всегда проводился весёлый новогодний бал – карнавал, о котором восторженно рассказывали старшие, а младшие мечтали о нём и ждали, когда подрастут. Большой зал освобождался от кресел, и в центре зала устанавливалась огромная разряженная и сверкающая огнями ёлка. На сцене играл местный джаз, и шли непрерывные выступления подготовленных талантов и экспромтные, желающих отличиться. Вокруг ёлки в масках и без масок кружились пары. Были

украшены все залы и этажи, везде транслировалась музыка, и не было местечка, где бы беззаботно и искренне не веселились. Наступал 1956 год. Люда легко вошла в круг Лёнькиных друзей и их девушек и узнала, что она «Красная розочка» «Противный», – сказала она Лёнке. – Не мог сам сказать...» Бал длился до рассвета и казался сказкой. В утренних сумерках Лёня расставался с Людмилой у её дома. Он поцеловал её пальчики и сказал:

– Очень хорошо было. Правда!

– Правда! – сказала она. И вдруг её губки, как крылья бабочки, коснулись его губ и тут же её каблучки застучали по ступенькам крылечка. У открывшейся двери она обернулась, и воздушный поцелуй полетел к нему. Вернувшись домой под счастливый вздох матери, он упал в постель, но заснуть не мог. Прикосновение губок его прекрасной дамы сказало ему, что он не только раб, но и милый.

А вечером на безлюдной аллее парка, посыпанной лёгкой порошей, она подлетела к нему и упала на грудь в полной уверенности, что Леонид её поймает. И он поймал её, и первый настоящий поцелуй любви соединил их. Новогодний вечер был тёплым. Они никуда не пошли, никто им был не нужен. И безмятежно целовались до утра. Природа мудра. Целоваться, как надо, они научились мгновенно.

– Ты противный, – говорила Людмила. – Пальчики целуешь, а глаза свои не можешь поднять, чтобы в моих глазах увидеть, что я хочу.

– Я глупый рыцарь.

– Ты должен быть умным рыцарем.

– Я люблю тебя, Красная розочка.

– Вот так намного умнее, чем говорить разные глупости, в которых ни слова про любовь.

– Я всегда буду любить тебя.

– Я хотела бы этого.

– Ты навсегда останешься Красной розочкой. Ты поверила, что я тебя «люблю...»

– Не поверить было невозможно.

И снова поцелуй уводящий в подсознание.

– Твои мальчишки говорили, что ты пишешь стихи. Напиши для меня.

– Уже написал.

– Прочти.

Пролетели зимние каникулы. Быстро пролетали и последние школьные месяцы. Леонид и Людмила были неразлучны и только вместе появлялись на дискотеках, в кино, на катке. Все в школе знали, что незанятый Леонид Сугробин пренебрег «своими» и дружит с «чужой» девочкой. И девчонки махнули на него всем, чем могли. Он им стал неинтересен. И только Маринка ещё поглядывала на него укоризненно. Но он действительно был от неё совсем далеко.

Заканчивался для Сугробина и его сверстников десятый класс. Становились взрослее мальчишки, становились взрослее девочки. И чтобы им не думалось, что они дети, КПСС

подготовила им сюрприз. На XX партийном съезде, состоявшемся в феврале 1956 года, новый вождь Никита Хрущёв зачитал доклад «О культе личности И.В.Сталина». Это был удар по башкам не только детям. Удар был нанесён по государству, именуемому Советским Союзом. Удар был нанесён по всему мировому коммунистическому движению. По глупости это было сделано или сознательно, но была взорвана мина под фундаментом государства, которому не исполнилось ещё сорока лет, и которое завоевало огромную привлекательность людей всей земли за объявление всемирного равенства и братства и воплотившее слова в дело. Скорее всего, по обеим причинам. Сознательно по жажде мести и желанию как можно скорее обесценить дела прошедшие и чернить их во имя самовосхваления дел свершаемых. А глупость заключалась в том, что сам Никита Сергеевич был самым активным участником в репрессиях в Москве и на Украине, как было установлено и обнародовано позднее.

«...Широка страна моя родная. Много в ней полей, лесов и рек. Я другой такой не знаю, где так вольно дышит человек...»

«...Нас вырастил Сталин на верность народу, на труд и на подвиги нас вдохновил...»

«...Сталин наша слава боевая, Сталин нашей юности полёт! С песнями борясь и побеждая, наш народ за Сталиным идёт!...»

«...Артиллеристы, Сталин дал приказ...»

«...Когда нас в бой пошлёт товарищ Сталин...»

Непросто было десятиклассникам, возвращённым в абсолютной вере в непогрешимость вождя и партии, воспринимать зазеркалье.

– Вот и Великий Сталин стал невеликим, – хмыкнул Иван Макарович, складывая «Известия». – Был царь. Помер, уже не царь.

– А что, пап, – встрял, поедавший картошку со шкварками, Лёнька, – а, правда, что Сталин репрессировал ни в чём не виноватых?

– Сталин?! Сталин далеко... Репрессировали вот они все, что рядом всякого живут. Доносы писали. А у НКВД приказ был – врагов выявлять. Вот и выявляли всех, чтоб не ошибиться. Твоего дядю Назара, Колькиного отца, тоже арестовывали по доносу. А он кузнецом в депо работал. Также как и сейчас работает. Осудили и на Колыму. Я два раза в Москву ездил, к Калинин. С Калининым встретиться не пришлось, но в приёмной председателя Верховного Совета разговаривал с какими-то шишками. Не одну бумагу написал и прошения, что не враг он, а трудовой человек. Вернули мужика через полгода... А то бы, конечно, мог и не вернуться...

Иван Макарович задумался и замолчал. Лёнька первый раз услышал эту историю и тоже задумался.

Как воспринимали действительность другие взрослые, Леонид Иванович окончательно понял спустя четыре де-

сятка лет, когда великое государство с лучшим социальным устройством было повержено и разрушено внешними и внутренними врагами, которых Сталин не уничтожил. И даже не отстранил от власти. И вылезли они из всех обличий и ощерились на трудовой народ. И вместо гордого и объединяющего слова «товарищ», вернулись непонятные слова, разделяющие граждан на «господ» и прочих, господ обслуживающих. Но тогда, до этого позорного для партии XX съезда, где коммунисты согласились, что они дерьмо и выставили страну на позор всему миру, а себя как самообосранных и неспособных нести миру новое и светлое, Леонид и все его сверстники свято верили в незыблемость действий вождей и правительства. И готовы были отдать и силы, и жизни за великое дело борьбы во имя свободы, равенства и братства, веря в правду коммунистической идеи как в правду Спасителя.

Один из главных вдохновителей репрессий, новый вождь Никита Хрущёв возложил ответственность за репрессии на всех, кроме себя. И выплеснув помой на Сталина, руководствуясь чувствами, а не порядком, разрушил единство общества, победившего фашизм и настроенного на созидание. За несколько послевоенных лет страна была восстановлена от военной разрухи, был построен канал Волго – Дон, началось строительство каскада гидроэлектростанций на Волге. В противовес цитадели империализма США было создано ядерное оружие и мир защищён от уничтожения.

Велась огромная подготовительная работа к покорению космоса. Было очевидно, что несмотря на неисчислимые потери в войне, страна вышла из войны экономически и морально окрепшей, способной вершить мировые дела. И юное поколение с гордостью и полной уверенностью в правоте повторяло вслед школьным учебником, что СССР – первое государство трудового народа, в котором всё делается во имя трудового народа. Все победы страны пропаганда связывала с именем Сталина. И была права. Коммунистическая идеология под нажимом Хрущёва после съезда упрямо продвигала мысль, что для истории личность «НИЧТО», что историю творят массы. И противореча себе, начала возводить очередной культ уже для Хрущёва. Всё, что делается в угоду чему-либо, ошибочно. Роль личности чрезвычайно велика. Главное, что б личность была!

После «разоблачения» Сталина единство народа пошатнулось. Были выбиты угловые плиты из под фундамента. А страна превратилась в дискуссионный клуб. Дискуссии продолжаются и после её падения. В правильности идей социализма и народовластия Леонида Ивановича не поколебали ни годы, ни события, связанные с его падением. Будущее вернёт социализм. Время только укрепило Леонида в том, что гениальных личностей в мире появляется чрезвычайно мало и к власти приходят, в основном, совершенно заурядные люди, которые, если их не удерживать в рамках, могут навалить таких «дров», что придётся разгрести не одному

поколению. Что и случилось с великим Союзом. И был нанесён удар ниже пояса всему мировому коммунистическому движению, идеи которого, после победы над фашизмом, овладели миллиардами людей и трещали цитадели капитализма по швам. И поблёкшие было апологеты капитализма, издали животный вздох облегчения, получив неожиданный подарок от Хрущёва, пнувшего так Советский Союз, что кончина его пришлась на бытиё одного поколения.

Боль за Сталина после дурного съезда была совсем другой, чем при его смерти. «И мёртвые сраму не имут», – как говорили на Руси. Срам несут на себе люди живущие. И Леонид, и его друзья приняли этот срам на себя, хоть и не поняли, почему их старшие товарищи допустили удар по будущему, не создав ещё и настоящего. Но за державу становилось обидно. И это они понимали.

И пришёл май 1956 года. И зацвела сирень. И были выпускные экзамены на аттестат зрелости. Леонид со товарищи выпускался в большую жизнь. Перед «русским письменным» Люда подарила ему красную розу. «На удачу, – сказала она. – От «Красной розочки». Он отлично сдавал экзамены, и каждый вечер приносил Людмиле ветки белой сирени, которая пышно цвела в эту весну в палисаднике его дома. А когда сирень отцвела, распустились георгины. Цвели сады, цвела любовь и распускала шипы и прокалывала в кровь непреодолимая разлука. Все десятиклассники становились

абитуриентами и выходили в жизнь. А жизнь эта была вдали от тихого городка, и надо было его покидать.

Школьный бал гремел на всех трёх этажах. Работал буфет с вином и закусками. Леонид, Николай и Виктор сидели в буфете за столиком втроём, прощаясь. Все разъезжались в ближайшие дни. Старый поляк, Эдмунд Эдмундович, преподаватель немецкого языка, неизвестно как попавший в этот, затерянный в просторах России, городок, подсел к ним за столик и грустно спросил Леонида, почему он не подошёл к нему, чтобы вытянуть немецкий на отлично и получить медаль. «Характер упрямый», – улыбнулся Леонид. Тот понимающе кивнул, выпил с ребятами вина, расчувствовался. И путая польские, русские и немецкие слова пожелал всем успехов в большом пути. Все выпили ещё шампанского и ребята вышли. А старый учитель остался сидеть, задумавшись о чём-то своём и, наверное, далёком.

Леонид стоял у стены в актовом зале и смотрел на танцующих мальчиков и девочек, с которыми провёл в этой школе десять лет. Сегодня они последний раз все вместе и дружны, и приветливы друг к другу. А завтра их коллектива уже нет, и никогда не будет. У всех судьбы разные и хорошо, что завтра не будет войны.

– Лёнька, – тронул его подошедший Виктор. – Тебя Марина просила подойти.

– Ты же знаешь..., – потянул Леонид, намереваясь объяснить, что ему нечего сказать Марине, которая и так всё по-

нимает.

– Она просила, – вдруг резко повторил Витька, и Леонид снова вспомнил, что Виктор совсем равнодушен к ней, хоть и встречался с другой девушкой.

– То-то же, – буркнул Виктор, когда Леонид повернулся и направился к Марине. – И смотри у меня, если что, – бросил он уже вслед.

Леонид подошёл к Марине. Нарядная и красивая, она стояла у окна одна. Увидев подходящего Леонида, встрепенулась и испытующе взглянула.

– Вот и всё, Мариночка, – улыбнулся он, – окончилось наше детство и детские шалости.

– Ты уезжаешь, как я слышала.

– Да, через три дня.

– И надолго.

– Да.

– Жаль, что мы не стали близкими друзьями...

– Но мы друзья.

– Ты не сразу забудешь школу?

– Я никогда не забуду школу и своих друзей.

– Значит, ты будешь помнить и обо мне.

– Всегда.

– Потанцуй со мной.

Они закружились в вальсе. От дверей за ними наблюдал Виктор..

– Прости меня, Марина, я ухожу.

– Я знаю. Тебя ждёт твоя девушка. Я видела. И вспоминай обо мне, ладно.

Леонид подвёл её к Виталию.

– Развлеки девушку. А я должен... – и ушёл. Витька показал ему вслед кулак..

Лёньке было грустно уезжать.

«Цвели сады, туманы таяли,
Зарю вечернюю встречал рассвет.
Туманы таяли, а мне оставили
На сердце трещины в семнадцать лет».

Земля от Бреста до Урала была необозримым пространством для ограниченного в пространственном мышлении западного европейца. Для жителя Союза это расстояние не казалось большим. Два дня в поезде и ты на месте. И расстояния для Лёни и его друзей – абитуриентов из городка в центре страны не были препятствием. Севастополь, Калининград или Свердловск были также далеки и близки, как Москва или Ленинград. Леонид ехал в Ленинград вместе с Валькой Балыбердиным, парнем из параллельного класса, поступать в Арктическое училище на океанологическое отделение. Оба мечтали об океанах и желали быть красивыми перед своими девушками в морской форме. Леониду же вообще нужен был казённый кошт. Он видел, с каким невероятным напряжением обеспечивал Иван Макарович старшего сына, учившегося в гражданском ВУЗе в Ленин-

граде, пока Лёнька был школьником. И знал, что его учёба на гражданке ляжет на его, Лёнькины, мальчишеские плечи. И по всему ничего не препятствовало его намерениям. Отсутствие медали было только отсутствием его имени и фотографии в школьном музее, где все медалисты вписывались золотыми буквами. И выглядели на фотографиях отпрысками предков самых голубых кровей, а не рабоче-крестьянского происхождения.

Перед отъездом отец, Иван Макарович, зажёл свечку перед иконой Христа, висевшей в переднем углу дальней комнаты, и позвал маму Тину и Леонида —

– Пойдёмте, помолимся перед дорогой. Попросим у Бога помощи. – И опустился на колени, крестясь и шепча неслышимые слова молитвы. Лёнька и мать встали рядом с ним. Он уже давно, как стал пионером, не крестился на иконы, которые отец уберёт при разграблении церковей. Иконы были осквернены скребками по лицам богов и святых, но от этого глаза их смотрели на маленького Лёньку пронзительнее и ласковее одновременно. Лёнька склонил голову, перекрестился и прошептал как раньше, когда молился маленьким: «Да будет воля твоя...» Отец, крестясь, поднялся с колен, встали и мать с сыном.

– Вот что, Леонид, – сказал Иван Макарович, – впереди у тебя целая жизнь. Советская власть – она правильная по сути и я за неё воевал, но Бога она отняла у людей зря. Не надо было Бога отнимать. Он ведь никому не мешает, а помо-

гает. Только просить надо искренне и ждать помощи, не сомневаясь. Тебе и в партию должно быть придётся вступать. Делай всё как надо, но только Бога ни словами, ни мысленно не хули, не отказывайся прилюдно. Промолчи, когда другие говорят. И когда все оставят тебя, Бог не оставит, только обратись к нему. Он никого не оставляет, запомни это.

У вагона Юрий Коротков выводил на аккордеоне «Сиреневый туман», отражавший настроение абитуриентов уже целый год. Родители отъезжающих смотрели грустными глазами, друзья ободряюще кричали. Лёньке очень хотелось при всех поцеловать Людмилку, но как-то не получилось у него набраться храбрости. Колёса закрутились, и поезд улетел «в сиреневую даль».

Людмила Буянская стояла в кругу Лёнькиных друзей и их подруг, держась за руку своей неразлучной Валентины, вместе с которой она и познакомилась на киносеансе с Леонидом. Ей было обидно, что Леонид не поцеловал её и не показал их любовь всем открыто, а только подал руку, как и всем остальным. И укоряла себя, что сама не проявила смелости и не повесилась ему на шею. А теперь скрылся последний вагон и только Юркин аккордеон ещё напоминал трагическими нотами про «сиреневый туман» «А может через год, ты друга потеряешь...» назойливо вертелись в голове тоскливые слова песни. Вскоре группа молодых людей, провожавших Сугробина и Балыбердина, рассыпалась. Витька уезжал в своё лётное училище через неделю и одновременно помо-

гал своим родителям укладываться. Они надумали поменять и место и образ жизни и уезжали в далёкий южный город Фрунзе, стоявший на краю центральной Азии. Колька укладывал в конверт документы для отправки в институт; их девочки также строчили заявления. У всех, кроме Людмилы и Валентины, были серьёзные жизненно определяющие дела.

– Вот и всё! – сказала Людмила, когда они с Валентиной оказались одни.

– И ничего не всё, – ответила Валентина. – Всё только начинается. Будешь письма писать, письма ждать. У меня так и парень ещё не объявился, а у тебя такая любовь приключилась. Хоть замуж выходи, не закончив школу. Ты вчера как с ним попрощалась? Только целовалась как всегда или не выдержала?

– Ну, сказанула. Он мне поклоняется и...

– Поклонами любовь не сохранишь. И ни к чему они не обязывают.

– А, не болтай. Вот поступит в своё училище, да не забудет, тогда и решим... А пока я с мамой тоже уезжаю через неделю. Маме её знакомые купили путёвки на теплоход от Москвы до Астрахани и обратно и мы с ней едем путешествовать.

– Тогда сегодня на танцы! – сказала Валя. – Развеем сиреневый туман.

– Зайди за мной. Тебе по пути.

IV

Окружающий мир начинает познаваться человеком с момента его появления в этом мире и продолжается всю его жизнь, преобразаясь с течением времени. Мир познаётся человеком всеми его чувствами и великим подарком творца – разумом, используя который человек познаёт мир и силой своего воображения, аналитически проводя сравнения с прочитанным, услышанным, увиденным. Учителя и учебники обучают, книги рассказывают и призывают к размышлениям, кино показывает в натуре и в крутой фантазии. СМИ (пресса, радио и телевидение) рассказывают и показывают про все и про всех во всех уголках мира и образованный человек, знающий историю и географию, легко представляет события в исторической, географической, политической и климатической обстановке. Но увидеть самому, пощупать, попробовать – такое познание не может заменить всё остальное. Когда Леонид появился на свет, боги, жившие на Олимпе, покинули свою резиденцию и перестали заниматься людьми, сказав себе, что люди так поумнели, что возомнили себя выше богов. И потому появление Леонида никем не было замечено в небесных обителях, и никто там, наверху, не замолвил за него словечко. И на земле никто его не заметил, кроме неизвестного теперь священника, который окрестил его по православным канонам. Да и в семье

он был самым настоящим нежданчиком. К его появлению у отца Ивана Макаровича и мамы Тины было два сына и две дочери. Чего было ещё желать! Да и достаток в семье был на грани... Но Леонид появился, рос, несмотря на трудности в семье и в стране, и познавал мир лично сам и таким, каким он предстал перед ним в те дни в реальной политической и экономической обстановке.

Леонид начал познавать МИР в небольшом населённом пункте названным городом в 1943 году в самый разгар великой войны за свободу нашей Родины. Война началась в июне 1941-го, а Лёнька появился в марте 1939-го и помнить себя начал с 1942-го. С этого времени и началось познание.

Наша планета прекрасна! Это он осознал в первые годы своего сознания, когда начал посещать окружающие его городок леса, поля, речки.

В 1949 году десяти лет от роду он совершил с отцом большое путешествие по Волге. Сначала железной дорогой до реки Волги и далее по реке на пароходе. Отец с тремя такими же, как и он, мужиками поехал искать подряд на лето и почему-то взял Лёньку. Что его подвинуло? Десятилетний сын был ему обузой по всем направлениям. Но он его взял. Отцы! Берите своих сыновей в свои путешествия в отрочестве. И это будет вечной благодарной памятью ваших сыновей.

Мужики останавливались подряд во всех заметных местечках. И Лёнька впервые увидел большой мир и мир этот

оставил такие неизгладимые впечатления, что он и спустя десятилетия помнил многие мелкие подробности путешествия, а Волгу полюбил навсегда.

Дело в том, что перед войной Лёнькин отец Иван Макарович работал на железной дороге в службе вооружённых кондукторов – проводников грузовых эшелонов, потом в стройуправлении мастером. А с 1944-го, списанный начисто из армии по непригодности к воинской службе после ранений и болезней за время службы, он оказался инвалидом отечественной войны с копеечной пенсией и запрещением к работе на госпредприятиях. Законы были строгие, исполнение контролировали ещё строже. На постоянную работу не брали, частных предприятий не было. Единственная возможность – найти частный подряд на строительство дома или ещё чего. Вот и скитались по округам мужики группами и поодиночке, которые ещё могли, но которым не разрешали. А семья состояла из четырёх иждивенцев, как тогда это называли. Детей надо было как-то одевать, кормить, чтобы они учились и вырастали в достойных строителей будущего счастливого невообразимого коммунизма. Обучению детей родители отдавали если не всё, то многое и старались экономить на всём. Тогда брали небольшие деньги за обучение после 4-х классов, но дети инвалидов войны могли принести справки. И Лёнька помнил, было очень стыдно выглядеть необеспеченным и нести справку в канцелярию, которую отец просил передать вместо платы за обучение. И пом-

нил, как в младших классах в голодные годы им выдавали по кусочку хлеба в 50 граммов. Ему досталась горбушка, и он сломал «детский» зуб об эту горелую горбушку и плакал в уголке.

И вот собралась «дикая» бригада строителей на выездные заработки. А то, что отец взял маленького сына, просто означало, что он не очень верил в успех. Уже позже Лёнька придумал, что отец взял его из-за того, что семья не очень-то была довольна жизнью в местечке и постоянно шли разговоры о перемене места жительства. К примеру, в теперешнюю Калининградскую область, которую заселили, как обычно, наиболее уверенные в себе и предприимчивые люди на очень выгодных условиях. И младшенький должен был посмотреть другой мир...

И это было здорово! Кто тогда путешествовал?! Народ боролся за выживание, чтобы как-то прокормиться. Одежонку родители справляли своим чадам из одежды бабушек, дедушек, старших братьев и сестёр – перешивали, штопали, вязали из старого. Не один вечер Лёнька провёл с матерью, помогая ей создавать пряжу из старых вязаных жакетов, носков... Первый свой сшитый на фабрике костюм он получил в 14 лет, когда в комсомол принимали. Поэтому в путешествие Лёнька отправился в стоптанных ботинках, в каких-то шароварах и в непонятной курточке. За то на голове была бескозырка, фабричная, которой он очень гордился, и которой завидовал ипацаны на трёх улицах.

Прекрасна великая река Волга. Между берегом и дебаркадером несколько пацанов, Лёнькиных ровесников, передвигали вёслами лодки с места на место и забрасывали удочки, что вызывало острую зависть. Лёнька долго следил за ними, но добыча к ним не попадалась, и он немного успокоился. А потом подошёл пароход двухпалубный, огромный. Из трубы валил чёрный дым, а сзади над кормой висела большая лодка. «Спасательная», – сказал отец. Палубные матросы выдвинули на причал сходни. И огромная толпа из женщин, мужчин и детей с узлами, корзинами, чемоданами ринулась в узкий проход, толкая и давя друг друга. И протиснувшись на палубу, пассажиры бросилась бегом по шкафуту направо и налево занимать открытые места I У класса на юте и на баке. Места эти представляли длинные скамейки и предоставлялись пассажирам с самыми дешёвыми билетами без обозначения места. На этой же палубе было несколько мест III класса (назовём их плацкартами). На второй палубе располагались каюты I и II класса. Но туда пассажиры не торопились, шли достойно. С первой палубы на вторую никого не допускали...

Рейс парохода, на который садилась бригада, был до Астрахани. И потому медлительность была неуместна. Трое мужиков, оставив Лёньку с отцом в сторонке от толпы, ринулась вперёд и они уже «приземлились» на занятые места, чётко обозначенные их спутниками. Пароход густо задымил, загудел и отвалил от пристани. Мужички достали нехитрые

припасы, выпили водочки, закусили. Лёнке дали большую воблу и две баранки, показали, где найти питьевую воду и задремали.

Хорошо плыть на пароходе. В машинном отделении огромные открытые шатуны крутят огромный открытый коленчатый вал, шипит паровая машина, густой запах машинного масла висит в воздухе машинного отделения. Машинист с маслёнкой почти непрерывно ходит между огромными движущимися частями, подливая масло в подшипники. И как-то становилось боязно за него. И всё это для того, чтобы гребные колёса, надетые на концы коленчатого вала, крутились непрерывно и обеспечивали бег пароходу. Лёнка крутился по пароходу, залезал во все доступные углы, но не проходило и часа, чтобы он снова не приходил в машинное отделение подышать маслом и паром и побыть в небольшом ужасе за судьбу машиниста. И ещё была Волга. О ней не сказать лучше сказанного другими, но это было так восхитительно быть посреди неё, видеть жизнь береговых людей, что не раз мальчик обращался к отцу: «Давай уедем жить на Волгу. Куда угодно, лишь на Волгу». «Подумаем, сынок», – отвечал отец, поглаживая его по вихрастой голове. Леонид не забыл и никогда не забывает эту поездку по реке, такой русской, такой соответствующей русскому характеру, такой вдохновляющей и умиротворяющей уставшую душу. Было много встреч с Волгой. Иногда, часами просиживая у реки, Леонид Иванович ощущал, как живая вода

не только катится по руслу, а проходит и через него, давая новые силы для жизни и новый смысл в понимании её.

До окончания школы Лёнька дважды посетил областной центр. Сначала с экскурсионной группой школьников под руководством классной дамы после седьмого класса. В эту поездку он познакомился с музеями, цирком, планетарием, с центральной гостиницей, в которой группы с нескольких районов жили на шестом этаже в больших казарменных комнатах. И где у Лёньки спёрли, с оставленного на общей вешалке пиджака, значок «Авиамоделист СССР», о котором очень жалел, т.к. действительно занимался в школьном кружке и строил модели самолётов. И уже учась в десятом классе по приглашению старшей сестры, обосновавшись там с мужем, ездил к ним погостить. И тогда же состоялось его первое знакомство с оперным и драматическим театрами, которые оставили на впечатлительном паренёке глубокий интерес к театральному искусству.

Да и вообще за эти поездки он понял, что жизнь большого города значительно насыщеннее и темпераментнее жизни маленького поселения, несмотря на то, что жителей в нём до 30 тысяч и какая-то творческая струя в нём присутствовала. И решил для себя, что жизнь в затерянном в просторах России малом городе не для него.

С жизнью самой настоящей деревни 50—х годов XX века Леонид познакомился на длительных уборочных работах, когда школьников направляли под руководством классных

руководителей на три-четыре недели на постоянное место жительства в колхозы. Первый раз это было осенью, когда он учился в 7 классе, и большинству девочек и мальчиков не было и 14 лет. Школьники, человек сто, были отправлены в лесную деревню, где копали картошку, дёрпали лён, лопатили зерно в овинах, да делали всё, что могли сделать их руки. Жили ребята по крестьянским домам по пять – десять человек. Колхоз выдавал хозяйкам продукты, а те готовили нехитрую еду. Да хитрой еды у большинства и дома не было. Электричество до деревни ещё не дошло. Было радио и в некоторых домах патефоны да балалайки. А было весело, и ни кто не обижался за принудительные работы. Так было принято. Нужна была помощь – школьники и помогали. И так было каждую осень до окончания школы.

Леонид много читал. Чтение было достаточно беспорядочно, но книги были прочитаны и с годами он, уже Леонид Иванович, стал твёрдо согласен с Максимом Горьким, что «чтение есть лучшее учение».

И вся Лёнькина жизнь до получения аттестата зрелости, дала ему основательные познания мира и подготовила его к выходу в большую жизнь с уверенностью в победе.

Так закончилось Лёнькино детство. Ему было хорошо в его детстве. Оно было свободно от опеки и не давило на психику. Всегда всё было можно, кроме воровства и злого хулиганства. И когда детство кончилось, грустно не было. Было чуть тревожно и одновременно просто здорово.

во: впереди ждала большая жизнь с победами и достижениями. И с ним оставалась его большая любовь в нерушимость которой он верил безгранично. И сейчас поезд мчал его с Валентином по незнакомой, но родной и близкой ему равнине его страны туда, где он собирался ещё глубже познать мир и получить знания, с которыми он встанет в строй миллионов строителей нового мира.

В США в это время всходила звезда короля рок энд ролла Элвиса Пресли. Человека, который своей музыкой сдвинул мир неторопливой жизни в водоворот бешеных ритмов и скоростей во всём.

V

Прошла жаркая страда медицинских и мандатных комиссий, приёмных экзаменов, предучебных подготовительных лагерей. Леонид Сугробин и Валентин Балыбердин успешно преодолели все выставляемые перед претендентами преграды и стали курсантами, обучающиеся по специальности судовых механиков. От отделения океанологов Леонид отказался после беседы со старшекурсником. Тот с долей издёвки сказал, что «в океанологи идут глупые романтики из мест непуганных дураков, думая по окончании изучать океаны на коралловых рифах. А на самом деле будут сидеть в каком-нибудь Тикси или Анадыре, разливать приборную пену в бутылки и тоскливо смотреть вслед последнему ушедшему пароходу». По окончании им обещался диплом о высшем образовании с квалификацией инженера-механика и направление на флот. Отдав все запасы энергии и нервов, они в лагерях морально отдыхали, и казённый быт их не пригибал. Они желали быть моряками, и их всё устраивало, если и не нравилось. Да и росли и воспитывались они не в инкубаторе. Особенно расслабился Валька, который за сочинение и немецкий получил по четыре балла, и кидался на стенки целых три дня, пока считали все баллы и проверяли характеристики. И выкипел всеми оставшимися у него нервишками. Лёнька старался поддерживать его психику.

Из лагерей Леонид отправил Ивану Макаровичу и Людмиле первые письма с бравыми фотографиями самого себя в форме и бескозырке. В письме шутливо посоветовал Людмиле готовиться стать женой моряка и начинать учиться ждать. Раньше он не писал, зная о её намерениях путешествовать по Волге и куда-то ещё. А ждать было непросто. Это он прочувствовал за прошедшие два месяца в оторванности от всего родного и близкого. И только новизна обстановки, событий и предвкушение очередного познания мира на более высшем этапе размывало его тоску.

Детское познание мира у Леонида было безмятежным и счастливым. Он принимал жизнь и политическое устройство своей страны единственно правильным. И отчаянно спорил с отцом, который прошел первую мировую, гражданскую и частично отечественную войны и прожил свои годы при разных властях. В конце концов споры закончились тем, что отец перестал его наставлять, сказав, что никто не желает учиться на чужих ошибках и наставляет себе шишки сам.

И вот Леонид курсант и сидит первого сентября на первой лекции и старательно, пытаясь писать разборчиво, слушает вступительные слова профессора о необходимости хорошего знания высшей математики для каждого инженера. И о том, что никто за ними ходить и няньчить не будет и курсанты должны максимально быть самостоятельными в учёбе.

Иван Макарович увидел из окна, что прошёл мимо до-

ма почтальон и вышел к калитке, где висел почтовый ящик. Вместе и «Известиями» в ящике белел конверт. «Может Лёнька, наконец – то, объявился». От него была только одна открытка с сообщением, что прибыл на место. Письмо было от младшего. Иван Макарович неторопливо вернулся к дому и присел на крылечко. Открыл аккуратно конверт и вынул сложенный вчетверо лист, исписанный с обеих сторон ровным мелким почерком. Из листка выпала фотография. Иван Макарович поднял её и поднёс поближе к глазам. Без очков он уже плоховато видел. На него смотрел Лёнька в бескозырке и матроске, совсем мальчишка, но очень серьёзный. «Повзрослел», – отметил про себя Иван Макарович и подумал: «Наверное чего-то понял за два месяца самостоятельной жизни.»

– Тина, – позвал он жену, крикнув во весь голос.

– Что тебе, – вышла на крылечко Лёнькина мать.

– Вот, смотри, – протянул он ей фотографию.

– Лёнька?! – обрадованно взяла она в руки фотографию и всхлипнула.

– Ладно, ладно, – сказал Иван Макарович. – Радоваться надо. И нежданчик наш на прямую дорогу в большую жизнь вышел. И нас, стариков, от забот освободил.

Мама Тина смотрела на фотографию. «Мал ведь ещё, а уже как военный», – думала она, и слезинка выкатилась из глаз.

– Ладно, – поднялся Иван Макарович. – Пойдём в дом,

будем письмо читать.

Учился Леонид старательно, так как твердо решил стать хорошим инженером и быть годным не только на корабле, но и в любых других местах, и в науке тоже. Но при этом так же старательно начал заниматься самообразованием по всем направлениям, отчётливо понимая свою неподготовленность в области искусства, литературы, истории, спорта. Во всём том, что делает человека действительно образованным. В увольнительные дни начал посещать музеи, театры по составленному списку. Особенное внимание сосредоточил на музыкальных театрах: Кировском (Мариинка) и музкомедии. Он понимал, что на выполнение программы по его списку уйдут годы, но не отчаивался и не отвлекался на безудержные забавы. Он прослушивал и просматривал весь репертуар, классические оперы и балеты, стараясь вникнуть в мелодии не только целого оркестра, но и отдельных инструментов, сравнивал исполнение разных артистов в одинаковых партиях и начал понимать некоторые тонкости. В Ленинграде можно было получить знания без специальных школ – было бы желание. Ленинградские музеи были для Леонида источником самых разнообразных знаний и очень часто, увидев необычное, начинал искать книги для углублённого познания. Для целостности начал посещать духовой оркестр училища, где обучался игре на трубе и выучил все гаммы, но в оркестр не сел – решил, что музыканта из него не получится. Продолжал много читать. В чи-

тальном зале по вечерам задерживался до отбоя, просматривая и прочитывая толстые журналы, начиная с «Иностранной литературы» и «Юности», и новые романы иностранные и отечественные. Была, показавшаяся наивным и доверчивым гражданам свободной по началу, хрущёвская пора правления. И на травлю песни «Мишка», родившуюся в Ленинграде, («Мишка, Мишка, где твоя улыбка...») в 1956 году комсомольские вожди только ещё прицеливались. А журналы и «Литературка» печатали Евтушенко, Рождественского, Вознесенского, Василия Аксёнова, Юлиана Семёнова, Хэмингуэя, Ремарка и др. Многие курсанты из глубинки, с которыми Леонид сблизился, самообразовывались также. С Анатолием Клещёвым, приехавшим с Урала, они подружились как родственные души. Россия, конечно, великая морская держава, если ребята из глубин огромного материка, никогда не слышавшие шума моря, грезят о море и стремятся стать моряками. Анатолий писал стихи и, зазвав Лёньку в уголок, доставал тетрадку и просил послушать. Леонид стеснялся и долго не говорил, что и у него кое-что написано. Но как-то упрекнув Анатолия в подражательстве, прочитал восемь строчек своего сочинения на эту же тему. Анатолий оценил упрёк и качество Лёнькиных строчек. От этого их дружба окрепла и они, не жмурясь, говорили друг другу о недостатках своих стихов. Балыбердин стихов не писал, и увольнительные дни проводил в компании девушек, с которыми подружился.

Напряжённая работа над собой не была бездумной тратой времени. Леонид физически ощущал свой интеллектуальный рост. А когда весной ещё на первом курсе выучил наизусть поэму Есенина «Анна Снегина» и прочитал как-то вечером в большой комнате, где собралось человек тридцать ребят, часть из них его определённо зауважала. И со всеми своими делами и мыслями он делился с Людмилкой. Письма середины двадцатого века в Советском Союзе были единственным доступным средством общения. И в них можно было выразить намного больше и лучше, чем по заменившему их в конце века массовому телефону и интернету. Только общение через письма было медлительным, не соответствующим времени.

Людмила Буянская, ученица 10—го класса, сидела на четвёртой парте по отсчёту от доски у окна. Рядом сидела неразлучная подруга всех школьных дней Валя. Шёл урок истории и преподавательница Мария Васильевна что-то рассказывала о создании СССР, поминутно заглядывая в свою тетрадку, и просила записывать отдельные места. «Прошу записать, – говорила она, несколько смущаясь, – в наших учебниках написано не так, как было». Видно было, что её не радовало исправление написанного в учебнике, и возможно она была не согласна с тем, что говорила. Но на педсовете завуч и она же парторг сказала, что свои мнения надо оставить при себе и трактовать историю так, как указал XX съезд и рай-

ком. А это означало, что Сталин, руководя партией и страной во время строительства социализма, вовсе и не участвовал в этом строительстве, а если иногда и ввязывался, то только всё портил. А работала партия и на всех участках лично Никита Сергеевич Хрущёв. Людмиле надоело записывать, и она стала править учебник, заменяя в нём фамилию «Сталин» на «Хрущёв».

– Ты чего делаешь? – толкнула её Валя. – Хочешь, чтобы характеристику испортили.

– А что, разве я не права?

– Знать ничего не хочу, только прекрати.

– Ладно. Пусть, по-твоему, будет, – скучно протянула Людмила и закрыла учебник. Из книги выскользнул краешек конверта. Людмила взяла конверт и вынула из него фотографию Леонида в бескозырке.

– Что, не налюбуйешься? – спросила Валентина

– Да, такие вот дела. Вчера был ещё совсем мальчишечка, а сегодня пишет, чтоб готовилась стать женой моряка.

– Так это же здорово.

– Чего уж там. Кончила школу, вышла замуж за моряка, народила детей, состарилась, моряка поджидаячи, и

– И разве плохо?

– Не знаю. Но я хочу быть сама собой и что-то значить больше, чем быть женой моряка и матерью его детей.

– Но так уж всё устроено, что назначение женщины – это

быть матерью и лишь потом министром культуры.¹⁶

– Я подумаю, – ответила Людмила и добавила, – И к тому же этот морячок мне определённо нравится, и я по нему скучаю.

Урок продолжался. За окном сыпанул дождь, но быстро иссяк. А вслед за пропавшими струйками посыпались густые крупные снежинки и напомнили, что скоро будет зима. Было грустно, что лето прошло. Людмиле вспомнился теплоход, плывущий по ночной Волге, безбрежно раскинувшейся Рыбинским водохранилищем, и она сама на верхней палубе, на корме в плетёном кресле. И перед ней припавший на одно колено элегантный студент – третьекурсник. Он и его два товарища отправились познавать мир и предпочли его познавать с удобствами с борта теплохода, защищаясь от солнца затемнёнными очками. А не залитыми потом глазами, наклонёнными вниз вместе с головой рюкзаком, убивающим мысли и чувства. Они зацепили её в первый же день плавания. Она с мамой прогуливалась по палубе. А когда мама отошла в каюту, добрые молодцы окликнули её —

– Девушка, остановитесь!

И когда она остановилась на оклик и посмотрела в их сторону, тот, которого называли Славиком, продолжил —

– Вы нам любезно не сообщите – не нужен ли Вашей маме -зять!?

¹⁶ Единственная женщина в правительствах СССР – министр культуры Фурцева Е. А.

– Я маму спрашивала неделю назад, когда уезжал мой друг, и она сказала, что не надо, – ответила она и улыбнулась. Все трое были что надо.

Людмиле ещё не приходилось общаться с совсем незнакомыми ребятами, и всё-то ей было в диковинку. Студенты были тактичны, образованы, умны. Улыбки не исчезали с их лиц. И громкие шутки над собой, и негромкие над окружающими, сыпались непрерывно. А на вечерних танцах под корабельную трансляцию, где каждой пятой мелодией был рванувший по весям страны ленинградский «Мишка». Все трое танцевали с ней строго по очереди. И уже со следующего дня она откололась от мамы и проводила время в кругу новых друзей. Она была так юна и прелестна, так ничем не испорчена и излучала такую массу положительной энергии, что покоряла всех, кто попадал в зону её ауры. Наташку Ростову Лев Толстой долго обучал и воспитывал, прежде чем выпустил на первый бал и ещё Петю Безухова дал ей в помощники. А мою Людмилку я, как автор, никак не готовил. Познакомил совсем неромантически с одноклассником, научил целоваться с ним и тут же отнял его у неё. Как же у нас в жизни всё так неаккуратно: расставания, долгие разлуки, неопределённость. Славик, один из тройки друзей, старался больше всех произвести впечатление и определённо добился внимания. В её голубых глазах теплоты становилось больше, когда они обращались на него. Путешествие подтвердило учебник географии, что Волга впадает в Каспийское море. А внимание

взрослых ребят утвердило Людмилу, что она совсем не ребёнок, что она взрослая хорошенькая девушка, которая нравится мужчинам и привлекает их. Она была радостна, ровна со всеми троими и не думала влюбляться. Жаркие прощальные поцелуи ещё горели на её губках. Но пятнадцать дней плавания, пятнадцать дней самого искреннего внимания и полушутки о вечной дружбе и любви навсегда не могли не волновать её юное романтическое сердце. Славик вообще готов был объявить её своей девушкой. И сейчас, когда до Москвы оставалась последняя ночь и ещё немного, Славик стоял перед ней склонившись на колени, целовал ей руки, обнимал её руками свою голову и жарко убеждал поверить ему.

– Через год, – говорил он, – ты закончишь школу, а я перейду на пятый курс. И ты приедешь в Москву и поступишь. У меня отец профессор, поможет. А потом я получу диплом и мы будем вместе... И поднявшись с колена, он подхватил девчонку на руки и закружил, повторяя, – вместе, вместе... Потом поставил на палубу и поцеловал умело и крепко.

– Задушишь, – оттолкнулась Людмила. – И как у тебя это ловко получается. Большой опыт.

– Вот и отлично, – улыбнулся Славик. – Ревность и упрёки – половина семейной жизни. Мы ходим рано утром, у нас дело в подмосковье. Вот тебе адрес (он протянул конверт) и я не прощаюсь навсегда. Если ответишь, я найду твой городок без компаса.

– Славик! Вещи уже на палубе, – окликнули его вышедшие из каюты друзья.

– Бегу.

Славик поцеловал ошеломлённую Людмилу в раскрытые губы и быстро пошёл по шкафуту.

Что-то просила записать Мария Васильевна. Падал крупный снег за окном на мокрую землю. Людмила смотрела на строгое лицо Леонида на фотографии и вспомнила его побледневшим, когда он последний раз махнул рукой и шагнул в вагон.

– Ну, я даю! – подумала она. – Смотрю на своего парня, а думаю о другом. Надо ответить на письмо. Но напишу и Славику записочку. Пусть помнит, что хорошенькие девушки не только в Москве.

1956 год был знаковым для Леонида Сугробина, для страны и мира. Лёнька встретил «любовь», окончил школу и поступил на учёбу по желанию. У КПСС состоялся XX съезд, разделивший страну и всё коммунистическое движение в мире на верующих и неверующих. Осенью 1956г Англия и Франция, не выдержав прокоммунистической политики освободившегося от колониальной зависимости Египта и национализации Суэцкого канала, ударили по нему соединёнными силами, Захватили и разрушили Порт-Саид и ещё немало набедокурили. Вступление в войну СССР было делом почти решённым. И только это заставило агрес-

соров вернуться к своим берегам и смириться с независимостью выбора Египтом своего пути. Почти одновременно с этими событиями взбунтовалась против коммунистического правления Социалистическая Венгрия, определённо вдохновлённая XX съездом. Точная хроника событий и их частности только в архивах КГБ. Но Сугробину удалось при посещении дружеского дома покрутить ручку приёмника. И он наткнулся на станцию, передававшую информацию для провинциальной прессы. Раздельно и замедленно, с повторением диктор передавал: «...коммунистов вешают на фонарях...» События не проходили мимо курсантов и обсуждались на политзанятиях под руководством наставников и в кубриках самостоятельно. Курсант Сугробин заявил в кругу «своих», «что любая попытка изменить существующий строй приносит неисчислимые страдания всем гражданам страны». После разгрома восстания сотни тысяч венгров рассеялись по миру. Восстание было подавлено группой советских войск по приказу министра обороны Г. К. Жукова, который сначала приказал, и только после довёл приказ до сведения генсека Н.С.Хрущёва. Никита обеспокоенно почесал лысину: «Как же так!? Без разрешения моего его слушаются войска. Так он и на меня может двинуть их при случае!» И в следующем 1957 году, подготовив к возможным событиям своих ставленников на местах и, воспользовавшись визитом Г.К.Жукова в Югославию, он наплел на него три короба небылиц и вернулся Жуков из Югославии уже

не министром обороны, а простым отставником. В этом же году (1957) открыто выступили против Хрущёва оставшиеся в политбюро соратники Сталина Молотов В. М., Маленков Г. М., Каганович Л. М. и, примкнувший к ним, Шепилов. Они предъявили ему претензии в подрыве основ социализма в стране и в мире, и в необоснованных ничем хозяйственным реформам, ведущим к продовольственной зависимости от запада. Но опытные политбойцы не учли, что сталинских руководителей обкомов, членов ЦК, Хрущёв успел поменять на своих назначенцев, чем-либо обиженных кормчим, и проиграли. Были обозваны антипартийной группой, сняты с постов и рассеяны. Вслед за ними судьба отставника ждала и Булганина, назначенного премьером при отставке Маленкова. И, таким образом, Н.С.Хрущёв убрал Молотова, Маленкова, Кагановича, Шепилова, а теперь и Жукова, которые помогли ему в ликвидации Л.П.Берия. И продолжив обвинять во всех жизненных и смертных грехах И.В.Сталина, расчистил себе дорогу к единоличной власти, прикрываясь тезисом о «Ленинском ЦК». А после отставки Булганина взял себе должность премьера.

Одновременно для набора имиджа политкорректности и демократа, Хрущёв согласился провести в СССР, в Москве Всемирный фестиваль молодёжи и студентов, который и прошёл в июле-августе 1957г. Но увидев неистовый восторг советской молодёжи от свободного контакта с иностранцами, желания поддерживать завязавшуюся дружбу навсе-

гда и появившимися надеждами получить свободный выход за рубеж, Хрущёв осознал опасность продолжения борьбы за преодоление последствий культа личности в области свободы личности. И сразу же после фестиваля спустил с цепи всех партийно – комсомольских ретроградов и весь политический пропагандистский аппарат на борьбу с тлетворным влиянием Запада на «несознательную» часть молодёжи. Надо сказать, наиболее образованную и продвинутую часть. До этого, непонятную идеологам и непохожую по одежде на уставного комсомольца молодёжь, только укоряли за непохожесть на их отцов и матерей, «выстоявших и победивших...» Всю лохматую молодёжь обозначили «стилягами». «Великий» демократ, отец «оттепели», реабилитатор им самим же репрессированных людей, Хрущёв до конца своего пребывания у власти давил свободную и независимую молодёжь, из которой выросли все следующие диссиденты и организованные противники режима.

Курсанты первого года обучения Сугробин, Балыбердин и Клещёв стояли у памятнику Петру 1 и фотографировались парами и поодиночке. Была середина октября и ярко светило солнце. Курсанты были в бушлатах и бескозырках.

– Надо бы втроём сняться, – сказал Клещёв, держа фотоаппарат в руках, и оглянулся по сторонам. Сзади по дорожке проходили две очень модные девушки. Контрастные брюнетка и блондинка в ботиночках на пятисантиметровой подош-

ве и в распахнутых, зауженных к коленям пальто. У блондинки тёмно зелёное, как листва у старого дуба, у брюнетки ярко светло зелёное, как у первых ростков салата, освещённого утренним солнцем. Длинные волосы крупными завитками рассыпались по плечам. Короткие юбочки с разрезом по линии правой ноги и малиновые жакеты открывались через распахнутые пальто.

– Снимите нас, пожалуйста, – обратился Анатоль к девушкам. несколько неуверенно.

– Только за поцелуй, – рассмеялась блондинка, уловив нерешительность в просьбе.

– Я согласен, но сам я, не целованный и не знаю, как это делать, – не растерялся Анатоль. Сугробин и Балыбердин выжидательно молчали.

– А вот так, – сказала блондинка и, пригнув голову Клещёва, поцеловала его. – А теперь давай аппарат и к друзьям. Клещёв радостно присоединился к товарищам. Щёлкнул затвор. – Держи аппарат, моряк. Телефон не даю. Гуляйте по Невскому, увидимся.

Девчонки ушли, шурша платформами по жёлтым листьям. Анатоль вынул сигареты и закурил. Друзья у него были некурящими.

– И чего на них карикатуры рисуют, – сказал долго молчавший Валентин. – Смотрели вчера «Крокодил»! Нормальные девчонки, сами красивые и одеты красиво, смотреть на них приятно. И ребята красивую одежду надели. А мы

в школе все подряд – на голове чёлки и кепки до глаз, брюки – клёши сорок сантиметров и ковбойки. Толь кандидаты в урки, толь в бригадмилыцы. Я честно говорю, если бы был студентом, оделся также как и они.

Ладно! – сказал Сугробин и взял под руку Валентина. – Коль мы не студенты, а моряки, то нам про моду думать нечего – она у нас непреходящая и настоящая. А по Невскому прошвырнуться надо непременно. Себя показывать надо регулярно и тогда нас узнавать будут и разноцветные девчонки, и ребята при них. А танцевать «Буги-вуги» мы выучимся.

Молодые люди вышли на Невский проспект. «Невская перспектива», как определял её основатель города, хитро назвавший город именем святого Петра, придерживая в уме, что он тоже носит имя Пётр и возможно, что его причислят к лику святых. Причислили же к лику святых Николая П, кровавого.

– Я считаю, что Петроград не надо было переименовывать в Ленинград. Да и любым другим именем тоже не называть. Пётр отвоевал территорию, основал и построил город. Конечно, новый строй, новые ценности. Но историю новыми учебниками не изменишь. Я понимаю, что Пётр I строил Россию европейскую из России татаро-монгольской так же, как Сталин из Российской империи строил социализм. Только об этом забыли и сейчас Пётр хороший, а Сталин очень плохой. Понимаю, что Ленин достоин самых высоких столпов для увековечения как вдохновитель создания самого

справедливого строя и государства. Почему бы СССР ни назвать Союзом Ленинских Социалистических Республик. А?! – сказал, скорее, спросил Сугробин, оглядывая приятелей

– Сказанул! – ответил Балыбердин. – Ты ещё на политчаше высунься со своими идеями

– И покинешь город Ленина как персана нон грата, – хмыкнул в продолжение Анатолий. – И с ленинградскими девушками буги-вуги не станцуешь. Посмотри на них, Лёнчик, пока доступно.

– А твой Молотов обязательно переименуют обратно в Пермь, и будешь ты пермяк – солёные уши, – огрызнулся Сугробин.

На календарях была осень, а на ленинградских улицах царил весна. Молодые люди вышли в зиму без традиционных головных уборов, заменив их на длинные причёски с высоким зачёсом («коком») спереди. Брюки «дудочкой», обувь на толстой подошве («платформа»), яркие галстуки и длинные разноцветные пиджаки, широкие в плечах. Узкие к коленям пальто без меховых воротников дополнили моду, влетевшую в союз без разрешения на то властей. Молодые женщины также встали на платформу, надели крутые сужавшиеся к коленям юбочки с разрезом вдоль всего бедра, такие же пальто и завели, невиданные в чёрно-белом Советском Союзе, причёски. Невский проспект расцвётился всеми цветами и оттенками радуги. И глубокий провинциал

Леонид Сугробин только ёкал внутренним голосом и молчаливо вздыхал, понимая, какую долгую полосу необходимого самообразования ему надо преодолеть в дополнение к профессиональному, чтобы также легко и непринуждённо шагать по Невскому с Людмилой.

Одежда и причёски у молодых людей определяли только внешнюю принадлежность или просто поддержку необычного явления в стране. Ленинский ЦК во главе с верным ленинцем Хрущёвым нутром почувствовал угрозу своему безраздельному влиянию на души молодого поколения, разбуженного развенчанием авторитета Сталина и, естественно, возникновением больших сомнений в непререкаемой правильности решений партии. И так названные стилиаги, кроме небольшой части глупых юнцов, совершенно не были бездуховными подражателями запада, а были образованными и наиболее самостоятельными личностями среди молодёжи, которые выражали протест полуказарменной демократии и лицемерию лозунгов, находящихся в противоречии с действительностью. Они, оттянувшись на вечеринках бесшабашными буги-вуги и рокком, пели в общагах и на квартирах задушевные «Подмосковные вечера», получая от этого не меньшее удовольствие. Они любили солдата Бровкина и Лолиту Торрез, смотрели не по одному разу «Карнавальную ночь» и до хрипоты спорили о событиях в мире и на своей Родине. Новое поколение чувствовало свою ответственность за судьбу страны. Хрущёву, несомненно, хотелось бы

закрывать и запрягать выпущенную правду и клевету на дела партии, но слово было сказано, джинн вылетел из бутылки. И Хрущёв вместо того, что бы где надо посмеяться над модниками, а где надо построгать по отечески за пустозвонство, по отсутствию ума принял для наведения порядка на вооружение травлю, унижительные наказания и прочие меры, которые нигде и никогда не побеждали.. А сам вызвал на себя шквал анекдотов. Бедные стилиаги. На них обрушился самый могучий пропагандистский аппарат в мире. Вся пресса страны от центральных партийных изданий до многотиражек и листовок – молний ежедневно начала опрокидывать на стилиаг кучи мусора и грязи, сочиняя и придумывая самые нелепые невероятности, лишь бы выставиться впереди себе подобных. Очень досталось милой непритязательной ни на что песне «Мишка...»¹⁷

Песня в рупорах пропаганды стала символом бездуховности, примитивности и противоборства стилиаг своему госу-

¹⁷ Автор привёл текст песни, чтобы показать полную абсурдность преследования самой песни и её поклонников: «Ты весь день сегодня ходишь дутый. Даже глаз не хочешь поднимать. Мишка, в эти грустные минуты, как тебе мне хочется сказать. Мишка, Мишка! где твоя улыбка? Полная задора и огня. Самая нелепая ошибка- то, что ты уходишь от меня. Город спит под крышей ночи белой. От обиды сердце успокой. Ну скажи мне, что с тобою делать, Если ты злопамятный такой. Мишка, Мишка! Ты вернёшься, Мишка!/? Позабудешь ты о шутке злой. Снова улыбнёшься как мальчишка, Ласковый, хороший и родной. Я с тобой неловко пошутила. Не сердись любимый мой малюк. Ну не надо, слышишь Мишка, милый. Я тебя по-прежнему люблю. Мишка, Мишка! Где твоя улыбка...

дарству, преклонения перед западом.¹⁸

На предприятиях и учебных заведениях образовали миллионы комсомольско-молодёжных бригад, которые стали контролировать улицы и общественные места и отлавливать и наказывать стиляг. Наказания доходили до дикостей – стригли наголо даже женщин и некоторые из остриженных кончали с жизнью. Настойчивых и упрямых исключали из комсомола, институтов и техникумов. Милиция придиралась к любому сопротивлению, а суды осуждали на пятнадцать суток и более. И тот период, который впоследствии западники, а вслед за ними и доморощенные прозападные «демократы» назвали «хрущёвской оттепелью», в благодарность за то, что тот облажал Сталина и подал всем врагам Союза ССР надежду на разрушение страны, превратился в «хрущёвскую слякоть» и закончился с окончанием фестиваля студентов и молодёжи. А последний аккорд этой «оттепели» был позорнейшим фарсом Хрущёва, лично призвавшего к общественному осуждению Бориса Пастернака после присуждения тому Нобелевской премии за роман «Доктор Живаго» (1958г.) Готовый на всё ради регулярной подкорм-

¹⁸ Если бы в это время заводы грампластинок выпустили пластинку с «Мишкой» тиражом в сто миллионов, она бы разошлась мгновенно и государство заработало бы миллиарды, а авторы бы стали первыми советскими легальными миллионерами. А так хорошо заработали подпольные изготовители гибких пластинок (на отснятых рентгеновских плёнках с костями), которые шли по всему Союзу по червонцу за штуку. Курс был 4 рубля за 1 доллар) Автор купил себе такую пластинку и долго хранил, пока она не исчезла. (Размышления автора ()

ки, государственный союз писателей единогласно исключил из своего достаточно растратного для госбюджета «союза», лучшего своего представителя.

Стиляг драла ещё несколько лет, подбадривавшая саму себя, пресса и «общественность». Сколько было израсходовано сил и средств. Но непобедимое победить нельзя. В 1957 году поддал жару идеологическим держимордам фестиваль молодёжи и студентов в Москве. На фестивале советская молодёжь воочию увидела десятки тысяч молодых людей, возвращённых в разных условиях. Все они с удовольствием танцевали рок-энд-ролл, и никто в их странах за это не притеснял и не унижал. Наши женщины настолько ошалели от невиданных молодых людей, что в Москве через девять месяцев после фестиваля в массовом порядке воистину появились «дети разных народов». И за эти несколько лет, абсолютно, мышиной возни, вылившейся в безнадёжную борьбу против волеизъявления молодёжи, под моду стиляг подстроилась вся комсомольская и беспартийная молодёжь, и все гонения сами собой закончились. А вскоре самые близкие «товарищи» Хрущёва сместили его за никчёмность. Они не стали его наказывать за подрыв страны и просто отпустили на пенсию. И остался он в народной истории просто как «Никита – кукурузник».

На вечеринках танцевали «Буги – вуги» и «Рокк энд ролл». Строгий режим училища не позволял курсантам гражданских вольностей. Училище уберегло Леонида от сти-

ляжных выходов и порчи политической биографии. Как и все курсанты, он был активным комсомольцем, изучал курс истории партии, Всё приходит и всё проходит.

Леонид с Валентином, гуляя по Невскому, только любовались новомодными женщинами и слегка завидовали молодым людям, с которыми эти женщины прогуливались. Большой зависти у Леонида не было. Ленинградские девушки не обходили вниманием курсантов в морской форме. Но он учился и образовывался для своей девушки, которая, пусть не очень регулярно, писала ему нежные письма. Он же, заполненный ею до корешков волос, делился с ней всеми новостями своей жизни и с нетерпением ждал зимнего отпуска.

В январе 1957г. исполнилось сто двадцать лет со дня смерти А.С.Пушкина. День памяти Пушкина Сугробин и Клещёв отметили посещением места дуэли на Чёрной речке. Была горячая пора первой сессии, но Сугробин заявил Клещёву в ответ на его кислую физиономию, что «поэтом может он не быть, а гражданином быть обязан»¹⁹. Посещение места, где пролилась «поэта праведная кровь»²⁰, настроила ребят на минорный лад.

– Жаль, что он умер так рано. И зачем подставился под пулю!?! – сказал Клещёв после долгого молчания обоих, пока они шли к остановке автобуса.

¹⁹ А.С.Пушкин Стих. «Разговор книгопродавца с поэтом»

²⁰ МЮ. Лермонтов Стих. «На смерть поэта»

– Я тоже думаю, что не надо ему было этой стрелкой заниматься. Гений не вправе распоряжаться своей жизнью. Она определена ему свыше. И не должен жениться на юных красавицах. Опыта-то походов по красавицам у него, как известно, хватало. А уж если сделал выбор, то должен с презрением не отвечать на провокации и беречь себя для страны, жены и детей, – Сугробин говорил медленно, составляя приходящие на ум слова поскладнее и убедительнее. И даже остановился. Ему было до слёз обидно за бездарную гибель Пушкина. – И главное, ведь, Анатоль, – ничего хорошего из этой стрелки не вышло. Поэта похоронили и ладно ещё, что император Николай 1 оплатил его долги в полтораста тысяч тех рублей, которые с сегодняшними и не сравнишь. Нулей не хватит. А молодая вдова Наталья Николаевна с четырьмя детьми покинула столицу и придворный блеск. Дантеса разжаловали, уволили с русской службы и выдворили из России. А мы с тобой и вся русско – язычная Россия не получила его пленительных стихов и прозы, которые не выплеснулись ещё на бумагу.

– А я думаю, что ранняя смерть судьба поэтов. Ну, что такое старый поэт, кашляющий, подагрический, стонущий, седой и лысый. Ты видел портрет красавца поэта В. А. Жуковского, наставника самого наследника престола, в сорок лет. Лысая ободранная обезьяна.

– Ну вот, Жуковского охамил

– И нисколечко. Поэт тогда поэт, когда его перо движет

любовь к женщине, когда он способен любить.

В последний день января Леонид Сугробин обнимал истосковавшихся по нему родителей и, пробыв с ними несколько часов, к вечеру поспешил к Людмиле. Телефонов не было, и он без предупреждения постучал в дверь её лома. «Ах!» – только и сказала она, а её губки сами прильнули к нему. Он был принят Людмилой в её домашней обстановке. Предполагая, что впечатление, произведённое курсантом Леонидом Сугробиным на её родителей было приятное, она, десятиклассница, в эти несколько дней и в школу не ходила. Они были неразлучны как сиамские близнецы, но не переходили последнюю грань. «Я поступлю», – говорила Людмила, сверкая голубыми глазками и прижималась к Лёнке всем телом, – «и мы соединимся. Красная розочка будет твоя навсегда». И строили планы. Она решила, что поедет поступать в Ленинград, но ещё не решила куда. Лёня говорил, что будет там с ней, и они победят и будут учиться рядом, а потом... В грёзах рисовался «Эдем»

В мае Людмила сообщила, что будет подавать документы в Ленинградский университет. Леонид ответил, что будет ждать. Но дождаться её приезда ему не пришлось. Мы предполагаем, но почти всегда нами располагают. В конце июня, когда заканчивался учебный год, механикам было объявлено, что все перешедшие на второй курс будут направлены по просьбе пароходства, на мореходную практику в долж-

ности матросов. У Лёньки захолодело в груди и на Валькино «...не горюй, прорвёмся...» только безнадёжно махнул рукой. Всё нежданное свершается быстро. Через неделю он был уже в Мурманске и был определён вместе с Балыбердиным и ещё тремя курсантами на корабль, отправлявшийся куда-то к Таймыру. В Ленинграде он только и успел вызвать Людмилу на переговорный пункт и несвязно изложил ситуацию. Да написал письмо, в котором попытался объяснить своё подневольное положение, когда поступил на службу Родине. Пообещал, что будет ей писать на «Ленинград, до востребования». И написал из Мурманска одно письмо о том, что уходит в море и просит её не грустить и сражаться на приёмных экзаменах. В море корабль ушёл через два дня после прихода на него курсантов. Леонид понимал, что такая практика для начинающего моряка – везуха необыкновенная. И случись это дело на три недели позже, радости его не было бы предела. А сейчас его Людмилка оставалась одна перед суровыми испытаниями без его ободряющей руки и слова. И сам он ушёл в далёкое море, не поцеловав любимую.

«...С берега крутого, ты махнёшь рукою, я пойму что любишь, я пойму, что ждёшь...», – пелось в песне. Никто не махнул курсантам при отвале.

Молодая женщина восемнадцати лет Людмила Буянская стояла у окна в коридоре купейного вагона и смотрела

на придорожную деревеньку с покосившимися старенькими избами, и столетними раскидистыми вёслами, за которыми скрылся её маленький городок. Поезд увозил её от родного дома, от ушедшего детства, от всего милого и любимого, от друзей и подруг и того, кто ещё совсем недавно казался ей единственным навсегда. В глазах её стояли, старавшиеся казаться радостными, её родители, и родители её молодого супруга, такие же искусственно бодрые, и подруга Валя. Людмила видела слезинки в материнских глазах и невысказанные вопросы во всех взглядах, обращённых на молодого лейтенанта и на ещё, более молодую, скороспелую и неузнанную жену. И только своих глаз она не видела, А в них провожающие видели такое же, как и у них, недоумение и непонятность происшедшего с ней.

Всё произошло стремительно, и она не понимала, что двигает её поступками. Людмила набрала двадцать один балл и не прошла по конкурсу. Проходной балл на её факультете был двадцать четыре и частично двадцать три при отличных баллах по профильным предметам. И ничего смертельного, жизнь только начиналась. Но её как будто заклинило. «Я неудачница! Неудачница!» Она не стала звонить в Москву студенту Славику, который хотел ей помочь. И затуманились её яркие глаза под наплывом не удерживаемой влаги. «Да что твой моряк разлюбит тебя за эту неудачу», – пыталась утешить её добрая мама. Валентина, которая поступила в местное медучилище, просто смеялась над этими пережи-

ваниями. И зазывала её на «танцульки», которые как обычно проходили по субботам и воскресеньям в ДК. Людмила мрачно отмахивалась и плакала по ночам. От Леонида известий не было. Ей так было необходимо его присутствие. И порой было так плохо, что она ненавидела Сугробина, его морское училище, отнявшее его в самый отчаянный момент и всё, что её окружало. И в таком приступе злости и ненависти она вышла с Валентиной в «свет». И не успела осмотреться по сторонам, как к ней подошёл молодой, очень приятной внешности лейтенант – танкист. Он был мил, любезен, улыбчив, с лёгким юмором и выученными манерами первого круга общества. В общем, полностью соответствовал выпускнику офицерского училища. Фамилию только носил не офицерскую – Митькин. Но звали его Константин, а фамилия!? Кто обращал внимание на такие пустяки. И Людмила не раз ловила завистливые взгляды знакомых и незнакомых девчонок, когда кружилась в танце в объятиях этого лейтенанта.

Как всё так получилось Людмила и сейчас, смотря в окно поезда, уносившего её из уколывшего болью прошлого, не осозновала. Какое-то помрачение было не поддающееся лечению. «Амок!»²¹ – как она скажет самой себе потом, прочитав одноимённый рассказ. По-русски она так и не смог-

²¹ Амок – психическое заболевание, выражающееся расстройством сознания после нарушения настроения, в результате чего больной разрушает всё вокруг себя. (Из Малайзии)

ла подобрать обозначение своего состояния тогда. Митькин проводил подружек после танцев домой и добился согласия Людмилы на встречу. А через две недели она стала женщиной на том самом диванчике, на котором она обнимала моряка Лёньку и обещалась стать его женщиной навсегда как раз в это же время. И стала женщиной, но не моряка, а лейтенанта Митькина. И очнувшись от прошедшего приступа утраты сознания, она с ужасом поняла, что произошло непоправимое. «Лёнька!», – только и стонала она по ночам и плакала, плакала. А Лёнька посреди моря Лаптевых сбивал с трапов и палубы намерзший за ночь лёд и матерился про себя, вступая в интимные отношения с пароходством, училищем и Северным ледовитым океаном. И мысленно был со своей Красной розочкой.

А Красная розочка была уже не с ним. Лейтенанту надо было уезжать к месту службы в далёкие края, туда, где «на границе тучи ходят хмуры...»

Лейтенант предложил ей выйти за него замуж и забыть все неприятности сбоя с поступлением.

– Офицерские жёны обеспечены, – убеждал Митькин.

– На кой тебе эта жизнь почти в казармах, домохозяйкой в офицерском общежитии, – отговаривала её Валентина.

– Поступишь на заочное отделение и получишь образование, – убеждал Митькин.

– Потеряешь такую любовь! Ты же не любишь Костю, – говорила Валентина,

– Не люблю, – соглашалась Людмила. – Но я же была с ним...

– Какая ерунда, – не соглашалась Валентина. – что ты первая такая. Была бы любовь. А Леонид тебя так любит! И ты только его любишь...

– Я обещала Леониду, что буду только его.

И обняв подругу, Людмила горько зарыдала. А успокоившись и убрав слёзы сказала —

– Ладно! Что меня затуманило – не знаю. Но я не могу предстать перед Леонидом такой вот сегодняшней. Он любит Красную розочку, и пусть я останусь для него Красной розочкой. Он говорил, что встреча со мной – судьба и научил говорить по-турецки это слово: КИСМЕТ! Пусть разлука со мной для него тоже обозначится этим словом. Кисмет! Через неделю мне исполняется восемнадцать, я регистрируюсь с Митькиным и уезжаю.

Родители Людмилы помнили моряка, но переломить её решение не смогли. Состоялась регистрация брака, небольшая свадебная вечеринка и скорый отъезд. Лейтенант вёз в тайгу молодую жену и был счастлив этим. «Быть там одному это – беспробудная пьянь», – говорили опытные офицеры. Подруга курсанта Митькина с ним ехать в тайгу не согласилась. И Митькин был необычайно счастлив, что уговорил стать его женой совсем незнакомую девушку. Огорчало немного, что фамилию его юная жена оставила свою, девичью, да ещё и попросила толи в шутку, толь всерьёз, чтобы

он поменял фамилию на «Дмитриева». «Митькин же от имени Митя, т. е. Дмитрия. Вот и стань благозвучнее, не обижая родителей», – сказала ему Людмила при отказе принять его фамилию, скрывая на самом деле тайную мысль, что она пусть и покидает Леонида, но остаётся с фамилией, которую он любил.

Скрылась последняя знакомая деревенька. Всё! Две невольные слезинки выкатились из глаз. Людмила осторожно смахнула их платком. Раскрылась дверь купе, и вышел лейтенант Митькин без кителя и немного растрёпанный. Он хватил полстаканчика на перроне и добавил ещё. Радостные глаза лучились пьяным блеском. Он обнял жену за плечи.

– Зачем плачешь? Маму жалко? Родители должны готовиться к отъезду детей. А я счастлив. Ты такая красивая и я страшно рад. Пойдём, отметим начало самостоятельной семейной жизни...

От Митькина пахло невкусно. Но Людмила повернулась к нему и подтолкнула его в купе, пройдя за ним. Она и сама была не прочь сейчас выпить, забыться. А лейтенант выпивал и был радостен. Он, как и многие лейтенанты, не понимал, что женщина, которую он повёз с собой, его не любит.

1957 год. 4 октября. В Советском Союзе запущен первый в мире искусственный спутник земли.

Сообщение о запуске спутника курсант Сугробин услышал по громкому корабельному радио и кричал вместе

со всеми троекратное «Ура!» Корабль шёл в Мурманск. Суровая практика заканчивалась. Впереди виделись радостные встречи.

«Эй, Моряк! Ты слишком долго плавал! Я тебя успела позабыть».

Из плавания Леонид вернулся в середине октября. Курсанты получили полную матросскую зарплату, и сошли на берег. Это были уже не мальчишки, а крутые морские волки, просолёные, с накаченными мускулами, повидавшими виды, которые в картинах Айвазовского не прорисованы. В Ленинграде он нашёл несколько писем из дома и ни одного от Людмилы. Леонид дважды делал вызов на телефонный разговор. «Вызываемый абонент на переговоры не явился», – отвечала телефонистка. Дал телеграмму о возвращении, написал письмо, другое. В ответ полное молчание. Он замкнулся, ничего не понимая, но продолжал настойчиво учиться и самообразовываться: книги, музеи, театры. Дружья веселились, дружили с девушками и называли его отшельником. Молодёжь жила только что прошедшим фестивалем молодёжи и студентов в Москве, разучивала принесённый фестивалем новый танец «Рок энд ролл», была раскованной и дерзкой с нравоучительными взрослыми, несмотря на усиливавшуюся критику и сгущавшиеся тучи мракобесия. Леонид не встревал в эту жизнь и ждал отпуска. Отпуск в этот раз состоялся в конце февраля.

Первого, кого он увидал, ступив на перрон, был Витька

в шинели с курсантскими погонами и самолётниками в петлицах. Он ошалело взглянул на него и заорал: «Лёнька!» И через мгновение облапил и полез целоваться. «Так здорово, что ты приехал! И Колька здесь. И наши девчонки на каникулах. Я сюда к подруге приехал, сам знаешь, что мои родители уже второй год в Киргизии». «Надо же! Все здесь», – радостно подумал Леонид. Это и впрямь было здорово. Больше этого не повторилось никогда.

Друзья детства все вместе. Они взрослые. Кольке двадцать, Леониду с Витькой по девятнадцать. Вся кампания сидит в ресторане: Виктор с самолётниками в петлицах, Леонид с якорями, Николай с накрахмаленным воротником при галстукe с большим «стиляжным» коком на голове. Ребята со своими девушками из школьной дружбы. Обе они студентки. С Леонидом была Марина Весёлкина. Он встретил её на улице. Она не прошла по конкурсу на дневной, и сейчас обучалась на заочном на филологическом и работала в редакции районки. С Виктором они остались друзьями. Все были рады друг другу и за столом сидели весело. Про Людмилу в общем разговоре никто не вспоминал. С Леонидом о ней разговаривал каждый в отдельности. Он слушал всех и, улыбаясь, отшучивался. Он получил информацию от её первой подруги Валентины, к которой зашёл сразу же по приезде. Валя рассказала всё так, как говорила и думала сама Людмила. Люда срезалась на приёмных экзаменах, и это было не удивительно при том наплыве желающих учиться. Самые

пресамые отличники сходили один за другим. Но она была горда и очень переживала. Угнетало её и то ещё, что не было рядом Леонида. И написать ему было некуда, не поплакаться, не обсудить ситуацию. Она вернулась домой и захандрила. Как-то Валентина вывела её на дискотеку. К Людмиле подошел только что произведённый в офицеры красивый лейтенант, учившийся в школе Леонида на два года ранее его. И вправду говорят, что от тоски и от любви лучшее лекарство другая любовь. «Я думаю, – сказала лучшая подруга, – что она засчитала себя неудачницей, а тебя не было, чтобы поцелуями её разуверить и в слабости оступилась. А через неделю они расписались. И не думаю, что она счастлива. Так много слёз пролила при расставании». Леонид отказался от адреса Людмилы, предложенного её первой подругой. Он сидел с друзьями, пил вино, вёл весёлые разговоры, встревал в разговоры о будущем. И ласково улыбался Весёлкиной, которая призывно улыбалась в ответ, не давая воли словам. Он все эти дни грустного отпуска встречался с друзьями вместе с Мариной. Они старались оба быть радостными, отшучивались от подкальваний Виктора. Но когда оставались одни, то разговоры у них были обо всём, кроме о них самих. Он целовал Марину в щёчки при расставании и был благодарен ей за молчание, так как мог отозваться на её ласку и создать ещё одну безрадостную семью. Но на сердце у него было скверно. И будущее просматривалось только до отъезда в училище.

Курсант второго года обучения Леонид Сугробин светлым воскресным майским днём медленно брёл по набережной канала Грибоедова, разглядывая дворцы прошлых веков, возникающие как в сказках, за каждым изгибом канала. Иногда останавливался и, опираясь на ограждающие решётки, вглядывался в творения безвестных уже архитекторов, выполнивших безудержные фантазии сильных мира того. Было тепло, и бескозырку он нёс в руках. Но дворцы не заполняли его мысли, как и приветливые взгляды встречных девушек, как и всё окружающее в этом прекрасном многоликом городе, где каждый мог найти для себя всё. Было бы желание. Но желаний у Леонида не было. Находясь в центре мегаполиса, он чувствовал себя безнадёжно одиноким. Безвозвратно потеряв Людмилу, он не сразу осознал всю глубину потери и продолжал старательно учиться, самообразовываться, и исполнять все обязанности курсанта. Земляк и друг Валька Балыбердин чуть не насильно тащил его в круг весёлых развлечений, Но Лёнька своей меланхолией разочаровал всех знакомящихся с ним девушек. Иногда он ощущал себя словно попавшим в будущее, где у него нет уже связей с его, в общем-то, совсем ещё небольшой жизни и окружающим, нет связи с непрерывностью времени, единства взглядов. Он никому не открывался и никто не понимал его внутреннего состояния. И он чувствовал себя как во сне, когда он что-то говорил, но его слова никто не слышал и не понимал. Он иногда чувствовал, что находится не в настоя-

щем, а в каком-то другом измерении и понимал, что потерпел исключительное поражение и то, что его собственное существование подвергается опасности. Леонид понимал, что против него сложились обстоятельства. Но понимал и то, что если бы он учился в обыкновенном гражданском заведении, его «Красная розочка» не затерялась бы от него. И все его детские романтические мечты о море и бесконечных странствиях в поисках открытий и приключений перестроились в эти месяцы в соответствии с реальным, и совсем неромантичным и обыкновенным путём и службой современного моряка.

Трёхмесячная служба на корабле не поколебала Леонида в уверенности правильности выбранного пути. Он не без удовольствия драил шваброй палубы, драил до блеска медяшки, скалывал лёд на ступеньках трапов и в установленные графиком сроки мыл и чистил галюны. И гордо стоял на вахте за румпелем рядом со штурманом или самим капитаном, или в машинном отделении, контролируя уверенный гул «Маньки».²² А шторм в Карском море?! Тогда двое суток их восьмитысячник ложило с боку на бок на тридцать градусов одновременно с нырянием носа корабля в кипящий вал, который докатывался до капитанского мостика. И вслед за этим задиранием кормы до обнажения винта. Это было совсем «не бухты барахты» и, надёжно выстоявших в этом испытании, бывалые морские волки отметили торжественным

²² Манька – главная машина корабля

принятием курсантов в свои ряды, как бы перешедших экватор. А Людмила не дождалась. И что его ждёт далее? Пролетят дни, время залечит. Ему встретится другая женщина, и снова он уйдёт в море на месяцы. Затем короткий отпуск, и снова уйдёт на месяцы... И никаких экзотических островов, никаких захватывающих приключений и тем более открытий. На картах уже не появится вновь ни одного самого малого утёса – всё открыто. И для современного моряка осталась только будничная извозчичья работа: здесь загрузить, туда доставить и там выгрузить... Снова загрузить и —

«...И вот качается, качается, качается...

И ничего уже не видно позади.

И только женщины порою вспоминаются...

Те, у которых мы качались на груди...» (фольклор)

И будет ли другая женщина ждать месяцы и годы. И дети повзрослеют без ласковой руки отца!?

«Лёнька, Лёнька! Где твоя улыбка?

Полная задора и огня.

Это безвозвратная ошибка, Людка

То, что ты покинула меня...», —

пробормотал курсант Сугробин и смахнул рукой с зажатой в ней бескозыркой капельки пота на наморщенном лбу. Стояли последние дни сверкающего мая. «А с морем, одна-

ко, надо кончать!», – пришла неожиданно простая мысль.

В параллельной группе учился курсант из г. Молотова (г. Пермь) Анатолий Клещёв, с которым Леонид познакомился в лагерях, а сблизился после небольшой дискуссии в читалке по стихам Е. Евтушенко и А. Вознесенского. Он, как и Леонид, также старательно образовывался и эта общность сблизила их. Прочитав все четыре тома «Война и мир» Льва Толстого, он себя и всех окружающих стал называть по-французски. Себя обозначил как Анатоль, Мишку Уварова – Мишель, соседей по кубрику Лёшку и Гришку переименовал в Алексиса и Жоржа. С Лёнькой у него вышла загвоздка. Пытался обозначить его Леоном, но не привилось. Леонид – имя греческое. Клещёв был открытый парень и уже через полгода пребывания в училище начал поговаривать, что казённая жизнь ему не по душе. А после практики он уже открыто стал говорить, что качаться всю жизнь в морях не его судьба и что окончит второй курс и бросит училище. «Брошишь и в армию загремишь», – сказал ему Леонид во время одного из разговоров в курилке. « В армию, конечно, не надо бы...», – пробормотал тот. И разговоры на свободную тему между ним и Леонидом на время прекратились.

И был светлый майский день. В сумрачную голову Леонида, захваченную вселенским одиночеством, поедающим самую его сущность, пришла простая мысль – с морем надо кончать. Анатоль Клещёв получил в этот день письмо

из Перми, в котором друг ему сообщал, что в городе открылся новый политехнический институт и объявил набор со второго по четвёртый курс студентов из любых технических вузов любых специальностей. Вечером этого же дня Анатолий и Леонид вели жаркий разговор и пришли к выводу, что если они сумеют уволиться из училища после отчётных экзаменов за второй курс, то их зачислят в политех на третий курс и они уйдут от военкома. «Ты знаешь, какой это город! Он ещё год назад назывался Молотов. Сам понимаешь, Молотов был сталинский человек. В город „Хрущёв“ пока Никита постеснялся переименовать, а Пермь название историческое. А какая река Кама. Название индийское. Знаешь. „Кама сутра“, что такое? А Уральские горы! Одна Кунгурская пещера чего стоит. По реке Чусовой на лодке пройдем...».

Анатолий разволновался от воспоминаний

– «Ленинград, конечно, прекрасно, но тебе же отказали в двух престижных»... (Леонид действительно ещё не осознав, что он хочет, интересовался в институтах «Оптики и точной механики» и в «Технологическом» о возможности приёма на третий курс) «А в пермском варианте всё будет достойно, поэтому пишем запрос», – заключил Анатолий обсуждение.

Клещёв и Сугробин сдали экзамены за второй курс и к концу августа уволились из училища. Увольнение не было простым. Социализм не был тогда ещё даже развитым. Вылететь из училища или гражданского ВУЗа за провин-

ность, неуспеваемость или какое-то несогласие с общепринятым было проще простого. А уход вполне положительных курсантов по собственному желанию выглядел абсолютным нонсенсом.

VI

Пермь приняла бывших курсантов приветливо. Их зачислили на третий курс механического факультета со стипендией. Леониду предоставили общежитие. После устройства дел у него выкроилось несколько дней для поездки к родителям.

Иван Макарович встретил гражданского сына сдержанно.

– Что!/? Надоела казённая еда и казённая постель.

– Я думаю, что так будет лучше для будущего, – ответил Леонид. – И я постараюсь сам себя содержать.

– Ну, чем смогу подсоблю, но особо рассчитывать не придётся. Ну, да ладно, пойдём за стол. У меня к бане четвертинка припасена. Выпьем за студента. Курсантам-то нельзя, а студентам можно, по-старшему знаю.

Мама Тина поставила еду и ласково смотрела на последыша, ставшего совсем взрослым, и совсем не думала о перемене его жизни, которая из строгого направленного русла учёбы и преднамеренного будущего вышла в неопределённость. А отец, выпив рюмочку, сказал в эту неопределённость —

– Мне вот тоже в двадцатом году предлагали пойти на курсы красных командиров. Я тогда командиром взвода был. Но так мне с пятнадцатого года надоела эта армейская форма и казённая еда, что отказался от всего устроенного и обеспеченного будущего. А отказавшись, ничего не достиг. И то, что сделано, уже сделано, не вернёшь. Но в будущем старай-

ся не торопиться делать, а дольше думать.

Но особенно и студенту беспокоиться было не о чём. Законы социалистического государства по окончанию ВУЗа определяли специалиста на работу в обязательном порядке. И он, следовательно, должен был работать и получать за работу заработную плату. Работы при социализме хватало всем.

Ленинград в Советском Союзе знают все. Это город Петра 1 и Ленина. Город Пермь, в котором оказался Леонид Сугробин по велению его ветреной судьбы, знают только его жители и жители области. Если б он звался город Демидов, то и то бы был известен более, так как про купца Демидова, освоившего Урал при Петре 1, во всех школьных учебниках истории и географии написано. Урал тоже знают все и Пермь – город уральский. Именно с него начинается с запада Урал. Река Кама является границей между равнинной Россией и горной страной, разделяющей Европу и Азию. Город Пермь стоит на левом берегу Камы, который вопреки правилам географии является высоким, а правый низким. Река у Перми полноводна, могуча бурливым течением, широка и глубока. Двухпалубные и трёхпалубные теплоходы и самоходки река-море проходят у Перми без забот. Железная дорога, перепрыгнув Каму, попадает на станцию Пермь П, где разделяется на две ветки. Одна продолжает путь на восток, на Екатеринбург, другая горнозаводская уходит по берегу Камы на север к Соликамску через станции

Пермь 1 и Мотовилиху. По горнозаводской линии через полсотни километров поезд выходит на Пермское водохранилище в зону отдыха и рыбалки. По транссибирской магистрали через час с небольшим поезд достигает г. Кунгура с самой знаменитой в России Кунгурской ледяной пещерой, огромной, обустроенной и удобной для посещения.

Пермь промышленный город. Знаменитый Мотовилихинский завод с многотысячным коллективом изготавливал пушки. Расположенный под крутым холмистым берегом, завод обосновал испытательный полигон за рекой и испытывает пушки прямо с территории завода. Оттого город регулярно слышит канонаду и непосредственно каждый житель ощущает себя участником оборонной программы страны. Над мотовилихинским заводом обустроен огромный глубокий пруд. В старые времена вода из этого пруда крутила машины и станки завода. А сейчас там место отдыха. К пруду посадили парк, построили лодочную станцию, аттракционы, кафе и стало очень удобно, не выезжая из города, провести день на благоустроенной природе. Кроме Мотовилихи ещё один завод ежедневно напоминает о себе. Это завод реактивных авиационных двигателей. Испытуемые двигатели издадут рёв, слышимый всему городу. Другие заводы работают тихо.

Пермь и студентами не обижена: около десятка вузов с университетом. и техникумы составляют приличное студенческое население в городе. Имелось даже хореографи-

ческое училище и, как говорили знающие патриоты, лучшее в стране. Что вполне возможно, т.к. оперный театр был на высоком уровне. Будучи в Перми три года Леонид посетил все спектакли театра и вместе со своим ленинградским познанием, подковался по опере и балету весьма основательно. Студенческая жизнь вузовская и межвузовская была насыщенной. Был городской клуб студентов, организующий фестивали и конкурсы, спортивные соревнования и вообще встречи по интересам. Скучно студентам не желающим скучать не было. Познание мира за эти три года было определяющим в культурно – художественном становлении Леонида, как человека образованного многосторонне. Конечно провинциальная Пермь не покрытый шармом столичный Ленинград. Но Ленинград курсант Сугробин видел только по выходным. А здесь была свобода.

Пермь связана с миром транссибирской магистралью, по которой прямым сообщением можно было попасть во все районы страны. Красавица Кама, прекрасный речной вокзал и теплоходы обеспечивали сообщение по воде с Астраханью и Ростовым, Нижним Новгородом, Москвой и Петербургом, с Рязанью и всеми другими центрами, стоящими на Каме, Волге и Оке, на Дону и на Неве

Аэрофлот в те годы не был конкурентом железной дороге и теплоходам. Самолёты ИЛ-14 и ЛИ-2 были в небольшом количестве и брали на борт немного пассажиров и использовались, в основном, для трудно доступных мест. Но при

всём при том Пермь имела грунтовый аэродром и принимала эти самолеты. Рядом в новых жилых кварталах жил Анатолий Клещёв. И когда Сугробин навещал его, они шли в аэропорт обедать и попить пива в маленькую, уютную лётную столовую, где кормили вкусно и дёшево. Недалеко находился хоккейный стадион, куда Леонид разок зашёл посмотреть хоккейный матч и познакомился с бурно развивающимся новым для России видом спорта.

Начавшиеся в 1954 году работы по освоению целинных и залежных земель на Алтае, Казахстане и южном Урале, достали Сугробина в 1958 году. Великая эпопея освоения целины затевалась для обеспечения страны хлебом. Всё закончилось тем, что после освоения целины страна начала закупать хлеб за границей. Но как бы-то не было, первый урожай целина дала в 1956 году. В тот год в районах освоения новых земель погода благоприятствовала как никогда, а нетронутая неистощённая земля отдала хлебному злаку все соки. И урожай получился таким, что Казахстан, Алтай и Южный Урал захлебнулись в зерне. К сожалению для страны, первый реформатор Никита Хрущёв приказал пахать и сеять, но не догадался подготовиться к сбору и хранению зерна. И невиданный урожай не принёс радостей и достатка народу, так как большая часть зерна пропала из—за отсутствия хранилищ. И от небывалого, но пропавшего урожая выиграл только лично Хрущёв. Невиданный урожай помог Хрущё-

ву выстоять в схватке с самыми мощными сталинцами Молотовым, Маленковым, Кагановичем и Шепиловым, которые были противниками непродуманных и авантюрных решений, в том числе и освоения степных земель в таком масштабе. После этой победы, как уже отмечалось, Хрущёв принял на себя в марте 1958 года пост премьер-министра и стал единственным не критикуемым государём.

Тогда для спасения урожая на целину в невероятном пожарном порядке были брошены сотни тысяч студентов, солдат и офицеров целых воинских подразделений, работников промышленных предприятий. Это было начало. Практика заброса студентов с этого года стала необратимой и ежегодной, хотя такого урожая, как в 56-м, и даже близкого к нему, уже никогда не было.

ПЛАНЕТА ЦЕЛИНА.

Ещё при зачислении новоиспечённых студентов Клещёва и Сугробина, также как и всех остальных, предупредили, чтобы тридцать первого августа прибыли в институт с рабочей одеждой и морально были подготовлены к поездке на уборочные работы в целинные районы на месяц – полтора. И первого сентября несколько сотен студентов из разных вузов доставили на запасные пути ст. Пермь П, где стоял эшелон из очень большого количества товарных вагонов. В вагонах справа и слева от дверей были построены сплошные деревянные двухэтажные нары, на которые было броше-

но сено. накрытое какой-то тканью. Посредине вагона стояла пара скамеек и большой бак с водой. В каждый вагон было погружено не менее 30 человек, или мальчиков или девочек. Около восьми вечера посадка закончилась. По путям вдоль вагонов ещё раз пробежали организаторы, приказывая прикрыть двери, и поезд тронулся. Познание мира Леонидом Сугробиным, при рождении не отмеченным высшими силами, стремительно продолжало расширяться.

Студенческая группа, в которой оказались Анатолий и Леонид, была собрана с ближних и дальних окрестностей. И первые часы прошли, как вечер знакомства в санатории, только без музыки и танцев. В группе оказалось двадцать семь ребят и три девушки. Половину группы составляли студенты из местных институтов – горного и механического факультета сельскохозяйственного. Остальные были из вузов окрестных областей, и даже из Архангельска был помор Зосим Пахтусов. Память сразу не воспринимает массу нового. И, запомнив по несколько имён, рассказав о себе ближним по нарам, и выслушав рассказы новых знакомых, бывшие курсанты Толя и Лёня, немного погрустили о налаженном быте в училище и разместились на верхних нарах. Было прохладно, и они прикрылись захваченными с собой плащиками. Более знакомые и организованные горняки и сельхозники, выпили за отъезд и травили анекдоты. Сугробин быстро заснул. Клещёву не спалось и не лежалось. Он спустился вниз и присоединился к картёжникам, расписывав-

шим «пульку» при свете кем-то прихваченной толстой свечки.

Анатолий Клещев, притомившись от пульки, которую он расписал вместе с тремя новыми друзьями, полулежал у открытого вентиляционного люка на втором этаже нар и равнодушно смотрел на мелькающий пейзаж. Его что-то захандрило. Кажется, все намерения благополучно завершились и он не курсант, а свободный студент и никто не запрещает ему расписать преферансную пульку. И в том, что везут куда-то в Казахстан его не волновало. Глухое недовольство откуда-то из глубины подсознания возникало оттого, что везут, не спрашивая его согласия, также как из училища отправили на корабельную практику, не запланированную программой обучения. Ему никогда не нравилось, когда его вели. Он был согласен выполнять всё, что было принято им добровольно. Целина в программу обучения не входила, и это его начинало ущемлять. Сугробин давно посапывал рядом. Клещеву не спалось. Он поправил сползавший плащик на Сугробине, мысленно назвав его хорошим парнем. Он чувствовал себя немного виноватым в том, что Сугробин здесь по его убеждению. Он не знал всех причин ухода Сугробина из училища и думал, что это он, Клещев Анатолий, сбил с прямого пути на «скользящую» дорожку хорошего парня. Сам Анатолий поехал поступать в училище из-за собственного упрямства. Его школьный друг Вовка Чашихин мечтал ходить в морской форме и решил поступить в МАТУ (Молотовское авиаци-

онно-техническое училище ВМФ). Там курсанты обучались два года и выпускались техниками – лейтенантами. Курсанты были одеты в военно-морскую форму и являлись завидными женихами для молотовских девушек. Анатолю совсем не хотелось служить в армии, и он отнекивался, говоря, что пойдёт в «Горный» и будет уран добывать, лишь бы не служить. И его решение пришло спонтанно, когда они с Чащихиным сидели на берегу Камы со своими девушками, и Вовка обозвал его неспособным для поступления в такое звонкое заведение. И тогда Анатолий заявил перед своей девушкой, что он будет моряком, но не по цвету формы, а настоящим и поедет поступать в морской город, а именно в Ленинград. И все весело согласились. И он, Анатолий, стал курсантом и приехал к своей девушке во всей морской красе, а Чащихин срезался на медкомиссии – оказался дальтоником.

С Лёнькой Анатолий познакомился на первых сборах после вступительных экзаменов. Он заметил двух пареньков, которые держатся постоянно вместе. «Если к ним примкнуть, то будет трое, а это уже кое-что», – подумал он и подошёл к Балыбердину и Сугробину.

– Меня зовут Анатолий Клещёв, я из Перми, – сказал он и протянул руку.

– Пермь, это я знаю, – сказал Сугробин. – У меня там двоюродный брат учился, МАТУ кончал. Только город Молотовым называется.

– Конечно. – согласился Клещёв, – город называют Моло-

товым, а жителей – пермяками.

Все трое рассмеялись и пожали друг другу руки, представляясь по очереди.

Только ты скажи, – сказал Балыбердин. – Твоя фамилия происходит от клеща или от клещей?²³ От этого твой характер проявится. Правда, Лёня. И мы будем готовы к твоим поступкам неадекватным.

Филосов, – отмахнулся Клещёв. И к Сугробину, – а теперь где твой брат? Ему хотелось утвердиться в правильности своего решения не поступать в МАТУ.

В Калининграде. Он на четыре года старше меня. И уже женился.

Ответ Сугробина не очень удовлетворил Клещёва. Ему бы хотелось, чтобы Лёнькин брат служил где-нибудь в Даоляне. Но ребята задружились. А когда трое «все за одного, а один за всех», то это уже организация.

Анатолию, как он себя помнил, нравились стихи. Их звонкие рифмы и напевность завораживали, и сложение рифмующихся строчек казалось волшебством. Вода – беда, любовь – морковь, девичьи очи – бессонные ночи и прочая рифмующаяся белиберда постоянно вертелась в его мыслительном аппарате вместе с двузначными и трёхзначными уравнениями, военными походами Александра Македонского и Тамерлана. Его стихи на школьные темы помещали в стенгазете. А стихи о любви он не стеснялся уже читать роман-

²³ Игра слов. Клещи это инструмент, а клещ – гадкое насекомое.

тическим девушкам и в группах, и наедине. Себя он видел главным героем во всех ситуациях и, увлекшись романтикой дворянского быта первой половины XIX века, переименовывал себя и окружающих на французский манер. Это было в школе, повторилось в училище. Над ним подсмеивались, но это его не трогало. И романтичным девушкам представлялся не Клещёвым, а Кирсановым. И получал от них письма на эту фамилию. Но романтическая морская форма и море его не завлекали. На морской практике он морю посвятил только короткие строчки:

«Что ж ты, море, рвёшь сурово
Мою утлую ладью?
Если будешь так, то скоро
Я скажу тебе «Адью!»

Суровые морские будни и достаточно строгий режим в учебном процессе не очень устраивали свободолюбивого Клещёва. Он образовывался, как и Сугробин по всем направлениям, не определяя своего окончательного выбора. И делился сокровенными мыслями только с Сугробинным, которого выделил как близкого по духу, когда тот прочитал перед группой «Анну Снегину» Сергея Есенина наизусть. Поэт Есенин, как и многие другие, был тогда полузапрещённым в советской литературе, как выразитель упаднических настроений и негодный для строителей коммунизма. Клещёв показал Леониду свои стихи. Балыбердин в их поэтические

дела не встречал, и свободное время отдавал девушкам. Будущая профессия его радовала, и он был счастлив. Впрочем, для дружбы всех троих ничего не мешало. Когда Клещев созрел на уход из училища, он и сам не припомнит. Наверное, в тот серый день, когда ему пришёл отлуп из «ЮНОСТИ», куда он отправил подборку рукописных стихов, с советом меньше ныть и больше учиться у мастеров и познавать жизнь как можно глубже в природе, а не киснуть в собственных рифмах. Анатолий загрустил. Мастеров поэзии у него в знакомых не значилось, а критиком был только Сугробин, который чего-то писал в своей записной книжке, иногда читал пару строчек, но никуда ничего не посылал и не собирался. Он хотел стать приличным технарём. И Клещёву пришла, как он посчитал, правильная мысль – уйти в жизнь. Море он уже познал за месяцы суровой практики и посчитал, что делать ему на нём нечего. Заметив, что после зимнего отпуска Лёнька круто загрустил, Анатолий и подкатился к нему со своими сомнениями. Слова его упали на благодатную почву. Только Анатолий не знал и не узнал, что в решение Сугробина была замешана женщина. Не та, «Красная Розочка», которая ушла навсегда, а будущая, ещё ему неизвестная любимая женщина, которой он не позволит ждать его долгие месяцы в одиночестве. Сугробин никого не пускал в свои сердечные дела и не откровенничал. Анатолий раскрывался, и ему было легче перенести неудачи. Школьная девочка не дождалась и Анатолия. Из его самосъедающих писем она поняла, что

тот бросает карьеру морехода на неизвестность и быстренько выскочила за выпускника МАТУ, хотя тех к тому времени уже перевели из флота в армейское ведомство и поменяли морскую форму на лётную общевойсковую. И в Перми его не встретила, как бывало, любимая девушка, когда они с Сугробиным приехали из Ленинграда. Разобравшись, что к чему, Анатолий пришёл в общагу к Леониду с бутылкой «Шартреза», грустно обо всём рассказал и закончил фразой, что «желание расширить познание жизни принесло первые потери». А Сугробин подумал: «Какие всё-таки лейтенанты бойкие. Нельзя девчонку на полгода оставить – сразу подбирают». И только спустя годы осознал, что практичные девчонки желали стабильности и достижения положения к зрелым годам, потому что лейтенант мог стать и генералом. А подполковником-то к сорока пяти обязательно становился каждый образованный и положительный лейтенант; и пенсию получал соответственную с сорока двух лет. А инженер на пенсию выходил только с шестидесяти лет. И никто ему не мог гарантировать продвижение по службе за выслугу лет. И, прослужив сорок лет, он мог так и остаться рядовым инженером и, соответственно, с рядовой зарплатой, на которую семью содержать было невозможно... А выпив несравнимый ни с чем ароматный и крепкий отечественный ликёр, ребята начали травить анекдоты про офицеров и студентов, а под конец запели, обнявшись, песню, написанную, видимо, таким же неудачливым романтиком, как и они-

Не пей по кабакам, не порти кровь.
И не губи себя в дыму табачном.
На то она и первая любовь,
Чтоб быть ей не особенно удачной... (фольклор)

Мерцали в ночи огоньки. Жесткий товарный четырёхосный вагон трясло и болтало на стыках и поворотах. Студенты ехали спасать урожай для Родины.

В середине следующего дня поезд прибыл в Свердловск, где его приняли на путях формирования воинских эшелонов. На платформе под навесами там стояли дощатые, длинные столы, на которых дымились бачки с горячим супом и пшённой кашей с котлетами. Студенческому воинству заботливые военные предоставили горячий и сытный обед. После еды похорошело. Отправку эшелона железная дорога задерживала на пять часов, и студентам было разрешено занять время знакомством с городом. А когда эшелон двинулся дальше, большая часть студенческого контингента и Сугробин с Клещёвым заодно с ним предпочли второй этаж нар прелестям пробегающих мимо ландшафтов. Потом Клещёв снова засел внизу за преферанс. От Свердловска двигались с частыми остановками и длительными стоянками. Никто эшелон больше не встречал и студенческое воинство не кормил. Студенты всухомятку приели всё прихваченное с собой съедобное, запивая сырой водой из бачков, которые старались наполнять на стоянках. Примерно через каждые 4 часа

поезд останавливался: степь ли была голая или придорожные посадки – без разницы. Раздавалась команда; «Мальчики направо, девочки налево» И сотни мальчиков и девочек стремительно мчались по разные стороны эшелона, растёгивая на бегу штанишки. Так вот и ехали двое суток. Кто смотрел в открытую дверь на бескрайнюю степь без единого бугорка, кто читал, кто спал, кто играл в карты без сна и отдыха.

Выгрузили эшелон на безымянной станции в Казахстане между Кустанаем и Кокчетавом. Тогда, конечно, административные границы не имели никакого значения, и в союзную республику эшелон вошёл буднично без приветствий и благодарностей за дружескую помощь. Никто из студентов не бывал в этих местах, в краях незнакомых, необычных. Сугробин знал о Казахстане только то, что было написано в школьных учебниках. В учебнике по географии на иллюстрациях была юрта с привязанными к ней парой коней, и стоявший рядом с конями казах с куцей бородёнкой и в растёгнутом халате. И всё это на фоне бескрайней бурой равнины под бескрайним серым небом. Пока Сугробин рассматривал безрадостный пейзаж из вагона, ему ни разу не увиделась картинка как в учебнике. Казалось, что на сотни километров была выжженная за летние месяцы безжалостным солнцем пустая земля. Ни людей, ни коней, ни посёлков. Да и не было их здесь никогда. Забрехали порой пастухи с отарами овец и снова уходили. И не было такого государства никогда как Казахстан. А земли до Китая и Пер-

сии были присоединены к России, как гласит советская история – добровольно. Да и лучше было раздробленным племенам иметь могучую защиту от любителей поживиться, чем быть независимыми. Так и образовалась территория под властью России, названная Средней Азией. На местах правили местные туземные ханы, в пограничных городах стояли российские гарнизоны. И всем было неплохо. Революционный переворот, совершённый масонами – большевиками для разрушения Российской империи, представлялся им победоносным только при создании национальной розни в многонациональном государстве. Ленин приложил весь свой талант и влияние, чтобы разделить империю на национальные республики под лозунгом «права наций на самоопределение».²⁴

²⁴ Первый отбор российских земель в пользу национальных республик прошёл под руководством Ленина при создании в 1922 году СССР, когда в состав Украинской ССР были отданы земли Харькова, Луганска, Донецка, Одессы, Николаева. То есть те регионы, которые никогда не принадлежали даже Киевской Руси, а были отвоёваны Россией у Турции и Крымского ханства в XVII веке при правлении Екатерины II. Должно быть, Ленин потёр ладошки друг о друга и подумал про себя, что Польша отобрана Англией и Францией, Финляндия и Прибалтика уже им отдана, Украина, получив право на отделение, отделиться со всеми включёнными в её состав областями. И что без этих земель Россия уже не Россия. Похоже, так думал и Хрущёв, передавая Украине российскую гордость Крым. Сталин в 1922—ом противился как мог разделению Российской империи на самостоятельные республики, но был ещё слаб. А в 1936 году, видимо, увлёкся блеском своих побед и подписал Казахстану границы по территориям, которые были «ничьими» до колонизации их русским правительством. А самой справедливой границей России с Казахстаном была бы прямая линия по сорок восьмой параллели от китайской границы до реки Эмбы. И бывший первый секретарь компартии Казахстана Назарбаев, ставший президентом, это хорошо по-

И несмотря на то, что Сталин победил на следующем историческом отрезке и создал ещё более мощную империю, фундамент для разрушения России был заложен. К 1936 году Средняя Азия была поделена на пять государств, наделённых границами и правительствами. Границы рисовались в глубоком заблуждении о том, что они никогда не будут границами. Великий Сталин ошибался, утверждая их. А великий Ленин, коммунист – большевик и масон не ошибался. Он твёрдо знал, что национализм сильнее любых сил. В результате через пятьдесят пять лет после образования Казахской Советской Социалистической республики, на карте мира появилось суверенное государство Казахстан с территориями, которые исторически никогда не были хоть как-то зависимыми от тех слабеньких и постоянно враждующих между собой кланов из-за земель в междуречье. Но это будет еще только через тридцать три года после 1958 года, когда Сугробин высадился на безвестной станции в казахстанской степи. И ещё пели тоскливые песни советские геологи, палящиеся под степным солнцем. И был единый, могучий Советский Союз, который непутёвый его руководитель – разрушитель пытался накормить казахстанским хлебом.

Около сотни грузовиков встречали эшелон. Каждая машина была оборудована поперечными скамейками. Группы

нимал и перенёс столицу из благоустроенной южной Алма – Аты на крайний север своей республики и переименовал все русские города на своём севере.. (Размышления автора)

студентов быстро расписали по элеваторам, совхозам и машинам. Студенты загрузились и машины веером во все стороны света ринулись от станции со своим бесценным грузом. Пыльное марево из под колёс мчавшихся по нетронутым с весны дождями степным дорогам, застило солнце.

Километров через двести машины с полутора сотнями засыпанных толстым слоем пыли мальчиков и девочек среди которых были Сугробин и Клещёв, остановились в центральной усадьбе совхоза. Усадьба невооружённому, неопытному взгляду была, быть может, близка к середине своего строительства, как производственного, так и жилищного. Совхоз основывался, строился и обживался москвичами. Но какие претензии? Первые люди пришли сюда заснеженной весной 1954. а сейчас был пятьдесят восьмой. А кроме построек было поднято и засеяно 30000 гектаров. Сооружён пруд, заложен фруктовый сад на пятнадцати гектарах. Нет! Никаких претензий у Сугробина и в мыслях не было. Было любопытство и искреннее желание помочь, раз призвали на помощь. На морскую практику курсанты также были посланы на помощь.

Не теряя времени, руководители стали распределять людей по отделениям и бригадам. Группу Леонида, сформированную в институте вновь и в которой старосту студенты выбрали уже в вагоне, разбили на три части и расписали по комплексным тракторным бригадам. Восемь человек, среди которых были неразлучные Клещёв и Сугробин, попали на по-

левой стан в пяти километрах от центральной усадьбы. Девчонок из их группы объединили с остальными девушками и оставили в центральной усадьбе для очистки зерна на току.

На полевом стане кроме вагончиков, где жили «штатные» механики (трактористы и комбайнёры), шофёры и, прибывшие раньше последнего подкрепления из студентов, помощники, стояла большая палатка человек на двадцать, заполненная наполовину. В ней всех новичков и разместили. Коммунальные удобства были представлены большой бочкой с водой кубометров на десять, тремя умывальниками рядом с ней и дощатым сортиром в два очка в полсотне метров от жилья. Кроме жилья стояла отдельная стационарная столовая, сооружённая из саманных кирпичей, где новеньких сразу же накормили, сообщив, что будут кормить под карандаш с последующим расчётом из заработанного. То, что заработок будет, никто не сомневался. Без работы бригадир оставить не обещал, так как жатва не дошла даже до половины первой половины. И началась целинная жизнь, весёлая и грустная. Но больше весёлая. Не рассчитывая на баню и чтобы не завшиветь, Леонид и Анатолий постриглись наголо. И повариха стала ласково называть их уголовничками. За пять недель пребывания в бригаде Леонид поработал на всех должностях. Был прицепщиком, рулил жаткой на комбайне, сидел за рычагами трактора и даже поварил. Разве это не познание мира? Работы шли без выходных,

но не без отдыха. Отдых был, когда налетали короткие дожди. А иногда и при солнце. Солнце было ещё жарким. Рядом со станом был бурчей.²⁵ В русле вода появлялась лишь весной, но в двух омутах довольно глубоких, вода сохранялась всё лето. И в выдавшийся день и час все студенты собирались вместе и шли купаться, стираться и развлекаться. Иногда с вином. По вечерам, если хватало сил и было настроение, ездили в центральную усадьбу на танцы. Кроме студентов в совхозе работал большой женский отряд из уральского шахтёрского города Кизел.

Студенту Леониду Сугробину не спалось. Что-то толкнуло его в дремлющий мозг, и он открыл глаза. Через оконный клапан серел начинающийся рассвет. Палатка, как живое существо, вздрагивала и шелестела от лёгкого ветерка и храпа, вздохов и постанываний своих жильцов. Студенты досматривали последние сны.

Степь бескрайняя – не родимый дом...

Все студенты спят беспокойным сном.

Лишь один не спит – грустью мается.

А о чём грустит, не сознается, —

Неожиданно сочинил Лёнька куплет на мотив старинной песни «Очи чёрные». Хмыкнул, откинул одеяло и, пятясь задом, на четвереньках выбрался из середины тел, лежащих

²⁵ Бурчей – сухое русло.

на нарах вповалку, на проход между нарами. Потом нашёл свою одежду на вешалке у выхода, обул китайские кеды, заменявшие ему здесь рабочую и выходную обувь, и вышел из палатки. Стояла полная тишина. На востоке начинал розоветь край горизонта. «А теперь прослушайте песню «Алет Восток», – голосом китайского диктора из китайских радиопередач по главному радиоканалу Союза мысленно проговорил Сугробин и вскинул руки, покручивая их вокруг себя и потягиваясь. Потом провёл минутный бой «с тенью»²⁶ и пошёл по тропинке вдоль бурчая в бесконечную степь. Ему всё нравилось сегодня.

К началу октября на головах Анатоля и Леонида отросли ёжики, лица и торсы были не то что загорелые, а почерневшие до цвета мулата и задубевшие, как у ковбоя из Техаса. Уборка заканчивалась. Начинало появляться дембильное настроение, работали явно без надрыва. Отправляли студентов с целины также как и встречали, без митингов и благодарных речей. Урожай был неважный, как поговаривали бывалые хлеборобы с Кубани и Ставрополя – на бензин больше денег истратили, чем от собранного зерна выручатся. Студенты уезжали по группам. Денежный расчёт был простой, и когда всё за всё вычли, то оказался у них заработок как у работяг, изображённых Некрасовым в известном стихотворении «Железная дорога». Хорошо, что ещё должны-

²⁶ Бой «с тенью» – боксёрский термин, когда спортсмен ведёт бой с воображаемым противником, атакуя и защищаясь

ками не остались. Но кое—что студентам перепало. И на дороге в плацкартном вагоне и дорожную выпивку осталось. В Перми по возвращении с целины Леонид совершенно случайно ухватил в государственном магазине лётные меховые перчатки из тонкой коричневой кожи. с очаровательно мягким и тёплым мехом, перекрывающие запястье сантиметров на десять и застёгивающиеся не просто кнопкой, а ещё и ремешком. Эти перчатки ему долго напоминали о целине, т.к. жили они с ним и служили надёжно лет десять. Других положительных воспоминаний о целине у Сугробина не осталось. Полтора месяца в грязи и пыли без горячей воды для помывки. Сон на тюфяках без постельного белья, кормёжка при которой жить будешь, а любить не захочешь. Всё это вам не курорт для студенческих десантов при строительстве олимпийских объектов в Сочи.

Целина, отняв полтора месяца академического времени, сжала учебный процесс до ежедневных четырёх «пар» шесть раз в неделю. Запарившись на занятиях, по субботам Леонид с Стаськой Руденко, парнем из группы, пришедшем из сельхоза и жившим с ним в одной комнате, шли прямо из аудитории в баню и там парились часа два, выбивая из себя накопившийся за неделю стресс. В одной комнате с ними жили ещё Зосим Пахтусов и Евгений Крюков, Зосим, помор из Архангельской губернии, был постарше остальных, женат и имел сынишку. Крюков местный, из Добрянки, стоявшей на берегу Камского водохранилища в полусотне кило-

метров от Перми. Он любил добрянскую девушку и по выходным обычно уезжал. И оба банную компанию поддерживали крайне редко. Лёньку со Стасом это не обижало. Стас приехал в Пермь из далёкого южного города Фрунзе, столицы солнечной Киргизии из-за того, что в национальных республиках трудно было поступить в ВУЗ по причине национальной квоты, когда туземцев принимают практически без экзаменов и из малограмотных пытаются создать национальные кадры. Он с любовью и много рассказывал о Киргизии, о прекрасном климате в столице, о жемчужине востока тёплом озере Иссык-Куль, раскинувшимся среди гор широким морем на высоте 1600 метров над уровнем океана, о вечных снегах Киргизского Ала-Тоо, белым ожерельем окружающим город. О восточных базарах, напоминающих персидские сказки, о густом холодном кумысе, который наливают прямо из кожаных мешков – бурдюков киргизские женщины на этих базарах. Они заканчивали банный вечер распиванием четвертинки у шкафчиков в одевальне, закусывали кружком краковской колбасы с ржаным хлебом. И возвратившись к десяти вечера в общагу, засыпали здоровым сном честно отработавшего человека и спали до полудня. Отоспавшись, Леонид ехал в центр обычно один, т.к. в выходной общага пустела. У всех были налаженные и знакомые пути для отдыха. По дороге в центр, Леонид делал остановку у фабрики-кухни, в которую он попал по незнанию в первые дни жизни в новом городе, и где ему очень

понравилось. И где вкуснейшие борщи приносила очаровательная брюнетка официантка. И если столики, которые она обслуживала, были заняты, он терпеливо дожидался свободного места у неё, пропуская вперёд тех, кому было всё равно. И брюнетка Катя начала улыбаться ему, принимая заказ. И потом уже ехал в областную библиотеку, в читальный зал и прочитывал всю новую периодику. Вечером шёл в театр оперный или драматический или реже в кино. Он продолжал настойчиво образовывать себя, познавать мир и развиваться.

Леонид после двухлетней работы над собой в Ленинграде, морской практики и поездки на целину физически ощущал свой интеллектуальный рост и качество понятий о познаваемом мире. Его развитие сказалось естественно и на имидже. Если два года назад мальчик из глубинки приехал в большой город и сменил гражданскую одежду на форменку, это ещё ничего не обозначало в его интеллектуальном росте. На улицах он отмечал провинциалов по неуклюжим плащам, и ногам, обутом в полуботинки с галошами. А зимой надевавших боты «прощай молодость» и шаровары с начёсом. И это было его родное, кровное понятие, что так и надо, что так тепло и недорого. И продвинутая молодёжь, одетая броско, вызывающе и попавшая под непристойный огонь вседозволенной критики, его привлекала чисто теоретически.

Вернувшись с целины и прочувствовав, что стал свободным студентом, Леонид на сэкономленные деньги от работы матросом и целинником, выполнил экипировку в соответ-

ствии с критикуемой модой, своим познанием мира и интеллектуальным уровнем. Не так и просто было на небольшие деньги сделать это в далёком от столиц городе, но ему удалось купить прекрасные зимние ботинки из Чехии фирмы «Батя» на мощном протекторе и из самой, самой натуральной толстой кожи. К ним он купил китайские брюки из темносинего габардина, которые ему перешил в так называемые «дудочки» портной при общежитии. И ещё купил удлиненный пиджак из Болгарии неопределённого цвета, что-то коричневое с красным. Всю одежду он дополнил ярким галстуком с тоненьким узелком, а на голове летний ёжик превратил в шикарный кок. И стал Леонид точной фигурой, которые продолжали изображать во всех СМИ, и обзывали «стилягами». Но это его уже не смущало. Леонид познавал мир и развивался. И своим внешним видом показал, что встал на сторону стилига. Это было ещё совсем не безопасно. В стране продолжалась оголтелая борьба за чистоту нравов, против вредного влияния Запада, которое продвигали «СТИЛЯГИ». Была настоящая травля. Все СМИ, а комсомольская пресса особенно,²⁷ забросив насущные проблемы, обрушивалась ежедневно и ежечасно на молодых людей, которые на-

²⁷ Сугробин прочитал в местной молодёжке один раз целую поэму, высосанную местным поэтом из всей пятерни своих тощих пальцев и даже запомнил четыре строчки: «Пьёт кампания шартрез, пляшет буги – вуги. Через юбочный разрез ножка у подруги розовеет сквозь туман...» и т. д. «Ну разве можно обвинить в бездуховности кампанию, которая пьёт шартрез, а не денатурат?» – сказал он Клещёву по этому поводу.

дели брюки зауженные больше, чем у комсомольских вождей или сделали причёски полахматей, или кок начесали. Комсомольские райкомы и комитеты били в барабаны, воспитывали, угрожали, применяли санкции против всех, кто старался выглядеть не так, как прописано в инструкциях. Бедного «МИШКУ» миллионы раз обстригали во всей прессе, начиная от центра и кончая многотиражками предприятий и ВУЗов. А что было плохого в том, что парень или девушка хотели выглядеть модно, раз жизнь стала лучше. И появилась впервые после войны возможность это сделать. Да! Музыка и песни стали отходить от военной темы. Не всю же жизнь петь один синий платочек. Ведь до 55 года пела фактически одна Клава Шульженко под рояль. А «Мишка» – ну самая скромная песня, в которой, правда, ни слова не было про строительство Коммунизма и про заботу Партии о своём народе.

Но беспощадную борьбу с молодёжью не из-за чего Сугробин считал напрасной. Непререкаемая правильность любых действий партии и правительства и бесконечные напоминания о непрестанной их заботе о народе, давила на психику молодых людей, в которых по учебникам воспитали в советской же школе огромное самосознание своей личности, а не винтика. Борьба со стилистами потрясла страну. И молодые люди во всех уголках были разбужены этими репрессиями и заинтересовались. И как это обычно и бывает, встали на сторону обижаемых. Не пошли демонстрациями и массо-

выми правонарушителями, а просто последовали за «стилягами» в их внешней форме. И партия, и правительство, и комсомол долго не могли понять своего поражения, и отголоски борьбы слышались до начала шестидесятых.

Учёба, работа и другие дела не мешали студентам отдыхать и развлекаться. Где студент – там любовь. И уже не та школьная из восьмых классов, а настоящая. Некоторые заключали браки. От сессии до сессии живут студенты весело. Леонид в последние месяцы 1958 г. жил не очень весело, время проводил за самообразованием или отдыхал в компании с ребятами. Подруги в Перми у него не появилось, хотя девушки вниманием не обходили. Тому причиной была девушка Люда Буянская, покинувшая его навсегда. Студентка мединститута Люда Донжурина, землячка, которая ему нравилась в школе, очень удивилась, встретив его в Перми. Они провели тогда вместе весь вечер, расстались наполненные воспоминаниями, но будущего у той встречи не оказалось. И с девушками, которые хотели бы с ним дружить и целоваться, он танцевал на вечерах, а при прощании целовал только ручки. Это давало ему возможность ласково им улыбаться при встречах без обязательств. Среди знакомых девушек у Леонида были даже две молоденькие балерины, с которыми его и Володю Чашихина познакомил знакомый тромбонист из оркестра театра. Но сердце его осталось незатронутым. От этого бывало грустно, но ничего исправить Леонид не мог. Он был человеком судьбы. «Кисмет!» И оставал-

ся один. Анатолий, Стас Руденко, Володя Чащихин, школьный друг Клещёва, также оказавшийся в их сборной группе, постоянно увлекали его в свои круги, знакомя с девушками. Ему давно обрыдло быть ничьим, но фатальное равнодушие не покидало его.

В один морозный, ноябрьский и одновременно субботний вечер студенты Сугробин и Чащихин шли по главной улице имени Карла Маркса, помахивая балетками²⁸ и жизнерадостно болтали. Они перед этим выпили в забегаловке по сто граммов, и настроение было явно мажорное.

— А знаешь! — сказал Чащихин. — У моей маман сегодня день рождения и она с гостями гуляет. Отчего бы и нам не погулять. Тебя маман, как моряка заочно знает, а отец у меня самый компанейский.

— Отчего бы нет, — в тон Володьке ответил Сугробин. Ему до чёртиков надоела собственная тоска и он давно решил, что он не Виконт де Бражелон и не станет умирать как тот из-за своей возлюбленной, покинувшей его ради короля²⁹.

Квартира у Чащихина горела всеми имеющимися огнями и гудела всеми тонами голосовой гаммы. В зале стоял стол от стены до стены, уставленный разнокалиберными бутылками и невероятным количеством закусок. За столом гости

²⁸ Балетка – небольшой чемоданчик размером примерно 130x250x400, прообраз будущего «дипломата».

²⁹ Виконт де Бражелон, герой одноимённого романа Александра Дюма, сын мушкетёра Атоса.

сидели уже не чинным рядом, а кучками по интересам и все говорили громко, не слушая друг друга. Это означала, что вечер добрался до середины. На свободном пяточке две пары топтались под залихватскую песню бразильской группы «Фарроупилья».³⁰ Двое мужчин пытались запеть, но у них не получалось. В открытую дверь была видна часть кухни и трое мужчин в ней в густых клубах табачного дыма. Во главе стола под большой картиной, изображавшей речной пейзаж, сидела видная моложавая женщина и с довольным видом наблюдала за гостями. По выражению её лица было заметно, что праздник удался, и всё идёт как надо. Ребята скинули пальто и выдвинулись в комнату.

– Смотрите-ка, стилиги пришли, – крикнула женщина из танцующих пар и, оставив партнёра, пошла к студентам. – Сейчас «буги» врежем. – и ухватилась за Володю. Тот мягко освободился.

– С днём рождения, мамочка! – сказал Володя и прошёл вперёд с двумя белыми розами. – Это тебе от меня и Леонида. Помнишь, я тебе рассказывал о моряке из нашей группы.

– Спасибо, дорогой! – поцеловала сына мать, приняв от него цветы, которые Леониду с Володькой удалось купить в фирменном магазине, за пять минут до закрытия. – И ты, моряк, подойди. Я тебя тоже поцелую за цветы. И быстро за стол. – добавила она, поцеловав обоих.

³⁰ «Рио де Жпнейро. Приехал на карнавал. Забавнее столицы я в мире не видел».

Ребятам освободили место, поставили перед ними бутылку коньяка, и весь коллектив дружно выпил за молодёжь. А через минуту все о них позабыли и продолжили гулять по интересам. Ребята выпили ещё коньяку и предпочли всем закускам отлично поджаренный «цыплёнок табака». В голове у Сугробина заискрились снежинки, хотелось улыбаться и он улыбнулся сидящей напротив женщине. Она сидела одна. Возраст её, как определял Хэмингуэй,³¹ был от двадцати пяти до сорока. Женщина улыбнулась в ответ и подняла бокал

– За студентов!

Володку уже утащила весёлая дамочка, любительница буги – вуги.

– Нет возражений, – ответил Леонид.

– И у меня нет, – подхватил возвратившийся к месту Володя. И плеснул в рюмки оставшийся коньяк. – За прекрасных дам. – И выпив, добавил, обращаясь к Леониду, – Здесь в гостях в основном, все сослуживцы маман, фармацевты из аптечного управления. Знакомства очень полезные, если заболеешь чем-нибудь нехорошим.

– Не говори так, Володенька. И если будете держаться ближе к нам, то ничего плохого с вами не случится, – ответила ему «дама».

– Вот, Лёнь, держись ближе к этой даме, а я подержусь ещё за любительницу стилияг.

³¹ Эрнест Хэмингуэй. Роман «Фиеста».

Володя отошёл. В радиоле сменили пластинку, и мягкий тенор запел шлягер сезона про пчёлку и бабочку. «По лесам, по полям и лугам они парой летают...»

– Меня зовут Эмма, – сказала женщина, вставая и взмахом руки поднимая Леонида. – Потанцуем.

Крутились пластинки на радиоле, плескалось вино в бокалах. На Кубе Фидель Кастро добивал проворовавшегося и продавшегося США диктатора Батисту. На орбите земли вращались первые советские искусственные спутники. Студент Леонид Сугробин танцевал с непонятной женщиной едва её касаясь и мгновенно отстранялся, когда её высокая упругая грудь прижималась к нему. И пил с ней вино, и курил только что появившиеся в стране ароматные албанские сигареты «Диамант», осторожно поднося огонёк зажигалки к кончику её сигареты. Ему было весело и совершенно спокойно на сердце. О чём они разговаривали с Эммой в тот вечер, он и не помнил никогда. А вспомнил что уже полночь, когда гости, нетвёрдо держась на ногах, начали покидать праздничную квартиру.

– Ты оставайся у нас, – сказал Володя Леониду, когда тот взял пальто, – у меня в комнате раскладушку поставим и завтра догуляем.

– А кто меня в ночи на тёмных улицах сохранит, Володенька, – вмешалась появившаяся рядом и уже одетая для выхода Эмма, о которой в этот момент Лёня и не думал. – Какой он будет джентльмен, если не обережёт даму, которая

сделала его вечер красивым.

– Пожалуй, она права, – сказал смущённый Леонид. Он действительно не подумал, что чем—то обязан Эмме. Ведь он был просто мальчик на двадцатом году, ущемлённый предательством любимой девушки, а она взрослая... – Она права, Володя. Да и завтра гулянка уже не для меня. И знаешь притчу – «отец сына бил не за то, что пил, а за то, что опохмелялся.»

– Вот какой умненький мальчик, – сказала Эмма

– Да будет так! – сказал Володя и открыл дверь, выпуская Леонида с Эммой на площадку.

Мороз смягчился. Пали крупные искрившиеся в огнях фонарей снежинки. Городской транспорт уже отдыхал на своих ночных стоянках. Дорога к дому Эммы шла по пути к общежитию Леонида и часовая прогулка по ночному городу не смущала. Эмма надёжно взяла его под руку, и они неторопливо шли, чуть прижимаясь, друг к другу как влюблённые.

– И что же ты, студент, не захотел стать моряком!? Все самые красивые девушки считали бы за честь быть рядом с тобой...

– Вот из—за этого и ушёл. Не дожидаются красивые девушки моряков, – ответил Леонид и не почувствовал никакого укола внутри, которые сопровождали его при каждом упоминании о Людмиле. «Рассосалась боль, зарубцевалась трещина», – подумал он. И на следующий вопрос Эммы

неожиданно для себя рассказал ей всю свою историю любви и тоски. А когда закончил, Эмма обняла его и поцеловала.

– Милый мой мальчик. Такой ещё совсем юный и такие страдания и поступки во имя какой—то неизвестной, но счастливой женщины. – и снова поцеловала. – А вот и мой дом. Зайдём ко мне. Посидим, поговорим, кофе у меня отличный...

– Я не знаю, – неуверенно протянул Леонид, – я же совсем щенок и, дожидаясь Людмилы, не искал встреч с другими женщинами, не знаю, что сказать и как поступить.

Он не заметил, как у Эммы расстегнулась шубка. Эмма взяла его руку и прижала её к своей волнующейся груди и, прижавшись к нему, почувствовала его ответную реакцию.

– Пойдём, мой милый мальчик! Я расскажу тебе, что надо сказать...

Встреча с Эммой не изменила принципы жизни Леонида. Эмме было тридцать два года, и она металась от неустраиваемости. «Милый мальчик, – говорила она, обнимая его, – у меня к тебе материнская любовь. Я поняла твою светлую душу и дам тебе в твою большую дорогу запас любви и опыт жизни. Только ты не привязывайся ко мне как к любимой женщине. Ты не должен страдать от меня. Я сама всё чувствую и буду звать тебя, когда тебе или мне плохо. Я люблю тебя, мой мальчик...» И целовала как в последний раз, при расставаниях. И он стал сильнее и пошёл по жизни уверенней и был глубоко благодарен Эмме за это всегда.

VII

Новый 1959 год начался для Сугробина, да и для всех студентов института шикарным балом, длившимся два дня. Залы, коридоры, лестницы были обустроены как в сказке: кругом ёлки, ветки еловые, гирлянды, тайные фонари, сюрпризы. Наверное, такой шик был сделан руководством института для большего слияния и дружбы вновь созданного коллектива, в котором только первокурсники были студентами именно этого института. Леонид на целине перезнакомился с большей половиной студентов, размещённых в совхозе. Была среди них девушка из комитета комсомола, которая летом 57-го ездила в Москву на фестиваль молодёжи и студентов и не один вечер на целине просвещала его событиями фестиваля. И он получил от неё пригласительные билеты на оба дня и оттянулся до упора. И завязал массу новых знакомств.

Обучение – вид теоретических познаний на которых куётся специалист. Но студенческая общага это и жизнь, и сон, и дискуссионный клуб, и консультации по всем вопросам. И всё это по деньгам ничего не стоило. Учиться Леонид продолжал старательно, так как твердо решил успешно работать в промышленности и в науке. Как он успевал со всеми делами в тот год, Лёнька Сугробин впоследствии и сам не мог понять. Кроме общей учебной программы ему с Клещёвым

надо было дополнительно сдать экзамены по пяти дисциплинам, выполнить самим себе поставленную программу самообразования, включавшую литературу, музыку, театры. концерты, занятия спортом. Он продолжал много читать. В читальном зале института по вечерам задерживался допоздна, просматривая и прочитывая толстые журналы, начиная с «Иностранной литературы» и новые романы иностранные и отечественные. Была более или менее свободная пора. И в журналах и в газетах иногда позволяли себе редакторы помечтать в обзорных статьях. Для целостности продолжил занятия в духовом оркестре института и в секции бокса, которые начал ещё в Ленинграде. Оркестром руководил тромбонист из оперного театра. Леонид с ним подружился, и при посещении театра они дружески общались, курили и театрально сплетничали. И всегда Леонид старался быть бодрым, улыбающимся и не терять полноценное чувство юмора. Чем он жертвовал, так это кино и танцевальные вечеринки. Фильмов стоящих были единицы. А для танцев нужна была девушка, которую он в своей заикленности не искал.

Он познавал мир и развивался.

Оперный театр был заполнен зрителями на всех этажах. В партере господствовала местная творческая элита, чопорно раскланиваясь между собой и снисходительно оглядывая случайных и незнакомых. На остальных этажах публика была самая разношёрстная, различная по дореволюционной оценке. У Сугробина с Чащихиным билеты были на первом

ряду амфитеатра. Давался «Евгений Онегин» при бенефисе молодого тенора в роли Ленского. Бенефис друзей особенно не интересовал. В перерыве они курили в оркестровой курилке с тромбонистом и болтали ни о чём, т.е. о женщинах. Леониду понравилась балериночка, и он расспрашивал Максима о ней.

– Что о ней рассказывать!? Балеринками надо интересоваться в училище. Они там ещё не артистки, а школьницы. Они поддадутся. А в театре молодухи ищут мужей, и их на свободную любовь не подтолкнёшь.

– А меня студентка из училища кинула. Я с ней целый год дружил. А сейчас без девушки и у меня самые хорошие намерения на балерин, – сказал Чашихин.

– Студенты для серьёзных намерений им не годятся. На что ты будешь семью кормить? Но ребята вы видные. Найдём подходящий случай и познакомимся, – продолжил Максим. – Но я вам всё сказал.

Звонок прервал разговор, и друзья решили продолжить тему после сессии.

Бесшумно раскрылся занавес, открывая декорации, изображающие зимний лес, большую поляну и человека сидевшего на пеньке устало и задумчиво. В зале захлопали. Запели скрипки. «Что день грядущий мне готовит...», – запел человек, сидевший на пеньке. Это был бенефициант.

По православной земле России шагали святки. По ночам

в поднебесье и по земле шастали бесы и смущали добрых людей. Ангелы как могли защищали праведников, но православные обоюга пола пили вино, вкусно закусывали и веселились. Сугробин в читалке тяжело захлопнул книгу по гидравлике и посмотрел на часы. Восемь. По его графику учебники закрывались. Можно было переходить к беллетристике. Но внутренний голос отнекивался от навязываемой программы самообучения. «Ладно!» – сказал уже сам себе Сугробин, – поленимся сегодня. Видел объявление, что в актовом зале какой-то концерт. Туда и заглянем». Он защёлкнул крышку балетки и пошёл туда, где развлекают.

В актовом зале действительно был концерт самодеятельности. Людей, в основном студентов выступавшего факультета, было ползала. И всё шло достаточно заурядно, пока ведущий не объявил, что выступает Ольга Бельская. Раздались аплодисменты. На сцену вышла тёмноволосая девушка и запела известную арию из известной оперы.

«Ох, истомилась, устала я. Ночью и днем, только о нём...». Пела девушка хорошо, чувствовалась школа. Бурные аплодисменты были ей наградой.

Прослушав ещё несколько номеров, Леонид покинул зал, и шел по коридору, размышляя о том, куда ему податься, пока время ещё детское. Хорошо бы встретить друзей!? Но где их встретишь. Друзей надо было разыскивать, а где разыскивать было неясно. И увидел одиноко стоящую певунью и его вдруг повело —

– Извините, девушка. Я Вас видел на сцене. И не для меня ли Вы пели, не по мне ли Вы истомились. Я действительно долго пропадал в другом городе, прежде чем нынче появился перед Вашими глазами.

И прежде, чем она собралась его отчесать (а это было понятно по наполнявшимся яростью глазам), он извинился перед ней, сказав, что ему очень понравилось её пение, и она сама тоже очень понравилась. И попросил разрешения здороваться с ней при встречах. На что получил благосклонное разрешение, смог представиться и при прощании унести её приветливую улыбку.

Оля ему понравилась. Но было видно, что она кого-то ожидала, и он поспешил уйти.

– Я покидаю Вас унося в сердце надежду на скорейшую встречу для того, чтобы сказать Вам «Буэнос айрес, синьорита!» – сказал он и поклонился..

Она махнула ручкой и приветливо улыбнулась.

Спустя час он продолжал бесцельно идти по улице Карла Маркса, украшенной неярким светом немногочисленных неоновых вывесок и реклам. Ужин из двух сосисок и французской булки лежал в балетке, но ни есть, ни в тёплую постель ему не хотелось. Леонид остановился на площади у оперного театра и закурил. Навстречу ему по аллее шла молодая женщина в «стиляжьей» шубке и сапожках. Это была Оля. Она улыбнулась.

– Буэнос тардэс, синьорита!»! – поклонился Лёня.

– Где Вы изучили испанский язык? – спросила Оля.

– Это португальский. До сегодняшнего вечера, когда Вы признались, что истомились в ожидании меня, я готовился для профессии международных общений. И по полсотне слов меня обучили на десятке языков.

– У меня таких познаний нет, и я просто скажу «Добрый вечер».

– А я безумно рад, что, обозначавшаяся весьма туманно, наша встреча состоялась так быстро. Я шёл совершенно бесцельно и вспоминал, как Вы пели, и эти минуты между нашими встречами были наполнены Вами. Я почти ещё никого по настоящему не знаю в этом городе. Ещё и полгода не прошло, как я здесь появился. И сразу целина, и занятия выше макушки, да ещё самостоятельные самообразовательные программы, и до сдавать кое—что надо. На приятные знакомства никаких минут не остаётся.

– «Приятным знакомством» Вы называете встречу со мной!?

– Любой мужчина знакомство с Вами назовёт приятным. А я тем более, так как знаю, что Вы не только очаровательная девушка, но ещё и прекрасная певунья. Но я, конечно, далеко не первый, кто сказал Вам, что Вы очаровательны.

– Это так, но Ваши слова мне приятны, если они искренни, а не стандартный штамп человека, как видно, кое-что повидавшего.

– Кое-что я действительно повидал. Суровое море, к при-

меру; арктические льды, дворцы, музеи и театры Ленинграда. А больше ничего и я совсем ещё малообразованный провинциальный подражатель стилияг.

– Я тоже, пожалуй, подражаю, – отозвалась Оля.

– Тогда почему поёте грустные арии, а не лихие песни. Вам бы репертуар Лолиты Торрес, был бы бешеный успех. А так и арии грустные и сами в грусти от спетого. Наша подкорка остро реагирует на содержимое наших мыслей.

– Я грустный романтик по внутреннему содержанию.

– Вот и познакомились, – улыбнулся Сугробин. – Я тоже романтик, только оптимистический. И такой чудесный вечер знакомит нас.

Зимние вечера сами по себе романтичны. А это вечер просто зачаровывал.. Было не по-уральски тепло. Лёгкие облака не скрывали луну и опускали на землю редкие мягкие снежинки. Романтик разыгрался в Леониде.

– Хочется петь, – заявил он.

– Очень даже интересно.

Затуманилось к вечеру.

Снег кружит над землёй..

Не весной тебя встретил я,

А холодной зимой.

Ты такая красивая

В этот вечер январский.

Ты за смелость прости меня,

Из какой же ты сказки? (фольклор)

Он пел негромко, держал мелодию. Оля улыбалась. Мирное настроение, с которым она встретилась с Лёней на аллее, исчезло. Мир был добрым и надёжным с этим неизвестно – нечаянно возникшим парнем в её ауре. Оля жила с родителями в двухэтажном доме дореволюционного стандарта и постройки недалеко от городского сада. На прощании он поцеловал её пальчики, а она стукнула его по шапке перчаткой.

Двадцатилетняя девушка Оля Бельская, студентка третьего курса, готовилась к зимней сессии. Дома никого, кроме неё, не было. Она просмотрела собственные записи лекций, закрыла глаза для повторения текста зрительной памятью и, беззвучно повторяя технические термины, вдруг произнесла: «Буэнос Айрес, синьорита!» Произнесла и открыла глаза. На открытой странице тетради была крупно выведена формула с определённым интегралом и только. Никаких упоминаний о синьорите. «Надо же!» – встряхнула головой Оля, поднялась и подошла к трюмо, рассматривая себя во весь рост.

– Буэнос Айрес, синьорита, – произнесла она, делая реверанс перед зеркалом. – Буэнос Айрес, Аргентина. – И добавила, – вот ведь, чёрт, привязалось.

Студента Сугробина Оля помнила только несколько минут перед сном в день знакомства. Она жила насыщенной жизнью, в которой не было места случайным знакомым. Она

училась, музицировала и пела, каталась на коньках и была наполнена всепоглощающей любовью, как ей думалось. Только объект её любви находился в далёком лагере строгого режима. Они учились вместе с первого класса и дружили с того же времени, как только их усадили за одну парту. И влюбились друг в друга и любили, и ничто им не препятствовало. Но жизнь прожить, пусть это стандартно, действительно не поле перейти. На загородной прогулке, при переходе поля, юной парочке встретились подогретые алкоголем трое добрых молодцев. Двинули они её друга палкой по голове и поволокли девушку в кусты. Но не робкий оказался паренёк. Очнулся от удара, вынул из кармана складенёк, догнал, растягивающих на земле его девушку полужверей, и воткнул нож в шею первому, который держал Олю за ноги. Тот только хрипнул и повалился набок. А мальчик, не останавливаясь, с размаху полоснул второго поперёк испуганной хари, и кинулся за третьим, который отпустил руку девушки и бросился бежать. Залитая кровью порезанных сволочей, Оля беззвучно плакала, обняв белую берёзку. А потом приехала милиция, и всё закончилось как в плохом детективе. Складенёк был охотничьим с достаточно большим лезвием и первому насильнику, попавшему под удар, лезвие перерезало артерию, и он умер от потери крови. Второму нож рассёк лицо от правого виска через глаз и нос до левой скулы. Лицо было изуродовано, и глаз вытек. А изнасилования не произошло! То есть, вроде и драки не было, а было неоправданно жесто-

кое нападение психически ненормального на трёх спокойно отдыхавших на природе людей. Десять лет получил Олин паренёк. И она на суде поклялась, призвав Бога в свидетели, что будет ждать его. Что только он будет её мужем. Всё это случилось полтора года назад. Но этого Сугробин никогда не узнает. И, закончив институт, останется в полной уверенности, что женские поступки не для мужского понимания.

Буэнос Айрес, синьорита! Оля была молода, красива, романтична. Она поклялась выйти замуж за того милого, далёкого. И она сдержит клятву. И любовь переполняла её, но отдать её она своему любимому не могла. И томительно неосознанно ждала какого-то выхода и когда пела свой любимый романс – арию, то это была чистая правда. Истомилась она. Нерастраченная весна алым маком цвела в её груди холодной зимой.

Тебе двадцать, а мне восемнадцать...

Не года, а жемчужная нить.

Коль не нам, так кому же влюбляться?

Коль не нас, так кого же любить! (студенческий фольклор)

Оля пропела куплет громко, с чувством. Улыбнулась ещё раз себе в зеркало и решила поехать в институт, в читалку. «Буэнос Айрес», – пожелала она своему отражению.

Оля спустилась в гардероб главного корпуса и увидела Сугробина, прихорашивавшегося перед зеркалом. У него что-

то не получалось с высоким коком и он морщился.

– Привет, – сказала она Сугробину, появляясь рядом, – извини, я не успела выучить португальский и не знаю, как сказать «добрый день» по-португальски.

– Оля! – выдохнул Леонид. – Как хорошо, что я тебя вижу.

Было видно, что он действительно искренне рад встрече.

– Очень приятно видеть, что тебе рады.

– «Буэнос диас, синьорита». Я купил билеты в кино, специально для тебя. Американский фильм «Рапсодия» с какой-то кинозвездой в главной роли. В семь тридцать вечера в «Художке».

Оля собиралась сказать, что у неё дела, и она не может, но сказала —

– Хорошо. В семь часов у кинотеатра.

Молодая и красивая Элизабет Тейлор крупным планом на широком экране роняла натуральную слезу. Леонид посмотрел на Олю. Такие же слезинки выкатились из её глаз.. «Ох истомилась устала я...», – припомнилась ему грустная ария и весь её печальный образ в минуты знакомства. « У всех свои страдания в двадцать лет», – подумалось ему, и он легонько пожал Оле руку. Она посмотрела на него как-то виновато и улыбнулась, сжав его пальцы в ответ.

Фильм являлся мелодрамой среднего содержания, но всё было красиво, трогательно и Оля показалась Сугробину похожей на Элизабет.

– Ты похожа на Элизабет, – сказал он ей, когда они шли

после сеанса.

– Чем же?

– Такая же красивая.

– Не надоело. Вчера весь вечер повторял.

– Тебе что, надоело слушать.

– Нет.

– Тогда я тебя поцелую. – сказал быстро Леонид и также быстро повернул её к себе. Звук сочного короткого поцелуя раздался в морозном воздухе.

– Ну вот, теперь ещё и простуда на губах выступит, – задумчиво произнесла Оля, – вот тебе за это. – И также коротко и сочно поцеловала Леонида...

– Давно не целовалась, – говорила она, отрываясь от него. Они стояли в тени заиндевевшего старого тополя у её дома. – Но ты не задирай нос, не думай, что пленил с первого взгляда. Просто моё желание и ты сошлись в одно время в одном месте. И потому мы стоим и целуемся. А завтра, возможно, я и замечать тебя не захочу.

– Но это будет только завтра, – ответил Леонид и привлёк девушку к себе.

Начало Нового 1959 год отметилось внеочередным XXI съездом КПСС. Он не был нужен ни партии, ни народу. Он был нужен лично Хрущёву, чтобы затвердить его победу в борьбе за власть. Берия был уничтожен, Жуков уволен на пенсию, антипартийная группа рассеяна, Булганин отодвинут, Ворошилов пришипился, и из-за спины нового во-

жды не вылезал. На экранах телевизоров повторялся часовой ролик «Наш Никита Сергеевич». Как не радоваться, как не блистать. Верный ленинец во главе Ленинского ЦК. Смято сталинское административное устройство. Заменены пятилетки на семилетки. Вместо обычных скромных исполкомов введены советы народного хозяйства – СНХ. Тут-то народ и прихватил нового вождя. Что такое СНХ? Стране Нужен Хозяин. Где взять? Читаем с обратной стороны ХНС – Хозяин Нашёлся Сам. Кто? ХНС – Хрущёв Никита Сергеевич. Съезд аплодировал новому хозяину. Народ подсмеивался. Через три года в стране были введены хлебные карточки (талоны)

Сессия началась 30 января и прошла блестяще для Сугробина, как никогда. Он все пять экзаменов сдал на отлично, обрубил хвосты, похвастался успехами попавшейся навстречу Бельской, сказал ей, что его не будет две недели, и уехал в лыжный поход по Южному Уралу. Бельская только и успела крикнуть вслед: «Скажи, как по-португальски «Прощай навсегда!» Лёнька не слышал. «Балбес!» – обругала его Бельская, но почему-то ей стала грустно на мгновение.

Всё началось с Женьки Крюкова. Группа сдавали гидравлику. Это был третий экзамен. Сугробин подошёл на экзамен к середине дня, и болтал ни о чём с Крюковым, дожидаясь своей очереди на вытягивание билета. И вдруг тот спросил:

- Слушай, а ты умеешь ходить на лыжах?
- Даже с крутых горок могу».

– Так это как раз и надо! – почему-то обрадовался Женька. – Понимаешь, тут группа собирается в лыжный поход по южному Уралу. Деньги на проезд и питание выделены профкомом. Юрка Балутин (студент с нашего курса) руководитель, пригласил меня и просил найти ещё пацана для полного комплекта. С железной дорогой 12—15 дней».

Как жителя континентальных равнин, Сугробина всегда привлекали море и горы. Море он повидал. Потому, не задумываясь, сказал, что согласен и начал собирать рюкзак. Сессия была сдана. Спортивная группа из одиннадцати человек (три девушки и восемь ребят) собралась в свободной аудитории для знакомства. Каждый получил от руководителя деньги и список продовольствия, который он должен был купить и уложить в свой рюкзак. Рюкзаки и спальники были взяты напрокат в турклубе. Потом на физкафедре получили лыжи с ботинками и разошлись, чтобы на завтра быть к шести вечера на вокзале. Группа туристов боевая к шести вечера подтянулась к вокзалу с набитыми увесистыми рюкзаками и лыжами. У девчонок на ногах были валенки, ребята обулись по готовности к немедленному становлению на лыжи в кожаные лыжные ботинки. Когда все собрались, командир вынул кинокамеру 16 мм, построил всех в ряд перед светящейся вывеской вокзала, провёл по группе неторопливой очередью стрекотавшей камеры и произнес проникновенную речь, что он за нас в ответе, и мы должны его неукоснительно слушаться и не совершать глупых поступков. Все послушно за-

кивали и пошли на посадку. Путешествие началось. Все вагонные поездки почему-то начинаются с еды. И едва поезд тронулся, как Крюков заявил —

– А не начать ли нам путешествие с ужина. Глядишь, и рюкзаки полегче станут Некоторые потянулись к рюкзакам.

– Стоп! – сказал Балутин. – Кто у вас командир и кого надо слушаться. Попрошу внимания. Для начала назначим завхоза. Предварительно у меня был разговор с Людмилой.

– Это я, – сказала крупная девушка, чуть приподнявшись с места.

– У неё не было времени в институте и потому она начнёт свою работу сейчас. Я ей передаю списки, по которым вы все приобрели еду, она будет распоряжаться, что выдать для уничтожения и когда. А у кого когда рюкзак полегчает, это уже как в картах... И ещё. Кинооператором похода буду я, штатными фотографами Крюков и Сугробин; медбратом и хранителем медикаментов будет Слава Кириллов. А сейчас пусть завхоз посмотрит, что она может вынуть из своего рюкзака на ужин.

Получив команду командира на ужин, завхоз оперативно распорядилась, и все дружно принялись за профсоюзную пищу. Путешествие наше должно было пройти между Уфой и Челябинском через горы южного Урала, через города Юри-заны, Бакал, Сатка и др., было 1-ой или даже 2-ой категории сложности, т.е. самыми низкими в градации туризма. Никто

в категориях, кроме руководителя Балутина не разбирался. И никто не был в настоящих горах и всем равнинникам было любопытно: какие они эти горы и высота высшей горы южного Урала в 1638 м с загадочным названием Яман-тау, вдохновляла. Уже потом, бывая на восхождениях в горах Кавказа и Тянь-Шаня, и, разглядывая в упор Ключевскую сопку на Камчатке или оглядывая Кавказ с Эльбруса, Леонид понял всю притягательность гор.

После еды все засопели, немного поболтали ни о чём и разлеглись по полкам, благо вагон был полупустой. Сугробину показалось, что он только закрыл глаза и тут же услышал голос проводника, попросивший подниматься – уже Свердловск. В Уфу кратчайший путь лежал через Свердловск, Челябинск. В Челябинске группа села на московский поезд и сошла на намеченной станции уже в Башкирии. По команде туристы построились в две шеренги, и вышли пехом на край посёлка. Там встали на лыжи и пошли по маршруту. Маршрут прокладывал Балутин по фотокопии карты – десятикилометровки. И как было сказано при распределении обязанностей – кинооператорскую работу взял на себя Балутин, фотографами работали Крюков и Сугробин.

Шли полями, лесами, буграми. Очень часто бугры совмещались с лесом. Но какая бы не была местность – всегда шли по целине. Первый прокладывал лыжню, остальные за ним. Непростая это работа и потому первого регуляр-

но меняли метров через пятьсот. Рюкзаки давали, что называется, «прикурить». В день делали километров до тридцати, но в первый день прошли не более двадцати. Шапчонки мокли от пота, глаза слезились и любоваться ландшафтами начали лишь на третий день. А первые километры были очень смешными, но безмятежно смеялись только когда уже сидели в поезде, отвозившем назад. Сначала начали вытягиваться ремни у рюкзаков и смещаться плохо уложенные банки, кидая туристов сбоку набок и с ног долой. Упавший головой вперёд, накрывался рюкзаком и только мычал залепленным снегом ртом, призывая на помощь. Встать самостоятельно было невозможно. Через несколько часов под незлобные насмешки Балутина и, призывая на помощь накопленный за предыдущую жизнь юмор, измотанные борьбой с природой и собственным неумением, начинающие туристы – лыжники встали на ночёвку в сельской школе. В сторожке была печка с плитой. Ночевали всегда в населённых пунктах: в школах, в красных уголках, иногда и у гостеприимных селян.

– Кто умеет готовить? – спросил Балутин.

Тяжёлое молчание было ему ответом.

– Тогда так, – сказал наш командир и вынул блокнот, – я ещё в поезде всё наметил. Каждый день трое в наряде: одна девушка и двое ребят. Меню на сегодня – суп макаронный с тушёнкой, колбаса «Любительская» с отварной картошкой и какао.

Первыми в наряде оказались Крюков с Сугробиным и хотушка Алочка с их курса, но из другой группы.

– Ну вот, Алочка, – хмыкнул Крюков, – не было никого и вдруг у тебя сразу два мужика. Теперь на какоа гадать будешь, кого выбрать...

– Картошку чистить умеешь, – спросила Алочка Сугробина.

– Приходилось.

– Тогда бери продукт и чисти. На одиннадцать человек по двести граммов на человека. В общем, два с половиной килограмма очищенного и вымытого картофеля с тебя. А тебе, балабоша, – повернулась она к Крюкову, – принести дрова, растопить печь, принести воду два ведра и...

– Хватит, хватит, – замахал руками Женька и, накинув куртку, выскочил на улицу за дровами.

От сытной и вкусной еды все повеселели и тяжёлый маршрут показался просто забавным. И Крюков, укладывая чисто вымытую посуду, заорал что есть мочи, напугав местного kota —

Где бронепоезд не пройдёт,
И танк свирепый не промчится.
Студент на пузе проползёт
И ничего с ним не случится.³²

³² Студенческий фольклор из жизни в военных лагерях. В те годы военные кафедры направляли студентов после второго и четвёртого курса на стажировку в воинские части сначала солдатами, а потом офицерами.

Горная страна Урал в своих средних и южных областях не обладает величественными цепями хребтов с острыми пиками, сверкающими вечными снегами. Всё равнинно мирно. По домашнему бегут цепочки холмов, пересекающиеся шоссе, просто дорогами и тропинками, проложенными без особых затруднений в нужных человеку местах. И местное население горцами назвать никак невозможно. Стоят деревеньки на ровных местах по берегам речек и ручейков, бороздят трактора по плодородным землям, в рудниках копают руду. Золото только никто уже не ищет. Но для равнинного человека всё это необычно и красиво. И стрекотала кинокамера, и щёлкали затворы фотоаппаратов.

О принадлежности к горной стране Южный Урал напоминает горой Яман – тау и её окрестностями. Поход тургруппы официально обзывался, как поход по горному южному Уралу. И группе предстояло покорить гору Яман – тау без предварительной подготовки. Ближайшее село, куда группа подошла к вечеру и остановилась у гостеприимных хозяев, от горы было в 18 км. Весёлый разговорчивый хозяин пятистенки, хватил стаканчик самогонки, видимо ежедневный, весь вечер вёл разговоры «за жисть», и рассказывал байки про гору Яман – тау. Засиделись, но утром встали пораньше, в темноте, и вперёд. Восемнадцать вёрст и всё дорога в гору. Километров десять в темноте и утренних сумерках шли по автотракторной заметённой позёмкой колее. Потом трас-

са закончилась, и пришлось тропить след по просеку между соснами и берёзами. Километра за три до вершины лес исчез и гора нарисовалась в утреннем солнце заснеженным, ровным огромным бугром. С высоты покорители оглядели окрестности и признали, что Урал – страна горная. Во все стороны в горизонт уходили цепочки гор, покрытые лесами. Дул ветер. За полкилометра до каменного тура, фиксировавшего высшую точку, идти на лыжах стало трудно, и воткнув их в снег кучкой, туристы покорили вершину пёхом, проваливаясь в снег до пояса. Было очень свежо, но командир забрал записку в ящичке, прижатом камнями, и положил свою, удостоверив, что в такой-то день, в такой-то год, преодолев необычайные трудности, недоедая и недомогая, отважная группа туристов в составе... покорила вершину. И кинофотосъёмка, запечатлевшая исторический факт.

Короткий зимний день восторженные туристы растратили на празднование победы. Спустившись с горы в лес, развели большой костёр, сделали чай. Каждый получил по банке тушёнки. Обед закончился мороженым из сгущёнки и снега. И все чему-то радовались и не заметили, что стало смеркаться. И удивились, когда наступила темнота.

– Ребята! – сказал командир. – Лыжня проложена. Никто с неё не сходит, от видимости переднего не отрывается. И не падать. Впереди идёт Кириллов, я последний. Вперёд.

Восемнадцать километров и всё под гору прошли за полтора часа. У дома нас встречал всё такой же, как и день на-

зад, весёлый хозяин.

– Ну, слава Богу, вернулись. А то я забеспокоился. Давайте-ка за самовар. Хозяйка токо что раздула.

Так и вышли туристы на железную дорогу к поезду Москва – Челябинск, сели в вагон и в родные края снова через Челябинск, Свердловск. И никто из них не прочувствовал, что они находились совсем рядом от государственного ядерного центра, где создаётся советское ядерное оружие, где произошла авария и выброс радиоактивных составляющих в окружающую природу. Последствия этой аварии продолжают разгребаться и в XXI веке. Через неделю после возвращения командир проявил плёнки и представил фильм на обозрение. Все получили значок «Турист СССР». Сугробину он нравился и он носил его пока не получил значок «Альпинист СССР».

После турпохода Леонид поехал в Горький на пару дней. Его старший брат после учёбы в Ленинграде распределился в Горьковское предприятие и работал начальником поисковой партии, пропадая с мая по октябрь в тайге в восточных районах страны, обрабатывая материалы экспедиций зимой в тёплой конторе с тёплыми туалетами. Он и зазвал братишку посетить его. Жил он на квартире вместе с тремя сослуживцами в одной комнате двухэтажного частного дома на Казанском шоссе. И их коллективная жизнь ничем не отличалась от студенческой. Рядом с ними на втором этаже ещё жило несколько квартирантов женщин и мужчин. Так

что когда Леонид заявился субботним вечером – у них в доме было весело. Лёня выглядел цивилизованно, и его приняли хорошо. Зимний город впечатления не произвёл. Кремль с низкими башнями, засыпанными снегом, выглядел угрюмо. Но зимой и Ленинград не сверкал красками, а из окна десятого этажа выглядел совершенно ужасно крышами домов XIX века, заставленными бесчисленным частоколом труб, чердачных окон и всевозможных уродливых надстроек, покрытых грязным от копоти снегом. Поэтому Леонид к виду города не придирался. Брат и его друзья жарко приглашали Лёню распределяться на работу в Горький. «Надо дожить», – отвечал он.

Ольга Бельская и Леонид Сугробин учились на разных факультетах и в смутный период становления института время сессий и каникул у них не совпадали. Он сдал сессию и отвалил в турпоход, а она училась. Потом она заметила, что группа из похода вернулась, а Сугробин не объявился. Она говорила себе, что он для неё никто и злилась, что думала о нём. Он тоже не забывал о ней, но был поход, была необходимость съездить к брату в Горький. Родителей навестить не удалось, и от этого ему было неудобно. Но пока он ехал из Горького в Пермь, сумел написать Ивану Макаровичу длинное письмо со всеми подробностями прошедшего отрезка жизни и успокоился. Вернувшись в институт, Леонид первым делом нашёл Бельскую и, не позволяя ей рассердиться, объявил, что через три дня ему исполняется двадцать лет.

– Так! – сказала Оля. – В общагу к вам я не пойду. На ресторан денег у тебя нет. Какие у нас ещё варианты?

Сугробину было грустно, грустно.

– Не грусти. Придёшь ко мне, и будем пить чай с пирожными.

– Отлично, Олинька, – сказал Сугробин и пришёл к Оле с тремя розами и бутылкой шампанского.

Весной в середине мая брат Сугробина, Валентин Иванович, следуя со своей партией через Пермь на Северный Урал со штаб – квартирой в Верхотурье,³³ пригласил телеграммой Леонида встретиться на вокзале. На станции Пермь П поезд стоял полчаса. Лёня встретил брата на перроне с фотоаппаратом. Фотик был неразрывен с Леонидом везде и отмечал все события его жизни. Портативный, с убирающимся объективом, он без футляра легко и незаметно ложился в карман пиджака. Но на перроне какой-то железнодорожный чин велел убрать фотик и не снимать. Тогда братья занялись другим делом. На перроне от ресторана стояли столики с борщами и прочим, чтобы пассажиры с поездов могли основательно подкрепиться. Тут же можно было заказать и водочки. Старший брат заказал по сто пятьдесят и по бифштексу. Когда приели бифштекс, попросил повторить водочку. Поезд шёл по горнозаводской линии и впереди была станция

³³ Старинный город на севере Свердловской области. В XV – XV1 веках главные ворота Московии в Сибирь.

Пермь 1. «Поедем до Пермь 1», – пригласил старший младшего в вагон. На станции Пермь 1 поезд стоял ещё десять минут, за которые братья успели сбегать в буфет и опрокинуть ещё по соточке. Было совсем весело, и Лёнька решил ехать до Мотовилихи. Там поезд стоял всего две минуты и старший, выпрыгнув для прощания на насыпь без перрона, едва залез обратно. «Нацеливай на жизнь в Горьком!», – крикнул он из дверей на прощанье. «В Горький!?» – пробормотал Лёнька, – мне бы до общаги суметь добраться.

Лёнька стоял на углу возле дома Эммы и обнимался со столбом, когда Эмма его и заметила.

– Мальчик мой! Где же и по какому случаю, – отрывая его от столба, спрашивала Эмма.

– Бра... та в..стре..чал и п... проводил. Я..я его лю..у..блю. И тебя лю..у..у..блю.

– Пойдём, мой мальчик, сейчас в ванну тебя уложу, отмокнешь. Хорошо, что я во время тебя перехватила.

И Лёнька, отпустив столб, ухватился за Эмму, и ему было хорошо в её ласковых руках.

Анатолий Клещев сдал весеннюю сессию и захандрил. «Натура у тебя хандровая, вот и хандришь», – говорил ему Лёнька, пытаясь вытащить приятеля из дома, где он засел с трёхлитровой банкой разливного пива. – Пойдём со мной на боксёрскую тренировку, тебе морду немного почистят и настроение от злости поднимется.

– У тебя под глазом ещё желтизна не прошла. Таким красавчиком две недели ходил, – вяло отбивался Анатоль. – А моя хандра оттого, что я личность. И эту личность власти институтские собираются ломать. Слышал слухи, что вместо каникул наш курс на строительство лабораторного корпуса собираются поставить. Я за три года после школы ни разу и не отдохнул, как положено по конституции. А в конституции написано – всем трудящимся ежегодный оплачиваемый отпуск.

– Ты же не трудящийся, а учащийся.

– У нас каникулы должны быть полноценные. Чтобы студент был здоровым и не задумывался о том, что вливающиеся в него знания переполнят его, и он лопнет, не доучившись. Я когда тебя уговаривал ехать в Пермь, то в поход на Чусовую приглашал. И в верховья Камы, и на северный Урал. Рыбачить, охотиться, природой любоваться, душой оттаивать. А тут, мать их. Договорились бы с милицией, насобирали бы фланирующих по улицам стилиг сотню, дали бы им по пятнадцать суток и лопаты в руки. Да пей лучше пиво, не заводи.

– У меня тренировка в два. Завтра колотушка на закрытии сезона.

– Брошу я этот институт, – вздохнул Анатоль и хлебнул большим глотком полстакана пива. – И стихи писать брошу. Отнёс в молодёжку два десятка нисколько не хуже той шушеры, что печатают. Даже поговорить не пригласили, вернули почтой. «Сыроваты Ваши стихи, нет гражданственности.

Советуем изучать жизнь...» Наверное, им надо, чтобы я написал что-нибудь такое, как «студент в каникулы на стройке бесплатно строит коммунизм. Держать лопату по-геройски его пять лет учил марксизм», – он бросил на стол исчёрканный листок.

– Ну и чего переживать. Сам же сказал, что печатают шушеру. И потому никто из пишущих шушеру в историю не войдёт.

– Всё равно работать в каникулы не хочу. Практику пройду и уволюсь. Поеду в Свердловск, в УПИ³⁴

– Думаешь там в студентов по-другому идеи коммунистического строительства вдувают. Везде одинаково. «Наш паровоз лети вперёд, в руках у нас винтовка». И я ничего против этого не имею. Без винтовки многие дела не сделаешь.

– Ничего не думаю, но работать подсобником не хочу.

Весенний семестр прошёл легко по накатанному ритму. Спортсмен Сугробин выполнил в апреле гимнастические нормативы на III разряд. И в середине этого же апреля тренер по боксу отобрал команду и повёз её на дружеские бои в Закамск. В лёгком весе первый официальный бой провёл Леонид. «Победу по очкам одержал Леонид Сугробин!», – объявил рефери и поднял вверх Лёнькину правую руку в перчатке. В мае ещё три боя с новичками на межвузовских соревнованиях. Ещё три победы и в послужном списке появилась запись, присвоен третий разряд. Тренер,

³⁴ Уральский политехнический институт

маленький преподаватель с факультета физвоспитания пединститута, с перебитым носом, негромко говорил ему, поздравляя с первой спортивной ступенькой: «У тебя пойдёт. Сноровка есть. Удар отработаем нокаутирующий и в бой на разрядников. Выпивкой постарайся не увлекаться». После последнего боя Лёнька заявился в институт с горящим ультрафиолетовым фингалом. Бельская, встретив его в коридоре, отскочила к другой стене и закричала: «Не подходи ко мне, хулиган! Пока не смоешь – не подходи». «Шрам на роже, шрам на роже для мужчин всего дороже», – отозвался улыбчивый Лёнька, но Бельской уже и след простыл. С этой девушкой студенткой у студента Сугробина складывались очень непростые отношения. Они, бывало, целовались в институтском скверике на глазах у всех. И также, принародно, не замечали друг друга на другой день. «Не из-за чего» по Лёнькиным понятиям.

Вот и сейчас!? «Не подходи!» А они собрались съездить в Воткинск на родину Чайковского. Видимо и поездка не состоится. Ему казалось, что никакого влияния он на неё оказать не может. Если она хотела его любить, то любила. А не хотела, то «не подходи, хулиган». И все дела. Звони не звони – не отзовётся.

Был май. А ещё в далёкие времена было подмечено, что когда всё становится «голубым и зелёным, то от любви не уйдёшь никуда...»³⁵ В сквере перед оперным театром буй-

³⁵ Строчка песни из к-ма «Сердца четырёх» довоенного производства. С Ва-

но распустилась сирень и белым дымом полыхали яблони. Сугробин с «фонарём», прикрытым светозащитными очками, и Чашихин сидели на скамейке перед театром и ждали балеринок с репетиции. Тромбонист Максим выполнил обещание и познакомил их с двумя подружками из кордебалета.

– Ой, ой! Страшилище-то какое! Настоящий Верлиока³⁶, страшилище одноглазое, – закричали в унисон подбежавшие девушки в лёгких нарядных платьицах – сарафанчиках.

– И кто же это тебя, миленький? – спросила Галочка, симпатизирующая Лёне.

– Он с хулиганами подрался, – защищая незнакомую девушку, – высунулся Чашихин. Лёнька показал ему кулак.

– А может он сам хулиган!?! – засмеялась её подруга с лермонтовским именем Бэла.

Ребята встречались с ними только раз в официальной обстановке и обе стороны мало знали друг о друге.

– Ладно, девочки, успокойтесь. Лёня у нас боксёр. Только что разряд получил и фонарь в придачу, – пояснил Чашихин.

Все засмеялись.

– Ой, а мы устали. Вы же знаете, что «Жизель» готовится к закрытию сезона и с ней на гастроли. Постановщик из Москвы. До судорог замучил.

– Тогда в кафе – мороженое. Будем ваши ножки мороженым массажировать, – включился Сугробин, и все весело от-

лентиной Серовой в главной роли

³⁶ Персонаж детской сказки.

правились в кафе.

– А знаете, девчонки, – болтал Володька, постукивая ложечкой по пустой уже вазочке, – если Галочке этот парень с фингалом не по вкусу, то я найду другого, без фингала.

Балеринки смеялись.

– Мы и сами найдём, – сказала Бэла. – Только на что нам будущие инженеры с зарплатой в 900 рублей³⁷. У меня мама смеётся, когда папа свою получку ей отдаёт. Если бы мама завмагом не работала, то на что бы жили...

– А кто вас, миленькие, после тридцати восьми лет, когда вас на пенсию в пятьсот рублей спишут, кормить будет!

– А мы заслуженными станем.

– Володя, – сказал Леонид, – не для наших плантаций эти ягодки. Принеси, пожалуйста, ещё всем по чашечке сливочного с сиропом и пусть мы им будем как запасной аэродром, пока они не выйдут замуж за полковников или не станут заслуженными и народными.

– К мороженому с сиропом ещё бы шампанского, – мечтательно проговорила Бэла, а Галя в тон ей улыбнулась.

– Отлично, – сказал Володя, – они согласны и все расходы на сегодня за мной.

– Ура студентам! – хором воскликнули балериночки.

– И чего я на Сугробина фыркнула. Подумаешь, синяк под глазом. Пусть другие думают, что ему по пьянке доста-

³⁷ Цена валюты до хрущёвской реформы 1961 года. Была 4 рубля – 1 доллар.

лось.³⁸ Я же знаю, что это не так. И он же мой парень и я его люблю. Но синяк совсем некстати. Теперь в Воткинск, в музей Чайковского с таким синяком нам ехать нельзя. И нужен ему этот бокс. Правда, парень должен быть сильным. Не всегда же ножом резать! – размышляла Ольга Бельская у себя дома и последняя, нечаянная мысль кольнула её в самую глубину сердца, остро напомнив трагедию и беду защитившего её несчастного друга. Он как-то стал затуманиваться, расплываться после начала её любви с Лёньюкой. Они с Лёньюкой стали близки в его день рождения, состоявшийся через несколько дней после его возвращения из Горького, куда он уехал, не повидав её после похода. А она ждала его возвращения, удивляясь самой себе. И когда он появился и сказал, что ему через четыре дня двадцать лет, она пригласила его к себе. Он принёс шампанское. Родителей не было. Они танцевали под радиолу, любуясь собой. Он ласково её обнимал и целовал волосы.

– Странно, – сказала она, – всего фактически несколько дней, как мы знакомы, а я совсем, совсем твоя...

³⁸ В СССР пьянство общественно осуждалось. И правильно. Но в обиход вошла сначала в шутку, а потом всерьёз условность о том, что любая травма на лице у мужчины результат пьянки. А любое требование, например, в магазине встречалось персоналом криком: «Пошёл вон, пьянь. Ещё права качать будет». (Прим. автора) В СССР пьянство общественно осуждалось. И правильно. Но в обиход вошла сначала в шутку, а потом всерьёз условность о том, что любая травма на лице у мужчины результат пьянки. А любое требование, например, в магазине встречалось персоналом криком: «Пошёл вон, пьянь. Ещё права качать будет». (Прим. автора)

– «Ты моя, сказать лишь могут руки, что снимали чёрную чадру...»³⁹, – ответил он словами поэта.

– Такними....

Она не забывала своего друга и обещалась дожидаться его. Но монашеский обет не давала. И всё же совмещённые мысли о двух близких ей мужчинах замутили чистоту её размышлений о Сугробине.

– Может это случайность, наваждение или как солнечный удар!?! Пусть побродит со своим синяком один, а я, может, отойду от этого угара, – сказала она сама себе и чёрная грусть окутала её.

Весенняя сессия. 1959 года закончилась 30 июня. Учился Леонид старательно, а сдавал в этот раз не блестяще. Но экзамены это и лотерея, и настроение преподавателя, и твоё личное настроение. Отличная оценка была у него всего одна. Но поскольку стипендию давали всем успевающим, то огорчений из-за трояков тоже не было. Тройки были оценкой настроения, а не знаний. Леонид знал, что все предметы он знает на очень «железные» четвёрки. И понимал, что предмет изучил и мог применить полученные знания на практике. А отличную оценку он получил, готовясь к экзамену под оперу «Кармен». Он был в общаге один и перечитывал конспекты. Негромко звучало радио, создавая фон. И вдруг диктор объявил: «Внимание! Начинаем передачу оперы Ж. Би-

³⁹ Строки из стихотворения С. Есенина (Цикл – Персидские мотивы.)

зе „Кармен“. Партию Хозе исполняет Марио дель Монако, партию Кармен Ирина Архипова». Это было нечто и незабываемо. Леонид все три часа передачи сидел в блаженном состоянии. А после ему показалось, что повторять ему ничего не надо и утром вошёл на экзамен в первой тройке и получил «отлично».

В зачётке стояла печать и запись о том, что имярек переведён на четвёртый курс. Все долги по до сдаче экзаменов были закрыты. Сугробин выдержал самим придуманный не простой жизненный экзамен. Далее предстояла нормальная учёба без перегрузок и начиналась она заводской практикой по технологии металлообработки. Леонид с десятком ребят из группы был определён на механический завод оборонного министерства. Он не имел никакого названия и просто был «Механический завод п/я (почтовый ящик)». В обозначенные годы все чем-то связанные с оборонными заказами предприятия, даже швейные, выпускавшие вещмешки для красноармейцев или обмотки, были в целях сохранности государственной и военной тайны, обозначены номерами. У предприятия был забор, была проходная, в которую входили и выходили люди и всё. И жившие рядом граждане, если не были любопытными, не знали и не подозревали, что за этими проходными происходит. А если человек на вопрос «где он работает?» отвечал, что на «почтовом ящике», то его более никто не расспрашивал, чтобы не иметь неприятностей от своего любопытства. Этот режим секретности

в стране победившего социализма был оправдан. Враждебное окружение никогда не скрывало своего интереса к тому, где и что в Советском Союзе делается. Завод располагался вблизи университета и был незаметным, не шумел на весь город своими турбинами, а спокойно выпускал для народного хозяйства механическую мотопилу «Дружба», а в момент практики – комплектующие узлы для самолётов КБ Антонова. Студентов оформили самым настоящим образом: сфотографировали в заводской фотографии, вклеили эти фотографии в фирменные пропуска, а пропуска вложили в специальные ячейки в проходной. И каждый должен был нажать кнопку с номером своего пропуска и пропуск выкатывался прямо в руки военизированного охранника, который внимательно смотрел на фотографию и на имярека и, убедившись, что фотография напоминает оригинал, открывал турникет.

В выходной день во время июльской практики Клещёв, Чащихин, Сугробин и Руденко в строго мужской компанией рыбачили с плотов на Каме. На мальчишник не пришли Зосим Пахтусов и Женька Крюков, сославшись на дела, более важные. Огромные плоты пришли с верховьев и стояли связанными у левого берега между железнодорожным мостом и речным вокзалом. По руслу реки проходили белоснежные теплоходы. С них звучала музыка. Ребята притащили найденный на берегу лист железа, развели на нём небольшой огонь и пекли пойманную рыбёшку. Плоты покачивались от набегавших волн и скрипели. Солнце стояло в зени-

те, было жарко. Устав вылавливать рыбку, ребята купались, загорали, травили анекдоты. Обыкновенный крымский портвейн «Три семёрки» способствовал добродушному настроению. Рыбка для закуски подходила мало, и ребята закусывали консервированными крабами в собственном соку и мягким батоном.

– Скоро, похоже, и крабы кончатся, – проговорил Стасик Руденко. Ему в этот раз было поручено купить вино и еду. – Спросил продавщицу, чем бы закусить бедным студентам. А она говорит, что ничего нет. А я ей говорю, что всегда крабы стояли не всех полках Ладно, говорит, студент, выдам я тебе пяток банок, закусите. Может быть, и крабов, как и всего остального, скоро не будет и будете только вспоминать, что такую вкуснятину не ели

– Ну, наша компания крабов не обижала, – откликнулся Чашихин, заедая прекрасным дальневосточным крабом в собственном соку стакан портвейна. – Да и хрен с ними, этими крабами. Зато на ледовитом океане ввели в строй действующих ледокол «Ленин» с ядерной силовой установкой. Теперь на северный полюс на корабле можно доплыть. Сугробин и Клещёв море бросили. Заскулили: девушки не ждут!». А ведь для вас корабль строили. Что скажешь, Лёня?

Сугробин молчал, закулив сигарету. Крабы действительно стояли в магазинах, в которых уже ничего другого не было. За какие-то три года правления Хрущёва все продукты

с полок магазинов были сметены. Сметало их то ли невидимым и не слышимым ураганом, то ли языком неведомого животного. Корове так сделать это было не под силу. Трудящиеся получали минимум продовольствия путём распределения по предприятиям, остальной люд получал необходимые калории через столовые и прочие точки общепита или через рынок. Последние года полтора на полках стояли ещё крабы и печень трески. Весной пропала печень. А теперь и крабам пришёл конец. В августе, когда студенты начали работать на стройке, крабов нельзя было купить нигде. И уже никогда они не появлялись в свободной продаже. И Леонид Иванович всегда гордо говорил при дружеской выпивке в будущие бескрабовые десятилетия, что всегда закусывал крабами, пока они продавались свободно и очень дёшево. Он быстро воспитал себя самообразованием в человека, который не только начал понимать жизнь, но и не пропускать в жизни приятное.

– Что молчишь, Леонид? – не унимался Чащихин.

– А что говорить! Если думать о Родине, то ледокол очень хорошо. Но и крабы в свободной продаже неплохо.

– И всё-таки ни какую-то стройку я не пойду, – заявил Клещёв, выпуская густой клуб дыма. – Достану справку, что нужно курортное лечение, маманя сделает, и кукиш нашему руководству. А то коммунизм нашими неопытными руками строить придумали. Или ещё в Свердловск отвалою.

– Я тоже справку по болезни могу сотворить, – вступил

Чашихин.

– Вы много-то не заговаривайтесь, скажи им Лёнь, – оставил их Руденко. – Загремень совсем из института можете. И мигнуть не успеете, как военкомат за вами придёт. Прямо в октябре месяце.

Сугробин в разговор не вмешивался. У него не было мамани, которая достала бы ему освобождающую справку. У него не было денег, чтобы купить шмотки. И вообще, покинув училище, он надел на себя хомут со многими обязанностями. Балыбердин писал, что жизнь с третьего курса пошла стабильная. Понимал, что в училище ему было бы лучше и в настоящем и будущем, где его ждала стабильная работа и карьера. Только была бы у него в будущей жизни ждущая и верная жена, он представить не мог. И он знал, что пойдёт на стройку. И будет там вкалывать как можно лучше, чтобы подзаработать. Но на душе было беспокойно. И только спустя много лет, когда он окончательно поверил в высший разум и в то, что случайностей в жизни не бывает, только тогда Леонид пришёл к некоторому успокоению. Потому что его по жизни вёл не его взрывчатый характер, а высший разум, которому было так надо!

Сугробин предполагал перед практикой, что после неё отбудет на каникулы. Но институту надо было что-то строить, и их курс задержали на строительство. Декан и проректор убеждали, взывали к гражданскому долгу и угрожали. Сошлись на том, что студенты будут работать август и сентябрь,

и им будут платить зарплату дополнительно к стипендии и зачтут строительную практику. А остальные курсы и факультеты поедут на картошку, целину и без зарплаты. «Твою мать в социализм!» – первый раз выругался Сугробин. – Это всё «кукурузник» наворочал со своим строительством Коммунизма для нашего поколения. Но поворчали студенты и, добившись скидок от руководства, стали сколачивать бригады по интересам и умению. Пахтусов, Чащихин, Руденко, Сугробин и Крюков решили стать плотниками. Не было с ними только Клещёва. Он принёс в деканат справку о непонятной болезни, которая требует длительной диагностики. Потом заскочил в общежитие к Сугробину, сказал, что поедет переводиться в Свердловск и исчез. Исчезла Оля, поехав в Москву к тётке. Исчезли балеринки вместе со всей трупой, уехавшей на гастроли. Одинокая мужская бригада вкалывала без развлечений, стараясь вывести месячный заработок на тысячу рублей. Студенты пилили, рубили, колодили. Они делали опалубки под заливку бетоном фундаментов, ставили ограждения, налаживали мостки и пр. Направлял и учил всех Зосим. Сугробин, имея практику в отцовской бригаде, был у него правой рукой. И не будь Зосима, неизвестно чего бы все наработали. А так по кругу у всех получилось по тысяче восемьсот рублей чистыми. В последнюю декаду сентября студенты всем курсом не вышли на работу и истребовали себе выдачу зарплаты и недельный отпуск. Деканату пришлось согласиться.

VIII

Учебный процесс четвёртого курса был без перегрузок и оставлял студентам времени в достатке на отдых, занятия спортом, развлечениям и дополнительному самообразованию для желающих. Бельская и Сугробин были неразлучны. Зимой по выходным они выезжали за город, проводя целый день на лыжах. Один-два вечера в неделю катались на коньках. Когда Леонид уходил на тренировки, Оля занималась вокалом. В институтской читалке занимались вместе. Друзья по «кубрику» в общежитии назначали Сугробину даты свадьбы.

1960 год. 12 января. Умер И. В. Курчатов.

1960 год. Ливерпульская четвёрка БИТЛЗ вышла из заводских клубов в широкий мир. Мир был ошарашен, и восторженно принял её явление.

1960 год. СССР посетил с пятидневным визитом президент Франции Шарль де Голль. В Москве де Голль принёс на могилу И.В.Сталина цветы и долго стоял перед могилой, отдавая по военному честь. Он, видимо, лучше многих прошлых и нынешних понимал, что такое СТАЛИН. Его первого из иностранцев свозили на полигон Капустин Яр и показали ракеты, направленные на Париж, где тогда базировался штаб НАТО. По возвращению домой де Голль вывел Францию из НАТО.

1960 год. 1 мая. Ракетой зенитного комплекса ЗРК – С75 был сбит над Уралом американский «самолёт—шпион У—2», пилотируемый лётчиком Пауэрсом. Шпион был взят в плен. Было тогда выпущено 8 ракет. К сожалению одной из них был сбит наш МИГ—19, который пытался атаковать американца, но ему не хватало «потолка». До этого американские У—2 бороздили над Союзом где хотели, зная, что советские самолёты их не достанут. После поимки Пауэрса полёты прекратились.

Новый 1960 год Сугробин встретил у Бельских. Оля сказала, что его приглашают родители, которые по установившейся традиции на этот праздник приглашали к себе родных и близких друзей. Леонид ещё не встречался с родителями Оли и не был с ними знаком.

– Предки сами решили посмотреть на субъекта, который не всегда до одиннадцати возвращает их дочь домой. Или ты решила проверить меня родительским взглядом? Думай, милая. Если смотрины состоятся, то мне ничего не останется, как влиться в группу твоих женихов. У родителей ведь есть такие наметки.

– Не болтай. Они у меня очень хорошие и добрые. И тридцать первого декабря я всегда в двенадцать дома, вместе с ними. Такая традиция.

Сугробин появился в доме за час до боя курантов с алыми гвоздиками. Дверь открыла хозяйка. Оля была похожа

на свою маму и он, не боясь ошибиться, протянул цветы. —
– С наступающим Новым годом. Я Сугробин и пришёл по приглашению Вашей дочери.

– Наконец-то! – появилась вслед за матерью сама Оля. – Ждать заставляешь и беспокоиться. Мало ли чего в новогоднюю ночь случается.

– Не надо упрёков, Оленька, – сказала мама, поправляя в руке гвоздички, – раздевайтесь, пожалуйста, Леонид, и за стол. Проводим год уходящий.

– Дурь несусветная, – сказала Оля, помогая Леониду раздеться и привести в порядок перед представлением обществу. – Все истомились, ожидаючи. Целуй, и идём.

Полтора десятка мужчин и женщин чинно сидели вокруг праздничного стола, посматривая на крошечный экран телевизора первого поколения. И негромко разговаривали. Всем была известна трагическая история Оли, которая была общей любимицей, и появление её нового друга всех интересовало.

– Вот и последний званный гость, задержавший весёлый праздник, – сказала Оля, подталкивая Леонида впереди себя. – Знакомьтесь. Леонид Сугробин – студент четвёртого курса и мой друг.

– С наступающими шестидесятыми! – сказал Леонид. – И прошу прощения за ваше ожидание. Я не думал, что такая славная компания будет ждать одного. Это не соответствует русской поговорке.

– Стоп, стоп! – крикнула Оля, – не слушаем его. Он очень разговорчивый. Все за стол и начинаем.

Новогоднее застолье, как и все праздничные застолья похожи. Все поздравлялись, радовались будущему новому, надеясь, что оно будет радостнее и удачнее прошедшего. В двенадцать, когда пили шампанское, хозяин выключил свет и дал всем поцеловаться.

– Я люблю тебя, – шепнула Оля, обнимая Лёньку. Ей было необыкновенно хорошо, и всё бывшее покинуло её.

Леонид не был смущён родными и близкими его подруги. Оля была с ним и ввела его в круг своих близких. Им интересовались, спрашивали. Он был достаточно подкован по всем направлениям благодаря своему самообразованию и отвечал на все вопросы, привлекая как можно больше юмора. Ровесница Оли, её двоюродная сестра, студентка пединститута, спрашивая о прошлом Леонида, заинтересовалась: «А знаете ли Вы прошлое Ольги?»

– Зачем мне знать прошлое, если настоящее прекрасно, – ответил он. – У каждого есть прошлое. Но я живу только настоящим и будущим. Привлекая прошлое, ты уничтожаешь настоящее. А этого я не хочу.

– О чём это вы ведёте беседу? – подлетела к ним Оля, услышав слово «прошлое».

– О будущем, Олинька, – обнял её Леонид. – Твоя кузина считает, что всё в жизни определяет прошлое, а я её убеждаю, что только будущее.

– Я за тебя, – сказала Оля. – Потанцуй со мной. И погрозила сестре из—за спины Леонида.

Родители Оли наблюдали за возбуждённой и радостной дочерью.

– Она совершенно счастливая с этим Сугробиным, – сказала мама, – смеётся, веселится. А как пела сейчас!? Сама страсть.

– Дай-то Бог, – ответил отец, – я так хочу, чтобы к нашей девочке вернулась обыкновенная жизнь.

В общезнании ребята привыкли к постоянному отсутствию Леонида и только подшучивали, чтобы он их на свадьбу не забыл пригласить. Лёнька отговаривался, но на зимние каникулы предложил Оле поехать с ним и познакомиться с Иваном Макаровичем и мамой Тиной. Она нашла предлог и отказалась. Он не обиделся...

Сугробин – студент четвёртого курса в доме у родителей выпивал за ужином стандартную четвертинку с отцом после бани. Банька удалась. Мама Тина изготовила пельмени и сидела вместе с мужиками за столом, слушая их беседу, а может быть, думала о чём-то своём.

– Хороша банька получилась, отец! Приятно выпить.

– Слава Богу. И хлеб есть, и рюмка водки после бани, – Иван Макарович зацепил вилкой жареный пельмень. – Люблю жареные пельмени. Спасибо матери.

– Да, мама. Спасибо за пельмени.

– На здоровье. Кушайте, ещё поджарю

– Идёт учёба-то. Не бросишь?

– Не брошу, отец. Не беспокойся.

– А жениться когда будешь?

– Какая ещё женитьба, – вмешалась мама Тина. – Вот закончит, тогда пусть и думает. Внуки у тебя уже есть, чего надо. Не дури, старый.

– Чего не дури! Рано женится, рано дети пойдут. Сам ещё молодой будет и дети большие. Родители и дети друг другу помощники. Я вот какой ему помощник. А он на ногах пока не стоит – помогать бы надо.

– Спасибо, отец! Но у меня всё в порядке. Сейчас полтора месяца работал, на мелочи хватает.

– Ладно. Но всё-таки жену подбирай, пока всех девок другие не разобрали.

Свою мечту о посещении родных мест Петра Ильича Чайковского Сугробин и Бельская осуществили через год после задуманного. Они успешно сдали все зачёты и за неделю до сессии ушли в поход. Были первые дни июня. В сквере у оперного театра цвели сиреневые аллеи и среди них белыми парусами блестели яблони. От речного вокзала на просторы России уходили белоснежные лайнеры. Но сезон ещё не вышел в максимум, и с местами на теплоходы было спокойно.

– Слушай, Бельская! Ты плавала на теплоходах по рекам раньше?

– И не один раз. Школьницей с мамой, папой. До Ростова на Дону, до Астрахани.

– Везёт же людям. А я пацаном проплыл с отцом километров двести по Волге на открытой палубе и по – настоящему только сегодня поплыву первый раз.

– Значит у тебя всё впереди. Как хорошо быть молодым! Что ни день, то новые открытия и всё в первый раз.

– Да, моя милая. Я готов всегда встречать новое, кроме одного.

– Чего же?

– Я не хочу никаких новых женщин. Никого, кроме тебя. Пусть ты будешь для меня не изменяющейся и всегда новой.

Они сидели на лавочке, на берегу перед вокзалом в ожидании посадки. Лёнька сказал свои давно выношенные слова и смотрел на Олю. Она повернулась к нему и посмотрела долгим любящим взглядом. Она не давала ему говорить о совместном будущем и всегда уводила его начинания в сторону и боялась таких слов. «Оля, Оля! – говорила она иногда самой себе. – Что же ты делаешь? Ты так глубоко завлекла этого хорошего и ничем перед тобой не виноватого человека и готовишь ему непонятную для него разлуку. Он же не простит после этого ни одну женщину на своём пути. Надо поскорее придумать что-нибудь, и расстаться. Расстаться!?» Но сил для расставания у неё уже не было. Незаметно для самой Сугробин стал её неотъемлемой частью, был всегда в её мыслях. И любовь цвела в её душе. Они не часто

встречались и были вместе, но какая была любовь в эти редкие встречи. Ей и не представлялось, что это будет прекращено по её обету. Ей не хотелось думать об этом. И Леонид как будто бы понимал её тайные думы и не затрагивал её разговорами о будущем, хоть на четвёртом курсе свадьбы шли одна за другой. «Ты моя, сказать лишь могут руки», – повторял он Есенинские слова, освобождая её от лишних одежд. И ей было хорошо и плохо одновременно. И она была внутренне благодарна ему за его не многословие. И вот свершилось то, чего она боялась. Он заговорил о вечном. Она смотрела на Сугробина и понимала, что правдивее слов она не слышала и не услышит. Он был готов любить её всегда. Но ответить она не могла. Только обняла и поцеловала, прошептав —

– Не торопись говорить. Помни – Лермонтов сказал, что «вечно любить невозможно...» И услышав по радио приглашение на посадку, весело вскочила с места, – а вот и наш крейсер готов принять нас на борт. Побежали.

В лёгком голубом платье, расклешённом внизу, Оля крунулась на полтора оборота, и юбочка взлетела вверх до пояса. Сугробин подхватил девушку на руки и прокрутился вместе с ней. Он тоже был одет по-летнему. В лёгких белых брюках и белоснежной рубашке Леонид был как зайчик перед зимой. И всех вещей у них было на двоих только лёгкий саквояж, где лежали его куртка, бритва с фотоаппаратом, Олина кофточка и сумочка с макияжными принадлеж-

ностями. Путешествие планировалось на две ночи на теплоходах и один день в Воткинске. Юные путешественники бегом пробежали по лестнице на причал и ступили на борт двухпалубного красавца. Волга и Кама обновили пассажирский флот и на смену дореволюционным колёсным пароходам с длинными скамейками на главной палубе для «чёрного» люда и купеческой роскошью верхней палубы, пришли двухпалубные и трёхпалубные современные лайнеры с уютными каютами наверху и такими же уютными ниже. Был социализм, и классовое различие старательно размывалось. Господ не существовало, и все были товарищи. Товарищ сталевар мог жить по соседству в каюте с товарищем министром или товарищем академиком. Была разница в цене между палубами, но незначительная. Под главной палубой в каютах вместо окон стояли самые настоящие иллюминаторы, за которыми плескалась вода. Цены на билеты в начале сезона были снижены и студенты Оля с Леонидом разместились в двухместной каюте на верхней палубе. Над ними была только капитанская рубка с рулевым и радиорубкой.

– Как прелестно! – воскликнула Оля, когда они вошли в каюту.

Сугробин кинул саквояж на диван и обнял девушку.

– У нас будет путешествие любви.

– Обязательно. Мне так радостно, я хочу веселиться, петь, бегать и прыгать. Давай выпьем шампанского!

Они вышли в ресторан. Официантка в белом накрах-

маленном передничке открыла холодильник и налила два фужера прохладного «Советского шампанского», шипучего и очень вкусного напитка. Вино практически ничего не стоило. Власти воспитывали в населении отвращение к водке и «барматухе» и отдавали шампанское почти за ничего. Сугробин навсегда сохранил воспоминание о шампанском того времени и считал его самым лучшим из всех шампанских вин, которые ему привелось выпить в будущем. Даже французское шампанское по его мнению, уступало Советскому шампанскому пятидесятих годов. Оля и Леонид, не присаживаясь, дотронулись бокалами и пригубили. Теплоход мягко отодвинулся от причала и пошёл вверх по реке на разворот. Радио транслировало традиционный марш «Прощание славянки» Леонид обнял Олю за талию и они, улыбаясь смотрели друг другу в глаза и медленно пили прохладный шипучий напиток. А выпив, поцеловались. Поцелуи на людях в то, зашоренное для проявления чувств, время, были редки.

– У вас что, свадебное путешествие? – спросила официантка.

– Очень даже свадебное, – опередив Леонида, сказала Оля. – И мы намерены веселиться. И схватив Лёньку за руку и увлекая его за собой, бегом побежала на палубу.

Теплоход развернулся и пошёл вниз по течению красавицы Камы. И уже через несколько минут нырнул под железнодорожный мост, по которому над ним громыхнул про-

ходящий поезд. Наступал вечер. Пассажиры, заполнившие теплоход разве что наполовину, выпили отвальный посошок и начали выползать из кают на палубу. Оля с Леонидом уже прошлись по верхней палубе от юта до бака с обоих бортов. Спустились на главную палубу и обследовав её, вернулись на верх. На корме под навесом стояли плетёные кресла и диваны. Оля уселась в кресло и сказала-

– Хочу озорничать.

– И вышли из кают, на палубу, на ют, четырнадцать английских моряков... Идут они туда, где можно без труда найти себе и женщин и вина..., – пропел Леонид.

– Опять про женщин и вино, – сморщила носик Оля. И чего у мужиков на уме только вино и шальные бабы. Секс без любви это что-то несуразное. Я не представляю, что могла бы обнимать тебя, не зная кто ты и что ты чувствуешь, обнимая меня.

– Но портовые девушки не занимаются любовью. Они работают и что их осуждать.

– А я и не осуждаю. Я мужиков не понимаю. Напьются и лезут на всё, что шевелится.

– Что-то мы не туда, Оленька. Ты моя любовь и я весь для тебя, для твоей радости.

– А что такое «Ют»?

– Ют – это кормовая часть палубы по-голландски. Мы сейчас с тобой находимся на юте. А «Бак» – передняя часть палубы у судна.

– Хорошо, что кое-что полезное знаешь. А то «идут они туда, где можно без труда...» Пойдём, погуляем ещё.

Они прошлись снова по палубе, постояли впереди. Вечер сгущался. На реке зажглись бакены, берега размылись тенями. На юте брэнчала гитара. Три молодых человека сидели на диванчике. Один из них отбивал на гитаре ритм и все нестройно пели про Колыму.

– Что-то грусто у вас песня звучит, – сказала Оля. – Не дадите ли мне гитару на минутку.

Кто из молодых откажет красивой девушке. Оля взяла протянутую гитару, подстроила её немного и запела:

На меня надвигается по реке битый лёд.
На реке навигация, на реке пароход.
Пароход белый беленький, дым над красной трубой.
Мы по палубе бегали, целовались с тобой.
Пахнет палуба клевером, хорошо как в лесу.
И бумажка приклеена у меня на носу.
Ах ты, палуба, палуба, ты меня раскачай.
Ты печаль мою, палуба, расколи о причал...

Оля пропела все куплеты и подала гитару ребятам

– Так будет, повеселей.

– Спойте ещё, пожалуйста, – ответили ей ребята хором.–

У Вас так красиво получается.

И Оля запела. Романсы, песни, арии... Поставленный сильный голос звучал над притихшей вечерней рекой

с неподдельным чувством, и тишина над рекой нарушалась только продолжительными аплодисментами после каждой песни, которыми награждали её все пассажиры теплохода и свободная от вахты команда, которые собрались на неожиданный концерт. Оля была счастлива, и всем своим видом показывала Леониду, что она поёт для него и он часть её. И чтобы все поняли как она рада и счастлива, что рядом с ней её любимый, она вдруг вскочила на скамейку и, толкнув своего друга гитарой, запела:

Виновата ли я, виновата ли я, виновата ли я, что люблю.
Виновата ли я, что мой голос дрожал,
Когда пела я песню ему.
Виновата же ты, виновата во всём...

Она пела и смотрела только на него и улыбалась в песне. Он встал рядом и обнял её, смотря на неё снизу вверх. Он был счастлив с этой девушкой.

С правого борта раздался шум и грубый голос – А ну, пропустите нас вперёд.

Трое изрядно поддавших парней двадцати восьми – тридцати лет протискивались сквозь недовольную толпу. Впереди шёл крупный мужик ростом не менее 185см и массой за 90 кг. Он становился в метре от Оли, которая прекратила петь, не понимая происходящего.

– Продолжай, красотка, а я тебе подпою. «Что ж ты спишь по ночам, дорогая моя, ночью спать непростительный

грех», – хрипло выдохнул он вместе с перегаром.

Оля посмотрела на Лёньку.

– Да брось ты смотреть на этого щенка. Он ещё тебя и обнимает, наверное, бесплатно. Ты знаешь, я сталевар, я такую денюгу лопатой гребу, что за неделю таких концертов для меня ты заработаешь на целый год. – И громила протянул длинную волосатую руку к Ольге и угрожающе кинул Лёньке, – отойди, щенок, жив останешься.

Народ суетливо рассыпался в стороны от певицы и её друга. Только боцман с матросом остались метрах в трёх позади от нарушителя спокойствия. Ольга с тоской взглянула по сторонам и потом на Лёньку. Он ещё обнимал её, но она видела всё неравенство ситуации. Страх и ненависть стояли в её глазах.

Боксёр второго разряда Леонид Сугробин, победивший в двух последних боях нокаутом, не раздумывал. Он не боялся драки и получения возможных побоев. К его любимейшей женщине тянулась грязная волосатая рука пролетария. Того самого, ещё не перевоспитанного по заповедям социализма. При своём росте в 171 см, и весе в шестьдесят два килограмма, Леонид явно не представлял для пристававшего препятствия и стоящего внимания соперника. Но Лёнька и не думал отойти от Оли и сдаваться. Он даже не расслышал слов громилы, обращённых к нему. «Чтобы победить, надо возненавидеть своего противника, – пронзили его мозг слова тренера, – вспылать к нему злобой раненого зверя,

забыть чувства жалости, добра, человечности. Но сохранить при этом ясность ума и всю свою хитрость. И ты непобедим». Он видел тоскливый безнадежный взгляд Оли и больше ничего не видел, ничего не слышал. Ярость и злоба захватила его. Всё тело напряглось и поджалось как тугая пружина. Лево́й рукой он отбросил хищную руку, а правой, которой только что обнимал Олю чуть ниже талии, вложив в неё всю силу напряжённого тела, ударил удивлённую физиономию прямо в подбородок снизу. Ойкнула Оля, крикнула о помощи женщина от борта. Удар был точен и силен и потряс громилу до основания. Но тридцать килограммов разности по весу удержали его на ногах. Не дожидаясь реакции противника, Лёнька снова сжал своё тело в пружину, развернулся и ударил снова всё в тот же ненавистный подбородок. Мешок костей и пьяного мяса повернуло, будто через его пятки прошла невидимая ось. И он рухнул, с глухим звоном ударившись головой о палубу. На помощь ему бросился второй сталевар, но он был равного с Леонидом веса и, получив удар левой под правую скулу, отлетел к борту.-

– Надо всех, – мелькнуло у Сугробина в мозгу, и он бросился на третьего. Тот повернулся и побежал.

– Лёня, не надо, – взвизгнула Оля. – Она вспомнила ситуацию, когда защитившего её друга осудили, и испугалась, не ухлопал ли её защитник нападавших.

Он вернулся к девушке. Она обняла его и заплакала —
– Сволочи, жить не дают. И убивать их не дают. Убьёшь –

не отмоешься.

– Что с этими делать? – спросил боцман, не ожидавший такой развязки

– Плесни на них по ведру забортной воды, очухаются.

– А ты силён, – сказал боцман и послал матроса за ведром с верёвкой.

На шум спустился капитан. Получив по паре вёдер холодной воды на головы, побитые очнулись.

– Ну, тебе, щенок, не жить, – пробормотал угрожающе громила, поддерживаемый двумя дружками. Лёнька махнул рукой.

– Снять их надо, капитан, на первой остановке. Составить акт, вызвать ментов, и сдать.

– А может, тебя надо снять за драку. Устраивают тут концерты, а капитан разбирайся.

– Мы сами сойдём, на первой остановке, раз вопрос так ставиться.

– Желание клиентов для нас закон, – буркнул капитан и ушёл.

Остановка предполагалась через полчаса. Ребята сдали ключи от каюты, поставили на билетах «остановку» и сошли, провожаемые боцманом и проводницей, которая благодарила за концерт и костила на чём свет стоит бандитов. Остановка состояла из одного дебаркадера. Домов посёлка не было видно за высоким берегом. Следующий теплоход на остановку приходил через полтора часа. Леонид зарегистриро-

вал билеты, и они пристроились на лавочке. Олю трясло. Она прилегла, положив голову Леониду на колени. Он прикрыл её курткой и тихо баюкал. Через назначенные полтора часа они сели на подошедший теплоход. Оля сразу же завернулась в одеяло, сказала, что уже спит, и оставила Лёньку размышлять об их судьбе одного.

Лёньку тоже кочевряжило. Получив адреналина сверх всякой нормы, ему не спалось, и он вышел на палубу. То, что он принял быстрое решение сойти и сесть на другой теплоход, было поступком, достойным мужчины. Круто пьяные и, по их мнению, обиженные, начали бы разбираться с обидчиком. А Оля ещё почему-то боялась, как бы он им крупно не навредил. Не за то беспокоилась, что ему достанется, а за них. Было в этом всё непонятно Леониду. Но с ментами у него встреч ещё не было и он не хотел начинать встречи с ними вместе с Олей. Он курил на палубе. Впереди обозначилась пристань и теплоход у причала. Его теплоход причалил к борту стоящего и Леонид увидел, что это их первый теплоход, на борту которого ему пришлось быть очень счастливым и очень драчливым. На пристани менты усаживали в воронок одного за другим троих мужиков. На параллельной палубе проходил знакомый боцман.

– Что у вас случилось?

– А!? Ты прав был, студент. Не прошло и полчаса, как вы сошли, эта братва пришла в себя, поддала в топку ещё водчонки для наглости и отправилась искать тебя. А ражий

детина и нож с собой прихватил. Самый настоящий бандитский фонарь. Стучат во все каюты, рвут двери. На борту мат, грохот, детский плач. Мы с ребятами вышли, так они на меня: «Где боксёр? Сейчас из него жаркое делать будем». А потом на нас. Одному моему форменку рассёк. А дело как раз у пожарного щита было. Я схватил багор и по руке. Нож выпал, так я его, заразу, ещё по башке влупил. Потом связали, акт составили. А когда стали просить пассажиров акт подписать, все, как один, сволочи, по каютам разбежались. Ну да ладно. Если до суда дойдёт, вся команда в свидетели пойдёт.

– Про нас, надеюсь, не написали.

– Ума хватило. Капитан сначала морщился, но потом согласился про вас не упоминать. Им за один нож финский в достатке будет.

Лёнькин теплоход отдал швартовые, и пути кораблей разошлись. Воронка на пристани уже не было и по Лёнькиному размышлению всё заканчивалось хорошо. Леонид прошёл в каюту и, не раздеваясь, лёг на второй диванчик. Минутку он послушал ровное дыхание Оли и заснул, совершенно довольный собой.

Солнце ярко вливалось в окно каюты, когда Лёнька проснулся от нежного прикосновения к голове. Ему показалось, что ласковый ветерок пошевелил его волосы. Он открыл глаза. На его диванчике сидела Оля и гладила его по кончикам волос.

– Салют, милая!

– Доброе утро, милый.

– Какие мы с тобой милые, – не удержался Лёнька от обычных подначиваний над сюсюканьем.

– А что, нет! Вот и не буду тебя обласкивать. Лежи так, противный.

– Ладно, милая. У нас с тобой всё отлично.

– Я так рада, – сказала Оля, когда он посвятил её в продолжение ночных событий.

– А почему ты боялась за них, а не за меня.

– Я за них? Тебе это показалось.

– Тогда бреемся, чистимся и идём завтракать.

В ресторане клиентов не было. Две девушки – официантки скучали за столиком у бара. Далёкие пятидесятые – шестидесятые. Тогда не было специальных туристических рейсов по путёвкам и полным обслуживанием. Шли рейсовые теплоходы во все концы. И использовались они как водный пассажирский транспорт. Пассажиры с билетами туда и обратно запасались провиантом и напитками на весь маршрут и пополняли его при необходимости на стоянках. В ресторане питалась редкие командированные и такие же редкие пассажиры от пункта А до пункта Б. И потому, всё что ресторан выставлял в меню, готовилось по заказу. Для спешащих (Кому бы на теплоходе спешить? Разве что желающим опохмелиться), были консервированные закуски. Поэтому официантки заулыбались, увидев входящую парочку, которой не было при отплытии, и одна из них спросила —

– Кушать будем?

– Да! Мы выпьем шампанского и поедим по ломтику стерлядки – фри с жареным картофелем, – ответила Оля, скользнув быстрым взглядом на меню.

– Открой им шампанское, – попросила официантка подругу, – а я пойду, повара порадую.

Успокоившись оттого, что минуты гадости и часы тревоги закончились, Оля ворковала без остановки. Подняла бокал с шампанским и обняла Лёньку —

– За победу! Знаешь, я никогда больше не буду смеяться над твоими «фонарями». Я думала, что твои занятия боксом это твоя забава. Я теперь буду целовать твои «фонари», чтобы они быстрее рассасывались. Дай потренируюсь. – И пригнув Лёнькину голову, поцеловала его в глаз. – А теперь выпьем, за нас выпьем.

– Так ты и руки мне будешь целовать. Посмотри, какие они пухленькие, ни одной костяшки не видно. Распухли после вчерашнего.

– О, мои милые руки. Они меня спасли. Я их целую. Лёньку понесло.

– Ладно, графинюшка! Не надо целовать руки. Государь позволяет Вам выбрать мужа самой.

– Не надо мне милостей. В монастырь уйду, – подхватила дурачество Ольга и снова на небе не было ни одного облачка.

Вскоре после завтрака молодые люди в прекрасном состоянии тела и духа сошли на берег дышать воздухом, пра-пра-

пра дедушкой которого дышал мальчик Петя Чайковский.

Как известно всем интересующимся необыкновенным музыкальным талантом П. И. Чайковского, а не досужими слухами о его жизни, П. И. Чайковский родился в местечке Воткинск в 1840 году и прожил там первые десять лет своей жизни. «Что касается вообще русского элемента в моей музыке, т.е. родственных с народною песнею приёмов в мелодии и гармонии, то это происходит вследствие того, что вырос я в глуши, с детства самого раннего проникся неизъяснимой красотой характеристических черт русской народной музыки, что я до страсти люблю русский элемент во всех его проявлениях, что, одним словом, я русский в полнейшем смысле этого слова».⁴⁰ Это Оля с Леонидом вычитали в книжке, которую Оля прихватила с собой. И Лёнька опять побаловался —

– Спасибо тебе, русская глушь, что ты воспитываешь для страны и мира гениев и не даёшь преклонённым перед Западом нехристям продать Русь насовсем.

За что получил шлепок этой же книгой пониже спины.

Домик Чайковских отыскался сам на берегу необъятного пруда, скорее водохранилища. Впрочем, это был не домик, а вполне достойный дом начальника завода. Первый этаж представлял квадрат со стороной 13—14 метров. Вто-

⁴⁰ П. И. Чайковский. Переписка с Н.Ф. фон Мекк, т.1 «Академия» М – Л. 1934, стр. 236.

рой этаж (мезонин) фасадом шириной 7—8 метров с тремя окнами симметрично первому этажу уходил во всю длину. И весь дом составлял не менее 250—260 метров квадратных. Все помещения высотой в три метра были светлы от большого количества высоких окон. А огромное количество чердаков определённо позволяло детям играть в весёлые таинственные прятки. Во дворе стояли все подсобные помещения. Фасад по всей длине был отделён от дороги палисадником шириной в три метра, ограждённым заборчиком полуметровой высоты. Перпендикулярно правому углу дома на неуклюжем постаменте стоял бюст Петра Ильича тоже сотворённый без вдохновенья. (Сугробин уже достиг определённого эстетического уровня и физически не воспринимал топорность) Но сам дом ему понравился. Горный инженер Илья Чайковский понимал, что надо его семье. В таком доме многодетной семье, состоявшей из родителей, пятерых детей и гувернантки, не было тесно. В доме ныне размещался музей и музыкальная школа. И пока Оля восхищалась сохранившимися деталями прошлого, Леонид дышал праправнуком воздуха, воспитавшего гения. Он никогда не интересовался деталями быта гениев, ихними личными рубашками, чернильницами, зубочистками. Подали бы ему на память трусы Александра Македонского, Лёнька отмахнулся бы от них как от мусора. А вот природа его призывала к раздумьям. Его интересовал только дух великих людей, интеллект. Более всего он ценил личные письма. В письмах

он чувствовал душу ушедшего человека и, читая, как бы разговаривал с ним. Его неоднократно занимал вопрос: а из чего же состоит гений. Из труда или дара божьего... Он понимал, что у певца голос это дар божий. Но сколько людей с голосом не стали даже средними певцами. Значит, к дару надо приложить большой труд. А как узнать, что у тебя есть какой-то дар, если это не голос. Как узнал Пётр Ильич, что у него дар композитора? И забыв о полученном образовании, бросив службу, дающую ему средства на жизнь, рискнул учиться на композитора в возрасте, когда другие композиторы обретали славу. Зачем он, Сугробин, ушёл от судьбы инженера – морехода и учится сейчас неизвестно на кого!? Может быть, что его подсознание ищет его божий дар? Но ему уже двадцать один и не пора ли этому «дару» приоткрыться. М-да, вопросыки. А вот и Олинька.

Олинька в своём голубом платье выпорхнула из музея как птичка – синичка.

– Я просто счастлива, что приехала сюда. А ты, боксёр, ничегошеньки-то ты не понимаешь. Я прикоснулась к земле, воспитавшей такого человека. А ты что осознал.

– А то, что неплохой домишко построил горный инженер для содержания детей, чтобы они росли талантами. И государь приличное жалованье ему платил, чтобы он мог делать детей, сколько получится и создавать все условия для их жизни и развития.

– Ты воздухом, возрадившим гения, дыши, а не жалованье

обсуждай.

– Да!?! А я вот думал, на какие шишы я твоих детей растить и образовывать буду. На тысячу в месяц плюс 10% премии и минус 12% подоходного налога. Ты же на заводах была на практике, знаешь, сколько инженер – технолог получает!⁴¹

– Ну, ерунда какая.

– Ерунда!?! Ты что, детей не собираешься заводить? Нет уж. Я их заранее люблю.

– А кто тебе сказал, что я выйду за тебя.

– Но ты же меня любишь! Я, конечно, из местечка не менее глухого, чем это. Но посмотри, какие у меня светлые серо-зелёные глаза. Пусть я ещё варвар недоученный. Но я почему-то уверен, что в моих жилах течёт кровь викингов, а они варвары были, когда пришли на Русь... Ведь в те времена цивилизованные римляне называли варварами и скандинавов, и германцев, и галлов, и бриттов. Но все они выправились и стали цивилизованными. И я, варвар из самой глуши, выправляюсь. Ты ведь признаёшь мой интеллектуальный уровень и иногда обсуждаешь со мной даже музыкальные тонкости. И пусть мои прослеживаемые в памяти

⁴¹ Рядовой инженер – технолог получал в месяц 1000 рублей – это до денежной реформы, проведённой Хрущёвым с 1 января 1961г., После реформы зарплаты, пенсии, пособия по номиналу уменьшились в десять раз. А покупательная способность уменьшенного количества рублей снизилась согласно рыночным законам, т.к. рубль по отношению к доллару был одновременно девальвирован. До реформы 1 доллар стоил 4 рубля, а после 90 коп. К примеру, пучок редиски стоил на старые леньги 20 копеек. И на новые стал стоить двадцать копеек.

предки не носили княжеских званий, мне чувствуется, что я потомок викингов и в моей крови крутятся несколько молекул их крови. А любой викинг на Руси был князь. И по своему чувству я осознаю себя князем. Недаром же мои предки не запятнаны рабством и всегда были свободными. Я свою родословную до времён Петра 1 знаю.

– Болтаешь, парниша. И за столько веков, если и был у тебя в роду викинг, его кровь составляет в твоём организме миллионные доли процента.

– Мне этого достаточно, чтобы себя чувствовать князем. Император Николай II имел всего 0,78% русской крови и называл себя русским. И даже больше, называл себя «хозяином земли русской».

– Перестань...

– А когда я тебя целую, ты волнуешься и откликаешься, чего бы мои губы ни коснулись.

– Помолчи, пожалуйста, – Оля прикрыла Ленке рот рукой, – разболтался.

– И ещё, Белочка, в наших фамилиях спрятано по кусочку белого. Разве это не причина, чтобы мы были вместе под сенью закона.

– Помолчи, – и Оля прикрыла Лёнькин рот своими губами.

«Вот и приходит время расплаты. Он начинает требовать ответа. И он прав. Мама и то спрашивает, что я собираюсь делать. А подружки прямо наседають: когда свадьба. И, что

если я не хочу за него, требуют отдать Сугробина им. Как я всё затынула!?! – разговаривала Оля Бельская со своим внутренним голосом. – Надо было ещё год назад, когда прогнала его с фонарём, и расстаться. А теперь что делать? Я не могу без него и недели прожить. А думаю каждый день. И придётся резать по живому узлу, из которого потечёт и его, и моя кровь. Господи! Какие мы бабы глупые. Зачем я прилюдно поклялась на крови и Бога призвала в свидетели. Уж лучше бы не ввязывался мой друг, не защищал меня, чем с такой ношей по жизни идти. Все вокруг девочки свободные, счастливые, меняют мальчиков, выходят замуж, разводятся. А я со своим обетом как проклятая. А сообщу ему, чтоб простил и позабыл – или погибнет или пришьёт по возвращении. И никакой любви-то у нас с ним не было. Попробовали друг друга, и всё кончилось. А может не думать ни о чём? Еще год буду любить своего дорогого Лёньку как можно сильнее, потом сбегу в неизвестность или в монастырь уйду. Всё! Решила». И откинув голову назад, она посмотрела Лёньке в глаза самым нежным взглядом. Потом опустила голову ему на грудь и прошептала —

– Конечно, я люблю тебя, мой милый. Только давай будем меньше говорить и больше любить. А дойдёт дело до детей, решим. А сейчас неплохо бы нам пообедать.

Нашли чайную и пообедали сочным густым борщом и свиными отбивными. Лёнька при заказе попросил сто граммов водки. – Мне тоже водки, – попросила Оля офици-

антку, крепкую полную женщину лет сорока.

– Правильно, девонька, – сказала официантка, – командуй сама всегда. А то от мужиков когда чего дождёшься.

Оля улыбнулась ей.

Теплоход на Пермь приходил в Чайковский в десять вечера. Путешественники успели добраться до пристани на попутке с запасом времени и до прихода судна провели это время на берегу, кидая в воду камешки, соревнуясь, у кого больше будет прыжков по воде. Оба избрызгались, но были рады как малыши. А когда вбежали на теплоход и закрыли за собой дверь каюты, Оля скинула в одно движение своё голубое платье, и прижалась к Лёньке —

– Люби меня, мой милый! Люби нежнее и сильнее».

Сессия была в разгаре. Запаренный Сугробин за день до очередного экзамена в девять вечера лежал на кровати, зарывшись в учебники. И отдыхал, закрыв глаза. В этот момент его позвали к телефону. Он спустился на вахту.

– Это ты, мой мальчик? – раздался очень незнакомый голос Эммы. Ему показалось, что Эмма круто пьяна. – Я сегодня никакая, – подтвердила она Лёнькину догадку, – я пропадаю. Приходи, пожалуйста, очень надо. – И кинула трубку.

– Я отлучаюсь, мальчики, – сказал он находившимся в комнате Зосиму и Евгению Крюкову.

– До утра? – спросил Крюков.

– Не знаю.

Дверь у Эммы была не заперта. Эмма сидела на ковре у дивана и держала в руке стакан с вином. На полу стояла начатая бутылка и валялась пустая. На радиоле шипела давно окончившаяся пластинка.

– Мой милый мальчик, – радостно вскрикнула Эмма, пытаясь подняться, опираясь на диван. Но не смогла этого сделать и снова опустилась на пол. – Подойди ко мне, я тебя поцелую.

Сугробин поставил адаптер на место, выключил радиолу и опустился на ковёр рядом с Эммой. Она обняла его свободной рукой и поцеловала в висок.

– Как я рада, что ты пришёл. Выпьешь вина?

– У меня сессия, Эмма. И скажи, что с тобой.

– У меня снова ни черта не получается. Я бросила любовника. Мне не нужны любовники. Мне нужен мужчина, один, муж, друг. За которого я могла бы спрятаться в тяжёлую минуту и не бояться быть выставленной напоказ голышом. А остальное всё чушь, – она отхлебнула из стакана. – Понимаешь, мне тридцать четыре через месяц. Тридцать пятый. Это же всё! И мой мужчина уже не найдёт меня – он нашёл давно другую. Был бы ты ну хоть на пять лет постарше. Я бы стала для тебя самой лучшей женой на свете. На руках бы тебя носила. Ты ведь не понимаешь, какой ты. Ты мечта любой женщины, потому что не ждёшь любви, ты любишь, и всё вокруг тебя цветёт. Как я завидую той женщине, которая пойдёт через жизнь рядом с тобой. Только мы такие

глупые, так часто не понимаем, что отпускаем своё счастье, а потом хватаемся за соломинку...

– Эмма! Давай, я ванну для тебя устрою.

– Я не пьяна, меня не надо отпаривать.

– Конечно, нет! Но так приятно тебя охватит тёплая водичка со всех сторон. Ласковая такая водичка. Годится!

– Делай, как хочешь, а я ещё глоточек. Мне так плохо.

– Ну, разве что один глоточек.

– И как хорошо, что ты пришёл. Мне сразу стала светлее в этом мрачном мире.

Сугробин вспомнил, как Эмма отмачивала его после проводов брата, и пошёл наливать ванну.

– Ну что, народ! Вот вы и пятикурсники! И офицеры за-
паса, к тому же! Ощущаете!?! – ворвался в комнату Зосим Пахтусов, размахивая зачёткой.

В комнате сидели Чашихин, Сугробин. Руденко и Крюков.

– Тихо! Не шуми, – сказал Чашихин.

– А что!?

– А мы выпиваем по этому поводу.

– Действительно. А я и не заметил, что на столе бутылка и солёные огурчики. Мне присоединяться?

Но выпить Зосим не успел. Вошёл Клещёв, поставил на стол «Столичную» и крикнул —

– Опять эта мысль мой разум гложет, рождённый ползать летать не может!

– Сам сочинил? – спросил Сугробин.

– Нет. Купил за трояк.

– Недёшево.

– А чего мне дешевить. Виолетта, заходи, не задерживай. Все повернулись к двери. Вошла яркая блондинка.

– Знакомьтесь, ребята. Моя невеста. Мы с ней через неделю уезжаем на Сахалин.

– Не близко, однако, – задумчиво произнёс Крюков. – И по кой...

– Сахалин – это первая остановка. А дальше на Курилы. Мы завербовались в экспедицию..., э... В общем, по изучению всего неизученного. Там никто ещё из наших, советских людей, и не бывал.

– Смотрите там поаккуратнее, а то Хрущёв какие-то бумаги с Японией подписывает. Отдаст острова вместе с Вами, – встрял всезнающий Зосим.

– А с учёбой как? – спросил Чащихин.

– Никакой учёбы. Вот справка, что я закончил четыре курса, вот военный билет младшего лейтенанта запаса и вот моя спутница жизни, которая ценит свободу выше дипломов и тёплых клозетов. Хотя диплом среднего медика у неё имеется. А я буду просто рабочим.

– И всё же доучился бы. Диплом и на Курилах диплом, – не унялся Чащихин.

– Чтобы меня загнали туда, куда не хочу на три года приуниверситетской. Нет, спасибо. От армии я освободился, а дальше

пусть нами правит провидение. – Анатолий обнял Виолетту. – А это моя первая настоящая любовь. Куда я, туда и она.

– Вот первый свободный человек из нашей компании. Давайте выпьем за свободных людей, – сказал Сугробин и подал налитые стаканы Клещёву и его подруге. И когда выпили, спросил, – стихи на Курилах писать будешь?

– Верую в это.

– Тогда будь счастлив, но раз в год посылай весточки. По большому счёту я тебе завидую.

Сессия за четвёртый курс была закончена. Военные билеты офицеров запаса получены. И пятикурсники получили каникулы до середины августа. Декан уговорил старую гвардию отдать вторые две недели августа на благо института. Из общаги все быстро разъехались. Комнаты заселялись абитуриентами. Сугробин упаковал вещи для хранения, прибрал комнату и подждал Олю. Они договорились всё данное им свободное время быть вместе. На следующий день у них было намечено путешествие в Кунгур и посещение знаменитой Кунгурской ледяной пещеры. Удивительное дело!? Всем что доступно, человек не увлекается и, не останавливаясь, проходит мимо. Клещёв, когда рисовал Сугробину прелести Пермского края, не забыл упомянуть пещеру в Кунгуре. А когда они приехали в Пермь, времени у него не нашлось, чтобы показать другу необычность. А любознательные люди, живущие за тысячи километров, организуются и едут в Кунгур повидать чудо, какого в Советском Союзе

больше нет. Время стремительно уменьшало срок пребывания Сугробина в Перми, и он уговорил Бельскую быть ему гидом при посещении сей достопримечательности мирового значения. Кунгур находился всего в полутора часах езды от Перми по главной железной дороге страны, по которой следуют все сибирские и дальневосточные экспрессы. Не так уже далеко за Кунгуром стоит знаменитый столб-obelisk, разделяющий страну на Европу и Азию. А в Кунгурских землях, переполненных известняками и гипсами на правом берегу реки Сылвы образовалось бесчисленное количество пещер больших и малых.

– Олинька, – говорил Сугробин, когда они ехали в поезде, – ты не бойся. Я не Том Сойер⁴² и не поведу тебя во глубину уральских руд. Мы с краешка поглядим там, где электричество горит, и обратно. Ладно.

– Я и сама дальше не пойду и тебя не пущу. Там столько историй о потерявшихся. Эти пещеры тянутся неизвестно куда на десятки километров.

– Названия здесь у вас красивые – Кунгур, Лысьва, Чусовой... А вот новые название такие же примитивные, как и везде – Закамск, Краснокамск. И кого у нас в стране чиновниками назначают!?

Пещера Сугробина покорила. Первый же грот Бриллиантовый ослепил алмазным блеском миллионов сверкающих

⁴² Герой повести Марк Твена «Приключения Тома Сойера», в которой герой повести завёл свою подружку в пещеру и они там затерялись.

в электрическом свете ледяных бриллиантов самых невероятных форм и видов. Видение было настолько завораживающим, что не идти дальше, не уходить отсюда уже не хотелось.

Получил удовольствие, – улыбаясь, спросила Оля.

– Я хочу украсить тебя не хуже этой пещеры и посвящу свою жизнь для достижения моего желания.

Оля вздохнула и опустила глаза. Ей невыносимо больно было видеть сияющий радостный взгляд Сугробина, обращённый на неё. Чувство свободы, наполнившее её в новогодние праздники, было разрушено глубоким подсознанием, внушавшим ей, что она не может нарушить клятву и счастья у неё с Сугробиним не будет. Ей не хотелось в это верить. И она летела к Лёньке и с ним забывала обо всём.

IX

Трудовая повинность, не оставившая даже пятикурсников, закончилась. И отмотав срок с 16 августа по 30 сентября, пятикурсник Сугробин собрал в общаге все свои рабочие шобоны в мешок и выбросил в мусорку.

– Хватит! – сказал он своим друзьям Стасу Руденко и Зосиму Пахтусову. – Отработался киркой и лопатой. Мы уже без пяти минут технические интеллигенты, покидаем рабочий и крестьянский классы и переходим в прослойку⁴³ Работая головой, мы должны принести большую пользу нашей отчизне.

– Может, выпьем по такому поводу, – предложил Пахтусов. – Мы со Стасиком пузырьёк беленькой прикупили на случай.

– Отчего бы нет! – согласился Леонид. И добавил, – надо бы Женьку подождать. Он где приотстал.

– Ему в деканате что-то надо было узнать, – откликнулся Руденко.

Зосим смахнул со стола газеты и книги, поставил бутылку водки, пакет с малосольными огурчиками с рынка и полбул-

⁴³ Коммунистическая партия определила социальный состав населения из трёх групп: класс рабочих, класс крестьян и прослойка рабоче – крестьянской интеллигенции. Коммунистическая партия определила социальный состав населения из трёх групп: класс рабочих, класс крестьян и прослойка рабоче – крестьянской интеллигенции.

ки чёрного хлеба. Стас пошёл на кухню мыть стаканы.

Выпив, и похрустывая огурцом, Сугробин продолжал тему.

– Всё же замотал Хрущёв студентов трудовым воспитанием. У меня брательник учился с пятидесятого по пятьдесят пятый, и всегда зимняя сессия у него была в январе, летняя в июне. И на каникулы всегда ждали в одно время с двадцатого января и с первого августа. А нынче как проклятые. С одноклассниками только на втором курсе повидаться удалось и то, когда в училище находился. А сейчас закончим, разъедемся, и мама не горюй. Никого никогда и не увидишь.

– Да не грусти! – утешил его Женька Крюков, который вошёл в комнату с началом его выступления и стоял у дверей, дожидаясь окончания Лёнькиного монолога. В руках он держал свёрток, в котором поблескивал пузырьёк «Столичной» – Сейчас вот выпьем и полегчает. Впереди у нас уже точно никакой принудиловки.

Все снова выпили. Руденко достал гитару.

Тебе двадцать, а мне восемнадцать.

Не года, а жемчужная нить.

.Коль не нам, так кому же влюбляться,

Коль не нас, так кого же любить!

 Это ландыши всё виноваты!

 Этих ландышей белых букет.

 Хорошо погулять неженатым

 На рассвете студенческих лет

Дай последний разок поцелую,
Перелью свою душу в твою.
И уеду далёко, далёко.
Навсегда от тебя я уйду.
(Студенческий фольклор)

– А народ в курсе, что последний семестр будет с декабря по февраль, а преддипломная практика в октябре – ноябре, – сказал Крюков, когда снова выпили. – Это для того, чтобы диплом можно было готовить уже сейчас. Для спецов по двигателям внутреннего сгорания открывается с 20 октября город Харьков с его знаменитым тракторным заводом. Я уже записался.

– Где записывают? – спросили хором не знающие.

Ответить Крюков не успел. На песню откликнулись соседи. За ними пришёл Чашихин. И экспромтная студенческая пирушка пятикурсников закончилась за полночь.

Желающих выполнить преддипломную практику в Харькове набралось семь человек и среди них три девушки. Сугробин застолбил на кафедре тему по созданию форсированного двигателя, Крюкову мечталось сделать для трактора автоматическую коробку передач, Пахтусову и Руденко хотелось сотворить автоматическую линию по изготовлению распределов. И продвинутые в технике девушки Света, Галя и Таня тоже желали вставить свои имена в историю. Старшего в группу не назначили – сами не маленькие. В приказе на отъезд декан назначил номинальным ответственным

Зосима, припомнив видимо, что тот помор. С Олей Сугробин распрощался накануне отъезда. Всё лето она ни одного свободного часа не проводила без него, и Лёнька чувствовал за спиной крылья. И он не ходил, а летал и делал все дела в разы больше обычного. Он отлично успевал в науках, успешно занимался спортом, вламывал бригадиром на стройке, всегда был весел и неутомим во всём. И не замечал проскальзывавшей иногда в глазах любимой не высказываемой тоски. В Харьков ехал в настроении победителя, уверенный, что по возвращении поставит все точки на будущее.

Путешествие в Харьков было очередным познанием мира. Эта практика окончательно сформировала Сугробина как инженера-механика по автотракторному производству и двигателям внутреннего сгорания. А с учётом неплохих знаний по прикладной электротехнике и другим техническим дисциплинам, он выходил на диплом весьма подкованным специалистом по многим вопросам. И, как шутили дипломанты, их подготовки может, и не хватало на премьер-министра, но на секретаря обкома знаний было достаточно!»

1960 год. 24 октября.

На космодроме Плисецк за пять минут до старта взорвалась баллистическая ракета. Погибло 124 человека вместе с Главным маршалом артиллерии Неделиным.⁴⁴ В этот день

⁴⁴ В те годы власти не нагружали население страны бедами и трагедиями случившимися в жизни страны Советов также.. И потому студенты на практике

в Советском Союзе в ракетных войсках не проводятся боевые работы по запускам ракет. С маршалом Неделиным Сугробин встретится через двадцать пять лет, когда маршал предстанет перед ним в виде могучего корабля.

Вернувшись в Пермь, Сугробин отметил возвращение праздничным вечером с Бельской. Она была рада его возвращению, и никакой грусти в ней он не отметил. «Придираюсь» – подумал он. Начались занятия. Пятикурсники, получив утверждённые темы дипломов, и пройдя преддипломную практику, больше времени уделяли диплому и меньше гуляли. Двадцать седьмого декабря Сугробин оделся как на праздник, о чём не преминул поддеть его Крюков, и покинул друзей, когда на часах прозвенел полдень. В цветочном магазине купил три розы, спрятал их за драп демисезонного пальто, охраняя от мороза, и пошёл к Ольге делать предложение. Ему начало казаться, что она рада его молчанию. Он не звонил по телефону. Внутренний голос говорил ему, что она дома. Дверь открыла сама любовь.

– Какой сюрприз! – сказала Бельская.

в Харькове были заняты только своими печальями и радостями. С маршалом Неделиным Сугробин встретится через двадцать пять лет при оснащении могучего научного корабля «Маршал Неделин». Но спустя и полвека, Сугробин так и не пришёл к однозначному выводу правильности – неправильности скрытия информации о трагедиях. Нынешние ежедневные сообщения о гибели многих и многих людей в самых разных ситуациях притупили восприятие трагичности. И смерть людей воспринимается просто как неизбежное зло, которое по случайности тебя не коснулось. И ты рад этому. (Прим. автора)

Сугробин распахнул пальто, снял левой рукой шапку и протянул цветы —

– Это тебе, Белочка!

– Всё! – подумала Оля. – Пришёл с предложением. Всё кончилось. Кровь отлила от лица, и она побледнела.

– Что с тобой, девочка? Ты испугалась?

– Конечно. Ты такой торжественный. Сейчас скажешь, что любишь меня.

– То, что я тебя люблю, ты слышала много раз. Я пришёл сказать тебе, чтобы ты стала моей женой. Навсегда. Браки свершаются на небесах и заключив его, я обещаю любить тебя всегда и быть только твоим.

Оля молчала. Она готовилась к этой сцене и не была готова. «Броситься на шею, зацеловать... Сказать – согласна. Надо сказать ему немедленно» Но неведомая сила сковала её язык и ноги. Она опустилась на диван.

– Что с тобой, Белочка? – испуганно склонился над ней Сугробин. – Я сказал не так, как ты хотела услышать? Да? Я скажу по-другому. Мы поедем с тобой на новый год к Ивану Макаровичу и маме Тине. Иван Макарович простой красноармеец в отставке, но он три войны прошёл. Он мудрый, он тебя полюбит, и никто из моих родных слова поперёк тебе не скажет. Да и видеть мы их будем не часто. У нас своя дорога.

– Всё хорошо, милый, – отклеился, наконец, у Ольги язык от нёба. Но сказала она совсем не те слова, какие хотела ска-

зять. – Только зачем спешить. Подождём весны, а пока справим новый год как всегда, будем петь, танцевать, любить...

– «Какая-то в державе датской гниль!», – сказал Сугробин за принца датского, отклоняясь от Оли. – Я ничегошеньки не понимаю. Два года дружбы и любви не рассказали мне о тебе ничего. И я отдал сейчас себя в руки совсем незнакомой мне женщины. Или что другое?

– Другое... – шептала внутренним голосом бедная девушка, сминая слёзы.

– Я подожду настоящего ответа. Но сейчас я не могу быть с тобой.

Сугробин вышел и осторожно прикрыл за собой дверь. Оля слышала его тяжёлые шаги по лестнице до первого этажа, стук хлопнувшей входной двери. И только тогда нервы её распушились.

– Ой, мамочки, – закричала она и зарыдала бескрайне и безутешно.

Из разрезаемого по живому узла брызнула первая кровь. Возвратившаяся после работы Олина мама нашла дочку в бреду.

– Что с тобой, доченька? – кинулась она к ней.

– Он ушёл, мамочка! Что мне делать? Я люблю только его и он ушёл. И зачем я тогда поклялась, призвав в свидетели Бога!? Я же всё у себя отняла. Никто и никогда не станет в моей жизни Сугробиим. Уж лучше бы изнасиловали меня в тот подлый день, чем тащить на себе такую ношу,

которая мне не нужна, – говорила Оля торопливо, бессвязно, горячо. – У меня сил нет никаких: одному писать письма про любовь, и беззаветно любить другого. Это ужасно. А напишу я в лагерь, что прошу простить, так он или там себя убьёт, или дождётся освобождения и прибудет всю семью нашу с Сугробиним. И в любом случае на мне вина будет и перед людьми, и перед всевышним. А бабушка его на днях мне встретилась. —

– Помнишь ли ты, доченька, внучка моего, который красу твою девичью спас?

– Помню, – говорю, бабушка, помню. А у самой в голове только Сугробин и я с ним. И только мне решать. Грехов на мне на целую улицу. Мне же язык сковало. Хотела ответить, что согласна, и не смогла.

Оля снова заплакала. Мама гладила дочку и сама плакала. Ей нравился Сугробин. Она знала, что дочка любит его, и позабыла свою полудетскую любовь, которая оборвалась так трагически. Помнила она и отчаянный крик дочери: «Я клянусь перед Богом, что буду только твоей!» Всё проходит, но ничего не забывается. Там, в лагерях, её дочь единственный маяк для выживания. А Сугробин и его разбитая судьба!? Если б у них была просто интрижка!

А Ольге в бреду вспомнилась их шутка с Сугробиним, как государь разрешил графине самой выбирать мужа, а та отказалась и заявила, что не пойдёт ни за кого, а уйдёт в монастырь.

– В монастырь, – простонала она.

– О чём ты, доченька? – переспросила мама.

– В монастырь мне надо, в монастырь и молиться за обоих.

– Что ты, доченька, очнись. В какой ещё монастырь?

– Ничего не знаю, мамочка. Где наш папа? Он мудрый, он подскажет.

– Скоро подойдёт, моя девочка. А пока выпей капельки, успокойся и засни...

Сугробин ничего не понимал, кроме того, что почему-то получил отлуп. И ему впервые захотелось наорать на Бельскую и порвать все верёвки и ниточки, связавшие их в единое и неразрывное, как ему казалось, целое. Что она хочет!? Быть вечными любовниками? Вот в этом случае он поддержит Лермонтова и скажет, что «вечно любить невозможно». Жена, дети, семья. Это другое дело. Там любовь продолжается, продляется общим будущим, надеждами и свершениями. «Поеду к Ивану Макаровичу, – решил Сугробин, – один и прямо сейчас» И он уехал не позвонив, и не оставив записки.

К Ивану Макаровичу за день до Леонида приехала старшая дочь с детьми: мальчиком семи лет и пятилетней девочкой. И когда появился Леонид, в доме стало совсем весело.

– Хорошо-то как, – только и сказала мама Тина, убрав уголком фартука выскочившую нечаянно слезинку.

– Эх, почаще бы заглядывать надо было, – подумал Леонид. – Постарели они у нас.

– Когда будем баньку делать? – деловито спросил отец

– Только тридцать первого. Чтобы не успеть запачкаться мусором старого года, – ответил Леонид. – И водку надо купить на старые деньги. И на первое число тоже. Непонятно, как получится эта хрущёвская денежная реформа. Пока он что не проводил, всё время народ в накладе оказывался.

– Тогда пойду в магазин.

– И я пройдуся, – сказал Леонид. – Сестра, а сестра. Малышам ёлку поставить надо?

– Надо.

– Вот и прикуплю маленькую

Продажу ёлок Сугробин обнаружил рядом с автостанцией и выбрал пушистую, свежесрубленную полтораметровую красавицу. Продавец аккуратно перевязал ветки шпагатом и Леонид, прижав ёлку одной рукой к талии, пошёл в центр, к дому культуры. У афиши остановился и внимательно прочитал рекламу о новогоднем бале – маскараде, где обещалось веселье до упада под джаз – оркестр, в котором только девушки. По Союзу только что повторно с громадным шумом прокатился американский фильм «Серенада солнечной долины», где главную роль играл знаменитый оркестр Глена Миллера. И «Чу-ча» у студентов была на слуху. «Интересно было бы послушать», – подумал Леонид и в этот момент его крепко хлопнули по плечу. Он обернулся.

– Лёнька, чертяка, здорово!

Перед ним стоял Юрка Коротков, повзрослевший, попол-

невший, но такой же улыбающийся, как и раньше. От него тянуло свежей водочкой.

– Как хорошо, что я тебя встретил. Ведь мы же сколько лет на одной парте сидели. Ты ещё студент!? А я в армии три года отбарабанил. Сейчас в милиции работаю. Уже младший лейтенант. Женился на Тамаре (назвал он фамилию девушки из параллельного класса) – Коротков в три минуты выложил все о себе и ждал рассказов Сугробина.

– Я очень рад, Юра, что у тебя всё так хорошо. А я приехал родителей навестить. Вот ёлочку купил. Ребятишек сестра к деду привезла.

– А может по соточке для встречи. «Дон» работает, как и прежде.

– Да у меня ёлочка, неудобно, – защитился светленьким деревцем Леонид, – выпить всегда успеется. Ты бы обеспечил меня билетом на бал. Девичий джаз послушать хочу.

– Нет вопросов у матросов, – сказал Коротков и вынул из внутреннего кармана пальто цветной новогодний билет. Всё распродано и роздано. Хорошо, что ты сейчас встретился, к вечеру уже бы не было.

– Сколько с меня?

– Как всегда – бутылка. Но на балу. Договорились. Ты один будешь? Я тебя с такими девушками познакомлю... Не пожалеешь. Ну, будь.

Оля Бельская дома с родителями обсуждала свои пробле-

мы. Нервный срыв у неё прошёл, но вид был нездоровый.

– Вот, папочка и мамочка, такие у меня не решаемые дела. И как мне поступить, я не знаю, если когда я хотела сказать Сугробину «Да», ноги держать перестали и язык во рту застыл. А я никого не люблю, и любить не буду, кроме него. Ведь он мне сказал, что уже любит моих будущих детей, сказал, что будет жить, чтобы украсить мою жизнь так, как чёрную жемчужину обрамляют бриллиантами. И все частички меня трепещут, когда он со мной. И я сейчас поняла, что послала тогда свою клятву не в холодный космос, а великому Богу. И Бог принял её и спасает меня от грехопадения. Не запретил любить Сугробина, но навсегда ему не отдаёт.

Она утомилась от откровенного рассказа и тяжело вздохнула. Оля знала, что она любимая дочка и ей было нелегко решиться нагружать родителей. Она видела, что они радовались её дружбе с Сугробиним, которая уводила в забвение всё неудачно сложившееся прошлое. Но ей нужна была помощь.

– Вот что, доченька, – после длительного молчания сказал отец, – Раз ты считаешь, что дело твоё божеское, то к Богу надо и обращаться. Ты знаешь, что мы с мамой мало чтим церковные установки на жизнь и тебя ничему не учили, но окрестили в нужное время и присутствие Бога не отрицали в этом мире. И я думаю, что тебе надо пойти в церковь, к священнику на исповедь. Всё рассказать и услышать его совет. Я разужнаю, что и где можно сделать, и мы с тобой

съездим. А сейчас отвлекись, встречай новый год и пусть он принесёт тебе успокоение и новые радости. Иди ко мне, я тебя поцелую. Оля подошла к отцу, села к нему на колени, как бывало, садилась маленькой. И сидела, пока он её покачивал и целовал.

Тридцать первого декабря Иван Макарович истопил баньку. К вечеру банька выстоялась, и горячий пар от раскалённых булжников вынул из Леонида всю накопившуюся горечь и обиды.

– Будем, отец, как новенькие.

– Ты-то будешь. А я только посвежею. Но всё равно, банька это все мои лечебные процедуры. Ей только и держусь.

Когда все помылись и отдохнули, мама Тина с дочерью накрыли праздничный стол. Дети, услышав, что ночью придёт дед мороз и положит подарки под ёлку, отправились спать, чтобы быстрее пришло утро. За столом остались взрослые.

– Невеста-то есть, – спросила у Леонида сестра.

– Девушка у меня есть. Но невеста ли она мне – не знаю.

Перед отъездом сделал предложение. Остался без ответа.

– Что так?

– Не понимаю. Сейчас пойду на бал, поговорю с народом знакомым. Может, что и пойму.

На бал Сугробин попал, когда стрелки на больших часах при входе начали скручивать последний час старого года. ДК был разукрашен, как и пять лет назад, когда он пришёл первый раз как взрослый с Людмилой. Только трансляция была

звучнее и охватывала самые потаённые уголки. Леонид сдал пальто в гардероб и прошёл в большой зал. Огромная ёлка сверкала огнями и золотыми стеклянными шарами. На сцене играл джаз – оркестр, действительно состоявший из десятка девчонок. Четыре саксофона, ударник, рояль, два тромбона, аккордеон под управлением давнишнего знакомого Сугробина музыканта Саша Крылова, очень качественно исполняли «Чу — чу». После неё минутный перерыв и на сцене уже дуэт: мужчина и женщина. Оркестр заиграл очередной шлягер из «Серенады солнечной долины». Солисты оркестра озвучивали мелодию —

Мне декабрь кажется маем.
И в снегу я вижу цветы.
Отчего так сердце сладко замирает,
Знаю я и знаешь ты.

– Эх, Оленька, – подумал Леонид, – сказала бы ты мне «Да», приехала со мной, вышла на сцену и покорила земляков Сугробина. Но!?

Публика танцевала, веселилась. Толпу расцвечивали расписные клоуны, торжественно фланировали костюмированные персоны. Мелькнуло несколько знакомых лиц. Сугробин поднялся на второй этаж. За аппаратной был большой зал, использовавшийся для самых разных целей. Сейчас он был заставлен столиками, за которыми сидели и провожали старый год весёлые группы. Угощения на столы подавались по-

рядком самообслуживания из буфета, привольно раскинувшегося от стены до стены. В буфете торговали десятком продавщиц, и очередей не было. Между столиками танцевали пары.

– Сугробин! – раздался громкий голос из середины зала, давай сюда.

Леонид оглянулся на зов. У двух сдвинутых столов стоял Коротков и призывно махал рукой. – Давай сюда. Здесь все наши.

– С наступающим! – поприветствовал Леонид, оглядывая компанию. – Наши, да не свои, – подумал он. За столом сидела жена Короткова Тамара, двое незнакомых ребят и несколько молодых женщин.

– Это мой корешок, Сугробин, – представлял Коротков, – мы с ним шесть лет на одной парте сидели. Сейчас инженер без пяти минут. И холостой. Смотрите внимательнее, девочки.

– С меня причитается, как мне помнится, – прервал знакомство Леонид и пошёл в буфет за шампанским.

– Кто из наших ещё есть? – спросил Леонид Короткова, когда они выпили на брудершафт.

– Смирнов мелькнул со своей подругой и Ширяев Саня

– Тогда я пройду по залам, посмотрю...

– Девчонок бросаешь. Разберут, пока ходишь.

– Я вернусь, и если кто дождётся, я буду ей наградой, – ответил Леонид и подмигнул самой весёлой блондинке.

Ширяева и Смирнова он нашёл в нижнем буфете, который разместился в спортивном зале. Смирнов был со своей школьной девушкой, Ширяев с девушкой Витьки Фомина.

– Привет, девочки и мальчики! – обняв девчонок за плечи, сказал Сугробин.

– Лёнька! – крикнули все разом. – Вот уж не ждали.

– Садись, дорогой, – сказал Ширяев, подвигая стул, – садись, рассказывай.

– Да что ему рассказывать, – хором крикнули девчонки, – вместо бравого моряка в нашей среде ещё один стилига появился. Но повзрослел немного, такой задумчивый вид. Не женился? Да видно, что нет. Наши кавалеры нас тоже ещё не регистрируют. А у неё, – толкнула подругу Колькина девушка, – дружочек и не показывается, и не пишет. Стесняется, что его из армии уволили. Хорошо, что сегодня Саня на подмену подключился.

– Что уж на подмену. Я и на постоянку согласен, – возмутился игриво Саня, а его девушка улыбнулась.

– А что с Витькой?

– Невезуха у него, – ответил Николай, – полгода назад на аэродроме при замене узлов на самолёте, какая-то хреновина ему на голову упала и комиссия решила, что для службы он не годен. Сейчас у родителей восстанавливается. Волосы у него от этого посыпались.

– То-то он мне на два письма не ответил, и я писать перестал, – сказал Леонид и спросил Николая, – а ты что свою

красавицу томишь?

– Да она не соглашается. Ждёт, куда я направление получу. Довыпендряется она. Разозлюсь и возьму черноглазую татарочку (Николай учился в Казани в авиационном институте) И все дела.

Девушка Николая хотела что-то ответить, но оркестр заиграл знаменитые «Пять минут...» и солистка оркестра напомнила, чтобы «помирились все, кто в ссоре». Новый 1961 год вступил на Советскую землю. Мальчики и девочки целовались под брызги шампанского. Гремела музыка. Друзья Леонида покинули его, потерявшись среди танцующих. Он сидел немного, не думая ни о чём. Потом налил бокал шампанского и выпил за здоровье Бельской. И пошёл искать блондинку. В дверях в большой зал он грудь в грудь столкнулся с Валентиной. Он сначала и не узнал её. Такая она была красивая и счастливая. За ней стоял приятный молодой человек.

– Сугробин, это ты? – сказала Валентина, – не верю глаз своим. Я и думать перестала, что увижу тебя когда—нибудь. Балыбердин летом был. Сказал, что ты давно не моряк. Что так? – И обратилась к молодому человеку за спиной. – Погуляй, дружочек, пока я немного поговорю. И когда они отошли в сторонку, пояснила, – это мой муж уже полгода. Скоро детей нянчить будем.

– Поздравляю.

– Так что ж ты от моря отказался?

– Не дожидаются девушки моряков, Валюшенька. Вот

и переменял профессию, чтобы не покинуть любимую. А ты, я смотрю, дождалась своего счастья.

– Дождалась. И очень, очень рада. А у Буянской дочь. Шесть месяцев. Пишет, что появление малышки примирило её со всеми потерями и ей стало спокойно.

– Пусть ей будет хорошо, можешь передать. Я перегорел, и море мне не снится. Рад за тебя, рад буду встретиться в будущем. Ведь «на то она и первая любовь, чтоб мы о ней совсем не забывали». ⁴⁵ А ты самый близкий свидетель той любви. Поцелуемся на новое счастье.

Валентина упорхнула. Сугробин прошёл в заполненный танцующей публикой зал. Оркестр ушёл за кулисы на встречу нового года. Диск – жокей крутил пластинки. «Гляжу я в полутёмную аллею, и снова предо мною всё, что было, – плакала певица, – как я ждала, как я тебя любила...».

«Что ж не дождалась», – пробормотал Леонид, пробираясь на свободные кресла у стены. Но едва он обустроился, и начал разглядывать танцующих, надеясь увидеть новую знакомую, как рядом с ним опустилась на кресло женщина в полумаске.

– Не позволит ли молодой человек посидеть рядом с ним, – сказала маска.

– Почему бы нет, если это позволено Вашим кавалером, – ответил Леонид и посмотрел на женщину. За маской скрывались внимательно его рассматривающие глаза.

⁴⁵ Строчка из фольклорной песни.

– Ну, кажется, снаружи почти не изменился, – сказала маска. – А меня, как видно, не признать. Убираю карнавал.

– Марина!?

– Привет, дезертир морфлота. Спасибо, что не забыл женщину, которая тебя любит, и готова была ждать сколько надо. Так нет! За три года ни слова, ни весточки. – Потанцуем.

Они влились в танцующий круг, медленно вращающийся вокруг играющей огнями ёлки. Потолочные люстры были выключены. Полумрак навевал полугрусть

– Ты похорошела, Мариночка.

– Замуж я вышла, Лёничка. Без любви.

– Что так?

– А пока любимых дожидаясь, постареешь. Летом двадцать два стукнет. В прошлом году в редакцию по распределению приехал молодой журналист. Свободный и на вид достойный. Понравилась я ему, Лёничка. Полгода за мной ходил. Я и поддалась.

– И как жизнь без любви.

– А так. Как дело к близости, думаешь, что тебя обнимает твой любимый, и всё получается. За то никто не скажет, что меня никто замуж не взял.

– Но ведь ещё и суп из одной чашки есть приходится.

– А тут и совсем просто. Ни он, ни я готовить не умеем. Ходим в общепит. Там на людях, весело.

– Мне, почему-то грустно.

– И мне грустно. Ну, что ты заиклился на Людмиле, ко-

торая и не вспоминает о тебе. Почему словечка не написал. Я и сейчас готова бросить всё и уехать с тобой. Только скажи.

– И сделаешь очень больно своему мужу. Кстати, где он?

– С редактором водку пьёт. Рыбаки нашли друг друга. Я думаю, если любишь, никого жалеть не надо. А ты дурак, мой милый Лёничка. Юность кончилась. Дальше будет не любовь, а страсти и расчёт. Через год я заканчиваю свой филфак, и буду заказывать ребёнка. И любовь моя к тебе закончится. И у тебя не будет больше любви. Я была твоей суженой.

Томительное танго со словами о черноокой аргентинке щемило сердце.

– Почему в мире всё так неправильно, – простонала Марина. – Я знаю, что в самой глубине своей души ты любишь меня. И только не поймёшь, что уходят последние сроки. Ты мне только скажи, и я пойду за тобой.

Рядом раздался нетрезвый смешок.-

– А вот и жена. Нельзя отойти на минутку. Она уже чужого мужика охмуряет. Знал бы, что такая бойкая, ни за что бы не женился.

Леонид повернулся, не отпуская Марину. Двое, заметно подвыпивших мужчин, молодой и средних лет, смотрели на него с Мариной.

– Всё! Я ушла, знакомить не буду, – шепнула Марина и оставила Леонида. И повернувшись к мужчинам, обняла их, приговаривая, – пьянчуженьки вы мои. Вы не только жен-

щин прогуляете, но и редакцию с типографией прогуляете. Не пора ли нам ближе к дому – И подхватив их под руки, повела к выходу из зала, не оглядываясь.

– Действительно. А почему в мире всё неправильно. Почему я не откликнулся Марине, когда ещё не познакомился с Людмилой. И почему Людмила не дождалась меня и повернула стрелку моего жизненного компаса на все сто восемьдесят градусов. Почему мы с Бельской нашли друг друга среди миллионов, а она стала непонятной. И бедная, бедная Марина! Быть рядом с мужчиной без любви. И я, как и раньше, не могу ей помочь. Наверное, она права, что в глубине своей души я люблю её. Но это так глубоко и недостаточно, чтобы взять её за руку и сказать «Идём!» А Бельская для меня вся вселенная. – Все эти мысли роились в голове Леонида, возникая беспорядочно, то торопливо, то останавливаясь. – Утром позвоню Оле, – решил он, наконец. – А сейчас надо расслабиться.

Пока он беседовал сам с собой, незаметно для себя вышел за сцену за кулисы. В гримировальной комнате стоял праздничный стол уже порядком разрушенный, за которым сидели джаз вумен во главе с Крыловым и Коротковым.

– Поздравляю вас, девушки, с новым годом! И пусть моё мнение ничего не значит, я восхищён вашим оркестром и исполнением. Никогда не забуду, что в моём родном городке состоялся первый в СССР джаз, где играют только девушки. – Девчонки захлопали. – И тебя, Крылов, поздравляю

и выражаю искреннюю признательность за то, что сумел этих красавиц увлечь и объединить в ансамбль. Дай я тебя обниму.

– Давайте выпьем за такую оценку. Выпьем за успех девчонок. – подхватил Коротков. – Девочкам только шампанское, им ещё играть. А нам можно водочки. Лёнька не возражает?

– Пусть эта группа продержится несколько месяцев, я очень доволен, – говорил Крылов, – Здесь пять десятиклассниц, одна в девятом учится. Все разлетятся к осени... Но сегодня они играют.

– Добейся в исполкоме, чтобы в историю города вписали, и фотографируй как можно больше.

– Всё делается, не волнуйся, – сказал Коротков.

Оркестр ушёл на сцену. Бал продолжался. Леонид с Коротковым выпили ещё за дружбу и попрощались. Он не стал искать блондинку и покинул бал. Ему было понятно, что последние блики ушедшего детства скрылись вслед за Мариной. И ничто более не привязывает его к родному городку, кроме родителей. Сугробин шёл по заснеженным улицам. Светившая ярким светом в полночь луна, скрылась за тёмными облаками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.